

УРАЛЬСКИЙ

Ледотын

6
ИЮНЬ
1959

Первый луч.

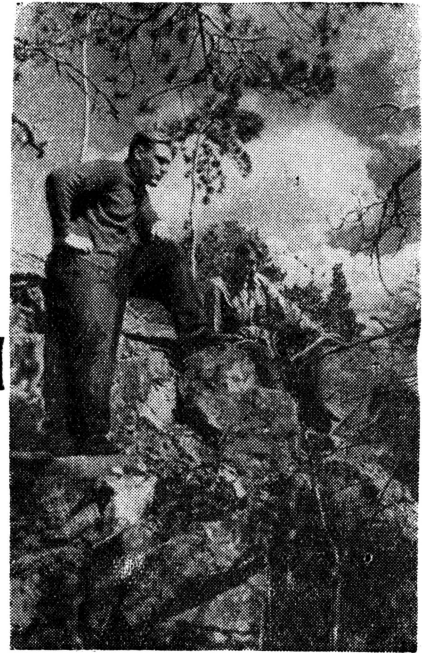
Фото П. Владимирова.

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

6 · И Ю Н Ъ · 1959

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

КЛАДОВЫЕ СЕМИЛЕТКИ
Беседа с В. А. Перваго

БЭХЕТ СЕЗГЭ!
Л. Зысина. Маленькие очерки

К ЛУНЕ И ВОКРУГ ЛУНЫ
Б. Ляпунов. Из будущего

РУССКАЯ ПЛЯСОВАЯ
Г. Королев. О юности старших братьев

ДВОРЕЦ-ЛЕГЕНДА
Новые сведения, исследования

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА
П. Бляхин. Приключенческая повесть

ЯРОСЛАВ ГАШЕК НА УРАЛЕ
С. Антонов. Очерк

ПЕРВАЯ РЫБАЛКА
П. Гагарин. Рассказ

В ЛЕСНОМ КРАЮ
В. Астафьев. Маленькие рассказы

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Словно сокол, восход
Распахнул свои крылья,
И над нами плывет
Лучей эскадрилья.

А над дальней долиной
Еще светит луна,
Нам далекой вершиной
Показалась она.

Пусть не тает в рассвете,
Дай немного вздохнем,
Скоро, скоро и эту
Мы вершину возьмем.

В. ГЕРАСИМОВ

На четвертой странице обложки рисунок
художника С. Киприна «Ночная вахта».

Свердловское Книжное Издательство

1959

КЛАДОВЫЕ СЕМИЛЕТКИ

*Какие планы у уральских геологов? В каких районах и как будут они в семилетке искать полезные ископаемые? Мы попросили об этом рассказать начальника Уральского геологического управления **Владимира Александровича Перваго**.*

Арифметика недр

Совсем недавно мне пришлось быть невольным свидетелем разговора в трамвае двух девушек:

— Нет, ты сама подумай, — говорила одна из них, сопровождая свои слова энергичными взмахами руки, — чем мы будем заниматься с тобой на практике? Снова работать коллекторами, каждый день описывать всем давно известные породы? Вот послали бы нас куда-нибудь подальше, в Якутию или на Алтай? Там есть дела для разведчиков. А здесь, на Урале, каждый метр изучен.

— Да, ты права, — ответила другая девушка. — Одно название, что мы геологи. Сейчас открыть новое месторождение почти невозможно. Все уже до нас открыли.

Мне хотелось вмешаться в разговор студенток, но трамвай остановился, и они вышли.

— Ах, девушки, девушки! — подумал я. — Это хорошо, что вы горите желанием приложить молодые силы и энергию к общему делу, что вам хочется поскорее и непременно самим открыть новые замечательные месторождения, поехать за тридевять земель и, несмотря на трудности, «бороться и искать, найти и не сдаваться!»

Это чудесно! Но считать, что седой Урал — уже раскрытая книга, что в его

подземных кладовых все учтено, все переписано и разложено по полочкам, — неверно.

К сожалению, «теоритики» оскудения недр Урала придерживаются и некоторые специалисты-геологи. Они считают, что с Урала все «взяли» и больше «взять» нечего.

Можно согласиться с подобными взглядами? Нет, нет и еще раз нет. О подземных богатствах Урала мы знаем очень немного. Нам известно не более $\frac{1}{3}$ месторождений, а $\frac{2}{3}$ еще скрыты от наших взоров под землей. Такова еще пока арифметика недр Урала.

Великий план семилетки развития народного хозяйства страны потребует много сырья, например руды. Раскрыть «кладовые земли» и поставить их на службу семилетки — наша задача.

Возьмем, к примеру, Серовский район Свердловской области. Здесь давно добывают железную руду. Большая история у железодельательной промышленности района. Казалось бы, здесь все хорошо изучено, но в действительности это не так. Северо-Песчанское железорудное месторождение до недавних пор считалось мелким и незначительным. Однако геофизиков заинтересовала отмеченная в этом месте небольшая магнитная аномалия. Чем она вызвана? Часть геологов объясняла ее скоплением магнетита на уже известном месторождении, а другие разведчики недр считали, что аномалия вызвана магнитными массами, расположенными на глубине. Кто прав, решить сразу было трудно. Крупные месторождения железной руды, такие как Высокогорское и Гороблагодатское, расположе-

ны на стыке (на контакте — говорят геологи) с изверженными породами — сиенитами. А здесь до такого контакта далеко, следовательно, и залежей как будто не должно быть.

Жизнь отвергла старую теорию. На глубине 270 метров разведочная скважина встретила рудное тело. Сто пятнадцать метров прошла она по руде отличного качества: железа в этой руде 53 процента. Запасы Северо-Песчанки сейчас исчисляются колоссальными цифрами: не менее 100 миллионов тонн.

Новое месторождение — богатая кладовая семилетки черной металлургии Урала.

Сегодня Серовский металлургический завод получает руду с шести месторождений. За семилетку завод должен удвоить выпуск стали, значит, нужно удвоить и добычу железной руды. Но действующие шахты и карьеры не могут этого сделать. На вновь открытом Северо-Песчанском месторождении в ближайшие годы построят шахту-гигант, которая сможет досыта «накормить» завод. К 1965 году шахта достигнет проектной производительности и будет поставлять железной руды в два раза больше, чем сейчас добывают на всех шести рудных базах завода.

Но и это не все. Геологи, работающие в Серовском районе, обещают порадовать нас еще новыми и новыми месторождениями богатых магнетитовых руд и бурокристых железняков.

Подземная целина

Слово «целина» прочно вошло в нашу жизнь. Оно говорит о бескрайних просторах плодородных степей, о хлебном изобилии, о славе комсомольцев. Но не только у хлеборобов есть целина, она есть и у нас, геолого-разведчиков.

Всего два-три года тому назад нередко были случаи, когда бурят, например, разведчики скважину, ищут уголь, а скважина встречает руду. Геологи-угольщики руду даже во внимание не принимали, ведь им нужно было найти уголь. А руда — это дело другого министерства. Бы-

ли и геологи, что в основном, разведывали те месторождения, где уже шла добыча, а на поиски новых месторождений шли неохотно.

Геофизики с их замечательными инструментами и приборами, позволяющими «заглянуть» под землю и чутко «прислушиваться» к биению ее стального сердца, работали отдельно от геологов. Несогласованность разведки привела к тому, что геофизики и геологи перестали понимать друг друга.

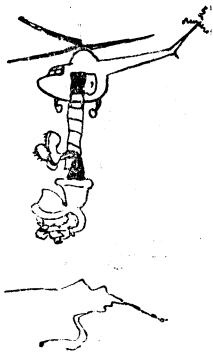
Сейчас «ведомственная целина» уже не связывает руки разведчикам. Все геологические организации теперь влиты в Уральское геологическое управление — главный штаб наступления на недра Урала. В каждом районе созданы территориальные экспедиции. Они ищут все без исключения полезные ископаемые, они полноправные хозяева своего района. Геофизики и геологи работают совместно, помогая и дополняя друг друга. Ведомственная целина поднята, и это препятствие для плодотворной работы подземных следопытов уничтожено.

Но осталась еще одна целина. И вот какая. Сравнительно недавно многие месторождения геологи открывали только лишь походя, изучая то, что они видели у себя под ногами. Сейчас таких возможностей у геологов почти не осталось: крупные залежи под ногами редко встретишь. А буровыми работами мы достигаем глубины 1,2 километра и только отдельными, «опорными» скважинами проникаем глубже двух километров. Земля таит в себе непочатые многочисленные богатства, и мы, к сожалению, пока о подземной целине знаем мало.

Взгляните на восточный склон Уральского хребта. На всех геологических картах Зауралье окрашено в желтый цвет: считается, что там полезных ископаемых нет. Но на самом деле те же самые складчатые части уральских гор, богатые всевозможными рудами и минералами, имеются и там. Они опустились в глубь земли, а сверху, как одеялом, их покрыли более молодые отложения.

Генеральный план наступления на Зауралье сейчас составляет член-корреспондент Казахской Академии наук, лауреат Ленинской премии Степан Дмитриевич Батищев-Тарасов. Прекрасный знаток Урала, открывший ценные месторождения Тургайской низменности, он не сомне-

ваается, что на востоке Урала в ближайшие годы будут выявлены новые замечательные богатства. На первых порах намечается исследовать неглубокую часть Зауралья. Это полоса — примерно треть ширины всей желтой ленты восточного склона. Глубина коренных пород от поверхности здесь около 300 метров.

Вначале разведчики изучат этот район с помощью геофизических приборов. Гравиметрическая разведка¹ разграничит изверженные породы от осадочных. Аэромагнитная разведка позволит установить, как залегают горные породы, а вертикальное электротондирование даст сведения об электрической проводимости их. Только после этого придут буровики. Они пробурят глубокие скважины там, где геофизики предполагают залежи полезных ископаемых. Они-то и завершат интересные поиски.

Карта-всезнайка

— Где искать медные руды? — спросили однажды у старого геолога.

Геолог внимательно посмотрел на собеседника и сказал:

— Много пластов, отложений в земле. Присмотритесь к ним

внимательно, и вы увидите страницы необъятной книги, на которых записана многовековая история Земли. Каждый минерал или руда залегают в определенных породах и имеют свой возраст. Медные руды образовались 300—400 миллионов лет тому назад. По геологическому летоисчислению тот период возраста Земли называется силурийским. В более поздних периодах, например в девонском, медную руду не встретишь.

Раньше такой ответ был бы правильным. А теперь нет. Дело в том, что на Южном Урале в последние годы геологами обнаружены меднорудные месторождения: Гай, Учалы, имени XIX партсъезда, Джусалы — с большими запасами меди в... девонском периоде. Получается,

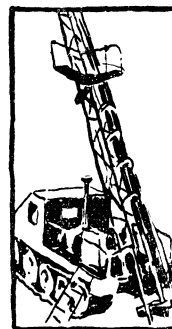
что медные руды могли образоваться значительно позднее, чем предполагали всегда ученые-геологи.

Изменилось и представление о залегании медных руд. Всегда считали, что они встречаются в местах, где земные слои собраны в складки, наклоненные круто вниз. А на Южном Урале, где были найдены богатые месторождения меди, складки пологие, больше похожие на морскую волну.

Новые черты «характера» важных промышленных руд требуют новых объяснений, научных обобщений и выводов. Как искать медные, железные и другие руды, какие признаки, по которым руды «выдают» себя, сохраняются, а какие устаревают? Много вопросов возникает у разведчиков недр. На них должна ответить карта-всезнайка. Так мы назвали металлогеническую карту¹ Урала. На нее нанесут все известные месторождения Урала, а кроме того (что особенно важно!), отметят участки, где возможно найти новые рудные кладовые.

Такие карты-всезнайки существуют в Казахстане, в Приморском крае. Теперь настала очередь и для Урала. В течение двух-трех лет большой коллектив уральских геологов должен составить такую карту.

Это будет карта-путеводитель: она поможет правильно определить тайники подземных сокровищ и вести их поиски на научной основе.

Наша помощники

Геологоразведчикам в их работе помогает много всяких машин и механизмов. На вооружении у буровиков — прекрасные буровые установки ЗИФ-650А, ЗИФ-1200А, БС-1200. Буровой агрегат ЗИФ-1200А, оригинальной отечественной кон-

струкции, позволяет пробурить скважину до глубины 1200 метров.

А у геофизиков вы встретите сейсмостанции, регистрирующие упругие свой-

¹ Гравиметрический (гравитационный) метод разведки основан на замерах силы тяжести в различных местах на земной поверхности.

¹ Карта покажет места возникновения металлов (генезис — по-гречески означает возникновение, рождение).

ства пород при взрывах, магнитометры, измеряющие магнитное поле Земли, гравиметры, определяющие силу тяжести на земной поверхности.

Неограниченные возможности раскрывают перед разведчиками новые конструкции вертолетов. Юркие «мишки» служат не только для перевозки продуктов и материалов, но они легко могут переносить на новые площадки тяжелые буровые станки и другое оборудование.

Для связи между партиями и экспедициями теперь есть радио. Вместо радиоламп в передатчиках и приемниках появились полупроводниковые приборы. Поэтому радиоаппаратура стала легкой, например, радиостанцию «Недра-1» можно положить в карман.

Много замечательных машин выпускает прославленный Уралмаш. В Советском Союзе из каждых десяти буровых установок восемь собраны руками уральцев.

В этом году разведчики получают от уральских машиностроителей еще одну новинку — буровую самоходную установку для работы в труднопроходимых условиях. Новая установка очень удобна и маневренна. Она установлена на тракторе-вездеходе, управление ее автоматизировано — сложными механизмами управляют всего два человека.

На буровой установке можно бурить не только обычными, но и алмазными коронками. В предстоящей семилетке уральским буровикам нужно будет пробурить 300 километров скважин с помощью алмазов. Алмазными коронками можно бурить значительно быстрее. Они врезаются в породу любой твердости. Кроме того, алмазные коронки позволяют бурить скважины небольших диаметров — 56 и 44 миллиметра. Это очень выгодно, скважина будет стоить дешевле, на разведочные работы потребуются меньше средств.

В последние годы разведчики стали широко применять и кароттаж. Это совершенный способ разведки с помощью электрического тока. Одни горные породы проводят ток хорошо, а другие — плохо. Пользуясь этим свойством, геофизики измеряют электрическое сопротивление пересекаемых скважиной пород и точно определяют их. Геологи заставили работать на себя и добрый атом. В скважину спускают изотоп кобальта, излучающий гамма-кванты, и небольшой счетчик излучений. Невидимый поток излучений про-

ходит через породы и точно отмечается счетчиком. Чем меньше плотность породы, тем большее число импульсов отметит счетчик.

Наши уральские геологоразведчики разработали совершенно новый метод кароттажа. Он получил название «наведенной активности». Если руды, содержащие медь и алюминий, подвергнуть облучению, они сами становятся радиоактивными и сообщают, на какой глубине вы их встретили и каковы их качества. Образцы руды не нужно поднимать на поверхность и посылать на анализ в химическую лабораторию. Анализ производится под землей, в скважине.

В путь, в путь!

«Минералы и руды сами на двор не придут, требуют глаз и рук для своего прииска», — говорил еще Михайло Ломоносов. Итак, за дело, следопыты! Пионеры и комсомольцы могут оказать геологам неоценимую помощь.

Маленькие находки в вашем туристском или геологическом походе, на первый взгляд, даже незначительные, могут быть сигналом к открытию новых запасов полезных ископаемых.

Отправляясь на экскурсию, в поход, в поиск, внимательно и вдумчиво изучайте геологию и минералогия своего района.

На камне обнаружены сине-зеленые разводы — здесь где-то, может быть, скрывается медь. Радужная маслянистая пленка в болоте — нить к месторождению нефти.

На Урале нет промышленных месторождений слюды. Слюду привозят из Иркутской области. Но разве нет у нас под боком мускевитов? Есть. Нужно только более тщательно искать их, внимательно просмотреть всю полосу от Слюдногогорского до Полдневского месторождения.

Труд и терпение — обязательные условия успехов. Именно такими качествами обладали многие уральские первооткрыватели.

Большие дела ждут нас, дорогие друзья. В добрый путь, следопыты!

Беседу записал инженер **Б. ЦЫВЬЯН.**

СЛЕДОПЫТСКОЕ

Хроника ПОХОДОВ

Туристы Свердловской школы № 36 отправляются в поход по Среднему Уралу: Ревда — Верхние Серги — Михайловский завод. В этом районе они обследуют источники, определяют, какие из них — целебные.

* *
* *
* *

Следопыты свердловской школы № 67 решили создать свой краеведческий музей. Материалы для него — коллекции минералов, образцы горных пород, гербарии — они соберут во время 250-километрового похода по Южному Уралу.

НА ВТОРОМ ЭТАПЕ

Сейчас в разгаре соревнование следопытов на втором этапе Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников. Уральцы разыскивают и изучают новые материалы по истории гражданской войны на Урале, встречаются со знаменитыми людьми промышленности, осматривают стройки семилетки, ищут полезные ископаемые.

Второй этап экспедиции завершится у нас праздником сороковой годовщины освобождения Урала от Колчака.

* *
* *
* *

В этом месяце по всему Уралу проводятся туристские слеты. Лучшие отряды — победители районных слетов — придут на XIV областной слет юных путешественников, который организует Детская туристско-экскурсионная станция. Слет состоится 1—4 июля в окрестностях Свердловска. Тысяча пионеров будет участвовать в нем. На слете они проведут туристскую эстафету, соревнования по технике туризма: кто быстрее разожжет костер, вскипятит воду, ориентируется на местности, пройдет по азимуту, правильно уложит рюкзак, кто лучше знает карту и топографические знаки.

* *
* *
* *

Ученики школы № 39 решили в августе поехать в Ленинград, познакомиться с историческими местами и замечательными памятниками мировой культуры. А перед этим они совершат походы в окрестностях Свердловска, будут искать минералы, составлять гербарии, исследовать интересные памятники природы вокруг родного города.

* *
* *
* *

Дом пионеров Чкаловского района Свердловска организовал трудовой туристский лагерь. На деньги, заработанные в колхозах, ребята этим летом совершат увлекательное путешествие на пароходе от Перми до Астрахани.

ЛЕТО

У «ГЛОБУСА»

Члены исторического кружка краеведческого общества «Глобус» при Свердловском Дворце пионеров едут на Украину в город Ровно. Они пройдут по местам, связанным с именем легендарного разведчика-уральца Георгия Советского Союза Николая Кузнецова. Кружковцы поедут в Латвийскую ССР, близ города Даугавпилса соберут материал о героических действиях партизан, среди которых сражался бывший член общества «Глобус» Георгий Борисов. Геологи «Глобуса» проводят три больших похода. Первый — по маршруту Свердловск — Невьянск — Нижний Тагил — Черноисточинск — Невьянск. Около Черноисточинска, по реке Бобровке, встречаются в россыпях демантоиды — прозрачные зеленоватые самоцветы. Ребята хотят найти коренной выход демантоидов. Геологи «Глобуса» ищут и строительные материалы: песок, гравий, гальку, а также облицовочные и поделочные камни — мрамор, родонит, яшму.

Второй маршрут: от Ревды до Шунта Камня — высшей точки Коноваловского увала (722 м). В походе будут исследованы источники и ключи в поисках минеральных вод. От Шунта по реке Хмелевке отряд направится к курорту Нижние Серги (в этих местах есть признаки асбеста), позднее на лодках или плотах спустится по реке Уфе до поселка Арти, где примет участие в работе геологической партии.

Большой поход на мотоциклах Свердловск — Челябинск — Миасс — Магнитогорск — Белорецк — Бакал — Сатка — Карабаш — Свердловск совершит третья группа геологического кружка.

Хроника походов

В район героических боев возле станции Шамары выедут в июле краеведы свердловской школы № 86. Они будут собирать материалы по истории гражданской войны.

Свердловский клуб «Турист» организовал на озере Глухом туристскую базу. На ней летом побывают многие школьники Верх-Исетского района.

* *

Следопыты города Серова — ученики 16-ой школы — едут на велосипедах по маршруту: Серов — заповедник Денежкин Камень — Североуральск — Волчанск — Карпинск — Красноуральск — Серов. Цель похода: изучить природу Северного Урала, познакомиться с промышленными предприятиями, встретиться со значительными людьми.

* *

Краеведы Луниевской семилетней школы (Пермская область) ищут строительный песок. Они уже сделали разведку. В июле ребята будут изучать пещеры по реке Чаньве. Затем они отправятся в увлекательный поход к Широковской ГЭС и поднимутся на красивую вершину Уральских гор — Ослянку.

БЭХЕТ СЕЗГЭ!

«Бэхет сезгэ!» — по-башкирски «Удачи вам!».

В нынешней семилетке добыча нефти в нашей стране возрастет в два с лишним раза. Особенно сильно увеличится ее добыча в нашем Приуралье, на территории Башкирской Автономной Республики, которая по добыче нефти уже обогнала знаменитую нефтяную республику Азербайджан.

Выпускница Уральского университета имени А. М. Горького Л. Зысина, готовясь стать журналисткой, решила побывать у нефтяников Башкирии и написать несколько очерков из их жизни. Серия маленьких очерков «Бэхет сезгэ!» — это дипломная работа Зысиной.

Рисунки к очеркам сделал молодой свердловский художник Спартак Киприн. Он также ездил на длительное время к нефтяникам Башкирии и привез оттуда альбом зарисовок.

Нефтяники — суровый, мужественный народ, одержимый своей трудной работой. И действительно, хочется пожелать им большой удачи в битве за нефть. Это простые советские люди, и ничто человеческое им не чуждо. О их жизни, о некоторых из них и рассказывается в очерках.

1. ВМЕСТО КИНОФИЛЬМА

Бурильщик Максим Сергеев зашел в клуб. На вахту ему заступать с двенадцати ночи, а с восьми в клубе киносеанс. Максим даже не поинтересовался, какую привезли картину. Когда кино бывает редко, название не так уж важно.

Народу в клубе много, и скоро стало душно. Максима немного разморило, ему и двигаться не хотелось. Он сидел и ждал. Какой-то парень, сосед, спросил, сколько

времени. Максим не сразу понял, чего от него хотят. Затем медленно начал засучивать рукав, чтобы взглянуть на часы.

Вельветовая куртка была новая, широкий манжет плотно обхватывал запястье, и пуговицы упорно не желали вылезать из петель. Максим долго возился, пока растегнул манжет. Наконец, ответив парню, лениво поду-

мал: «Накогда не начнут вовремя». Он любил, чтобы все делалось быстро.

Сеанс все не начинался, вокруг разговаривали, смеялись. Среди этого неясного гомона в переполненном зале Максим не сразу услышал сдавленный женский голос.

— Буровая горит! — крикнула Полина Берняева.

Парень, сосед, толкнул Максима локтем:

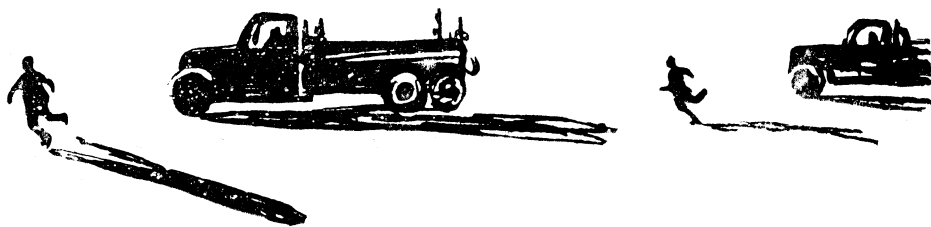
— Слышишь, буровая вышка горит!

Максим сорвался с места, вскочил, столкнулся с Полиной. Посмотрел ей в лицо и сразу крикнул, сам не понимая кому: «Ребята, наша!» Пробираясь к выходу, он увидел, что Нур Хоматов, Петр Гуслин и Володя Поляков тоже спешат к дверям. Максим побежал.

Они выскочили из клуба. Небо пылало оранжевым огнем, на нем расплывчато колебались силуэты изб. По земле, по заборам металась косые тени. Пахло дымом.

Через две минуты буровики были у вышки.

Столпившиеся женщины пригоршнями набирали глину и бросали ее в огонь, не

сообразили в суматохе взять хотя бы лопаты. Мимо промчались длинные автомашины — МАЗы тампонажников, которые обычно нагнетают в буровые скважины жидкий цемент, чтобы изолировать нефть от воды. А черно-красные языки пламени уже охватили стены насосного сарая, огненными волнами плескались на деревянном полу, где стояли дизельные моторы.

Максим на секунду остановился. Что делать? Спасать моторы! Но в сарай уже кинулся главный инженер Рамазанов, за ним — буровой мастер Михаил Кириллович Берняев. Сверху на них обрушилась горящая доска. Подобрал ломок, Максим бросился на дымящуюся крышу. Не на что было опереться, некуда отвернуться, чтобы глотнуть свежего воздуха.

— Глуши дизеля! — командовал внизу главный инженер.

Судьбу буровой вышки решали секунды. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы крыша обрушилась. Надо выломать несколько досок и этим не дать пламени перебраться дальше, к самой вышке. Главный инженер и мастер Кириллыч тоже, видимо, подумали так и подспели на помощь. Все на крыше. У Максима дымилась новая куртка, волосы на лбу слиплись, ядовито-черный от копоти пот слепил глаза. Максим отчаянно бил ломом по кровле, стараясь сбросить доски со стропил.

На другом конце крыши орудовал багром Раис Фаткуллин. Максим ринулся помогать ему — крыша прогнулась под его тяжестью.

— Назад! Упадешь! — крикнул Максиму Кириллыч, показывая вниз, на раскаленные, дышащие жаром дизеля и насосы.

Но Максим добежал. Вдвоем с Раисом им удалось сделать проем — отсекли огонь от остальной части крыши. Тогда все четверо спрыгнули вниз, в бушующее пламя.

— Не обойдешь снизу, собака! — как живого, обругал огонь Максим и стал кувалдой выламывать горящий пол.

Тут его обдало сильной струей. Это тампонажники вернулись на своих машинах и мощными шлангами сбивали пламя. Огонь, как недобитый зверь, сопротивлялся из последних сил. Кругом тлели доски, пахло гарью, по земле синеватыми клубами стелился дым.

Буровики собирались в кучку, устало

обрывали обгоревшие полы курток. Максим подошел к ним, невольно улынулся.

— Кириллыч, — сказал он мастеру, — у тебя же бровей нет!

— Сгорели? — превеличленно удивился Берняев и шутливо добавил, словно оправдываясь: — Некогда было намочить... Даже квалифцированные пожарники вряд ли управились бы так живсе. Сколько прошло? Минут сорок?

Максим схватился за левый рукав, привычно стал искать пуговицы манжета, но, вместо новой вельветовой ткани, ощутил лишь металлический браслет часов. Рукав обгорел выше локтя.

Словно застыдившись, Максим быстро снял куртку, спрятал ошметки рукавов и накинул ее на плечи.

— А часы идут, — проговорил он. — Хороший механизм.

2. ДУМАТЬ НАДО!

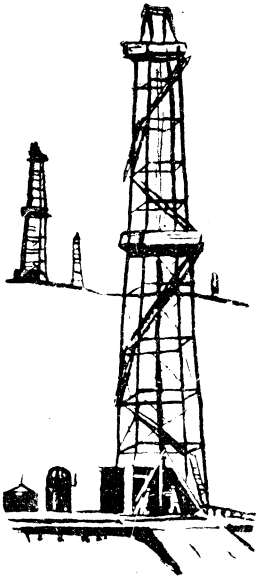
«Пламя разгорается из искры!..» Никто не смог бы переубедить пожарного инспектора Петросяна, что это не так. Следовательно, виновник пожара в сарае был. И подозрение инспектора пало на Раиса Фаткуллина.

А на людей не смел поднять глаза другой буровик — Ахат Латыпов. Молчаливый Ахат еще больше замкнулся в себе, даже избегал заходить в культбудку. Товарищи ни о чем его не спрашивали. Они знали: любую аварию Ахат переживает, как личное горе. Здесь же и подавно: пожар-то произошел во время его вахты.

Ахат возвращался с работы не по тропинке, протоптанной за день буровиками, а по сырому свежему снегу. Ахат хотел побыть со своими мыслями один на один. И потому он очень удивился, когда услышал за собой чьи-то шаги. Оглянулся — Раис Фаткуллин, подозреваемый виновник пожара.

— Ты что? — спросил Ахат. — Куда идешь? — И, поглядев пристально, он уви-

дел, что румяное лицо Раиса побледнело за последние дни, а веки стали какими-то красными. Быстро-быстро, как будто его собирались прервать, Раис Фаткуллин заговорил:

— Ты зачем ни на кого не глядишь, Ахат? Зачем один переживаешь? Думаешь, мне легко, да? Если бы я не стал ни с кем говорить, я бы умер совсем, конечно... А я говорю. Всем говорю: мне скрывать нечего, не я сделал пожар. Ты послал меня в сарай — я пошел. А Петросян говорит: Фаткуллин виноват. Но ты же сам меня послал в сарай, Ахат. Петросян не знает нашу бригаду, конечно. Он спросил меня: почему ты первый тушил пожар? Не я — был бы другой первый: Максим, ты или еще кто. Петросян говорит: Фаткуллин зажигал факел. А зачем факел? День теплый, даже рукавицы не надевал. Я не виноват. Я не зажигал факел. Я тушил пожар. Ты мне веришь, Ахат?

— Не надо так спрашивать, Раис... Я думаю, почему был пожар, — негромко проговорил Ахат. — Я тебе верю, и все ребята за тебя. Только мне все равно очень больно. А Петросян думать не хочет...

Раис Фаткуллин ничего не ответил, пожал сильную руку товарища, заторопился дальше, так и не сказав, куда.

В это время его приятель Галимзян Нургаллин только что вернулся из ночной смены. Едва он успел снять комбинезон, к нему постучался Раис:

— В Белебей надо, Галимзян. Следователь вызывал.

Галимзян потер глаза, поднялся с табуретки, посмотрел на за-

плечный мешок Раиса, с каким обычно отправляются в дальний долгий путь.

— Посиди здесь. Заведу мотоцикл. — И вышел, укоризненно качая головой.

Весь день ни Раис, ни Галимзян не возвращались. Под вечер мастер Кириллыч вел переговоры по радио с Белебеем, и в культбудке собралась вся бригада буровиков. Кириллыч кричал в микрофон, что у него кончается талевый канат, что скоро износится буровое долото и что ему совсем некогдадохнуть из-за каких-то отчетов.

Пожарный инспектор Петросян не выдержал первый:

— Ты про Раиса Фаткуллина спроси, про Раиса...

Кириллыч несколько раз повторил по радио вопрос, который там, в Белебее, никак не могли понять. Наконец Кириллыч повернул у приемника регулятор громкости. Все притихли.

— Теперь насчет пожара, — донеслось из радиоприемника. — Главный инженер с экспертом установили причину. В сарае над глинистым раствором с нефтью разорвалась лампочка. Получилось замыкание. Загорелась проводка. А парень ваш, конечно, не при чем. Наоборот! Он первый тушил пожар. Молодец!..

Ахат Латыпов вскочил, едва не заплясав, и хлопнул по плечу инспектора Петросяна:

— Думать надо! Пожарник!..

3. О НАСТРОЕНИИ

Зимой темнеет рано. В половине пятого в культбудке уже горит свет. Обычно в это время молодой мастер Берняев, которого все зовут, как старика, Кириллычем, включается в переговоры по радио:

— У-Бэ-И-четыре!.. Я пятый!.. Я пятый!

И за тридцать два километра, из Курмазов, доносится мягкий, неторопливый голос старшего геолога:

— Добрый вечер, Михаил Кириллович! Что нового на вашей буровой? Что на буровой?.. Прием!..

Но сегодня Кириллычу этот голос неприятен. Он кое-как доложил обстановку — ничего нового — и быстрее выключил радиостанцию.

Вот уже третий день, как на буровой вышке простой. Попалось бракованное до-

лото — острое мощного бура, которое все еще называется по-старому, хотя это давно уже не долото, а сложно устроенное сверло. Оно глубоко вошло в грунт и там застряло прочно-напрочно. Нужно зацементировать скважину и уходить от нее, или, как выражаются нефтеразведчики, «забуриться» в сторону. Но это не так-то просто, потому что на глубине пятисот метров буровики встретили газ. А газ имеет обыкновение загораться...

Кириллыч посмотрел в окно. Холодный ветер гнал от дизельных моторов вышки черные клубы дыма. «Даже природа против меня, — с раздражением подумал он, — восемь часов людям приходится дышать этой дрянью».

На буровой вышке, заброшенной далеко в степи меж гор, дело не ладилось. Поэтому вчера Кириллыч даже отказался поехать в город на совещание, сказался нездоровым. А переменить обстановку очень хотелось. За четыре месяца глухое селенье Азнаево осточертело ему! Но, как на зло, ночью завыл буран, дороги занесло. Теперь машины пойдут не раньше, чем дня через три. Значит, ждать. Опять ждать!

Прескверное настроение!

Не мигая, Кириллыч смотрел в одну точку. Казалось, теперь ничто не могло бы вывести его из этого оцепенения. Давали знать три бессонные ночи на простаивающей буровой, ночи, потраченные бестолку.

Он очень устал. Устал до изнеможения.

Внезапно дверь распахнулась, и с облаком морозного воздуха в будку ворвался помощник моториста:

— Газ!.. Горит!..

Не прошло минуты — Кириллыч был у ротора. Собранный, подтянутый, готовый командовать, словно вести в атаку. Но вся бригада хорошо проинструктирована на случай, если загорится газ. И вахта действовала, как хорошо сыгравшийся оркестр.

Кириллыч коротко распоряжался. Время дорого, не тратить же его на слова. Буровики понимали Кириллыча по глазам, по едва уловимым жестам. Пламя высотой в человеческий рост охватило ротор, это похожее на круглый стол приспособление обычно вращает колонну труб, которой бурят. Лед на полу растопился. Люди обливались потом. Но всем вместе удалось быстро поднять тяжелую металлическую квадратную плиту, с которой соединены опущенные в скважину трубы.

Кириллыч рывком сунул руку в огонь и с силой захлопнул защелку. Он теперь не мог и секунды постоять на месте, усталости как не бывало. Он подбежал к мотористу и сам пустил насос. Мощная струя рванулась по трубам в скважину.

Газ еще долго и глухо взрывался. Правда, теперь он взрывался уже без огня. Стало легче дышать.

Кириллыч вытер с лица пот и, оставляя на снегу следы огромных набухших водою валенок, пошел в культбудку: нужно срочно тормозить начальство, требовать, не отходить от радиоприемника. Настроение изменилось. Может быть, дорогу расчистят быстро, и завтра придут машины, привезут буровикам новое долото?

Конечно, привезут! И бригада врежет дальше, в глубь земли.

4. ХМУРЫЙ МАСТЕР

Кириллыч шел домой и считал свои шаги. Тысяча, тысяча один, тысяча два...

От буровой вышки до дому метров семьсот. Семьсот метров — тысяча пятьсот сорок шагов. Мысли причудливо переплетаются, вспыхивают, тянутся, обрываются. Несколько раз вспоминалась услышанная случайно фраза новичка Валиуллина: «Ой, хмурый у нас мастер, ой, хмурый!..»

Новичок! Что он понимает?

Вот уже месяц, как бригада не может забуриться в сторону, хоть и работает новейшее турбодолото с тремя шарошками — подвижными системами резцов. На трескучем морозе, по десять часов в сутки буровики не отходят от пульта управления. Каждые полчаса вахта надеется выбрать, наконец, из желоба шлам. Но всякий раз их ждет разочарование. На лопатах пузырящейся массой лежит цемент: долото все время возвращается в старую зацементированную скважину.

«Ой, хмурый мастер!..» — думал Кириллыч, и даже вспомнилось, как в начале самостоятельной работы прежний мастер сказал ему:

— Хоть у тебя, Берняев, и диплом в кармане, буровик из тебя не выйдет. Почись ключом ворочать.

А однажды на совещании буровых мастеров Кириллыч услышал, как один приехжий инженер говорил кому-то:

— Ваш знаменитый Берняев раньше работал в тресте? Жил в доме со всеми удобствами и потом сам попросился на буровую? Ей-богу, не понимаю. Сумасшедший какой-то!

Может быть, он правда сумасшедший? Вот вечер — и он идет не в оперу, не с женой. Кругом заснеженная степь, а огоньки от горизонта до горизонта можно пересчитать по пальцам. Дома он успеет только перекусить и снова — туда, где, обсыпаемые снегом, обдуваемые ветром, у ротора буровой вышки люди — его бригада.

Пока жена Полина собирала на стол, сынишка Славик подсел к отцу с бумагой и карандашом:

— Папа, нарисуй мне «Победу». Наш «Москвич» я сам нарисовал, а ты — «Победу».

Кириллыч задумчиво водил карандашом по бумаге: корпус, дверца, колеса...

— Папа, сколько у «Победы» колес? Запасного сзади нет? Четыре?

— Четыре.

И карандаш отца остановился... А что, если, вместо трехшарошечного турбодолота, попробовать забуриться четырехшарошечным для отбора керна — пробы нефтеносной породы? Неужели в этом все? Четырехшарошечное, вращаясь, не уходит в сторону. У него больше упор. И если его насадить на кривой проводник...

Утром в культбудке состоялся совет. Кириллыч рассказал о своем предложении буровикам. Все засомневались. Никто еще не забуривался в сторону долотом для отбора керна.

— Слабый цемент, точно говорю, не оттолкнуться от него! — горячился Максим Сергеев.

— Да нет, цемент ничего, — вдумчиво говорил Галимзян Нургаллин. — Породы твердые, а долото слабое.

Кириллыч долго доказывал свое. И только когда убедился, что люди сами все поняли и поверили ему, встал за лебедку.

Начал бурить. Прошло полчаса. Еще полчаса. Все стояли, не шевелясь, и все, однако, вспотели от напряжения. Еще через полчаса Кириллыч облизнул пересохшие губы и глухо сказал:

— Пробу!

Все столпились у желоба. И прежде чем размягченная, разжиженная порода шлепнулась о дощатый настил, Галимзян Нургаллин закричал:

— Ур-р-р-а-аа!..

Кириллыч сдернул шапку, поправил кудрявую шевелюру и опять нахлобучил шапку на голову. И новичок Валиуллин открыл рот от изумления: мастер был совсем не хмурый, у мастера хорошая, молодая улыбка.

— Счастье?.. Да?.. — пробормотал смущенный новичок, когда глаза их встретились.

5. ГАЛИМЗЯН

Когда ребята кончали седьмой класс, в детдом приехала красивая женщина из Уфы. Все — и хором, и по очереди — пели ей народные башкирские песни. Про Галимзяна Нургаллина женщина сказала:

— Вышел бы толк. Но, боже мой! Такого крошку — на сцену?..

А Галимзян и не хотел быть артистом, он поступил в физкультурный техникум.

Там в читальном зале висел плакат: улыбчивая девушка в сапогах нагнулась над носилками с красными кирпичами. Вторые ручки носилок свободны. Девушка выжидающе смотрела на Галимзяна. Над нею надпись: «А ну-ка, взяли!»

И вот из города Пугачева приехал вербовщик. Устроили в этом читальном зале собрание. Очень интересно выступал товарищ: несметные нефтяные богатства таит в себе земля, и нужны ей сильные руки. Разве не почетно влиться в огромную армию буровиков? Самую интересную специальность в буровой бригаде получают они. «Поступайте на курсы помощников буровиков, ребята!» — закончил он.

Галимзян подмигнул девушке на плакате и решил: вот оно!..

Но в Пугачеве его снова подвел рост. Главный начальник глянул на парня, почесал карандашом за ухом и сказал:

— Плохи твои дела, братец. Видел сейчас, какой дядя прошел? Ничего себе, да? Помбурильщик! Сообразил?

— А мускулы!.. — возразил Галимзян и засучил рукава рубашки.

— Не приму, если ты даже выжи-

маешь полтонны одной рукой. Сообразил?.. Следующий!

Однако через час Галимзян пришел снова и молча положил на стол начальнику бумажку: секретарь горкома партии просил принять парня на курсы.

— Сообразил? — не удержался, чтобы не съязвить Галимзян.

Начальник только проворчал:

— Что ж ты мне сразу не сказал, что ты из детдома?

Три месяца учебы пролетели быстро. Распределительная комиссия предложила Галимзяну поехать на Сахалин. Он искренне удивился:

— Я же из Башкирии...

Так в белебеевской конторе бурения появился новый рабочий, комсомолец. И он сразу показал себя активистом.

Комсомольско-молодежная бригада Берняева создана по идее Галимзяна. Здесь на человека смотрят не только по тому, сколько метров он набурит. Это еще не все. Обеспечат твою вахту всем необходимым — пробуришь больше, станешь героем дня. А в другой раз ты обеспечишь — и больше набурит сменная вахта: Сергеев, Набиуллин, Латыпов. Человек ценится по дружбе, по заботе о товарище. В разведке из-за буранов случается по неделям быть отрезанным от мира. И можно слыть знающим буровиком, великолепным мотоциклистом, заядлым фотолюбителем, но, если в бригаде увидят, что все это лишь только для тебя самого, ты ненадежный товарищ.

Однажды ночью Галимзян перевернул последнюю страницу «Шхуны «Колумб» и с горечью обнаружил, что книга эта тоже последняя. Все, что было в деревенской библиотеке и у ребят, он перечитал. Теперь нудно потянутся бесконечно долгие азнаевские вечера? Нет! Ни в коем случае!..

Рано утром он завел свой мотоцикл и крикнул на ходу хозяйке, у которой живет:

— Еду в Белебей!

В городе Галимзян зашел в комитет комсомола.

— Дайте мне много книг, — попросил он. — Понимаете, очень много.

Вернулся Галимзян к вечеру. Пошел в культбудку, хитро улыбающийся, со стопкой книг в руках. И сразу стал центром всеобщего внимания. Книжки расхватили, стопка быстро таяла. Наконец Галимзян развел освободившимися руками: видите, мол, больше нет.

— Тебе даже самому не досталось! — пожалел его кто-то, но книги не предложил.

— Ладно, — сказал Галимзян. — Читайте. Я пока буду делать альбом с фотографиями из жизни бригады.

6. НАБОЛЕВШЕЕ

Много нефтяных пластов вскрыла бригада Василия Глухова, много деревьев они переменяли с женой Варей. Незаметно подрос и сын Павлик, через год нужно отдавать его в школу.

Теперь все чаще сидят Глуховы по вечерам за столом. Медленно выгорает керосин в лампе, недовольно поворачивается с боку на бок хозяйка, а они все говорят.

— Вот осядем, наконец, получим свою квартиру, — мечтательно начинает Варя. — Павлик будет учиться, ты перейдешь на другую работу, будем вечером ходить в кино, как все люди...

— Что? — охнет от своих мыслей Василий. — Мне, знатному буровику, перейти на другую работу? Да меня вся Башкирия знает, а я — здравствуйте! — слесарем в какие-нибудь мастерские пойду!

— Но мыслимое ли дело, чтобы первую четверть ребенок начал в башкирской школе, а вторую — в русской, третью кончит в чувашской! Уеду я с ним к маме!

— Ну, нет, так не пойдет! С тобой да с бабушкой Пашка маменькиным сынком вы-

растет. Мальчишке отцовский глаз нужен. Да и что я один без вас!

После таких слов Варя обращается к прошлому.

— Вася, вспомни, какие ты мне письма писал. Чуть ли не хрустальные дворцы обещал, а сейчас...

— А что? Все так и будет. Читала, небось, что в семилетнем плане про нас сказано: уделить больше внимания развитию нефтяной промышленности. Я себе это так представляю. Во-первых, полнейшая механизация в бурении. Во-вторых, — что тебя особенно интересует, —

поселят всех буровиков в одном месте. Тут тебе и школа-десятилетка, и кино-театр, и магазины. А к буровым вышкам — на автобусах. Или же будут нас доставлять на вахту на вертолетах, как в куйбышевской нефтеразведке. Красота!

— Васенька, — понемногу смягчается Варя, — соседка говорит, что всем семьям построят домики на колесах. Правда?

— Это для холостяков. А школу для нашего Пашки никто на колеса не поставит.

— А! — с сердцем вдруг говорит Варя. — Я состарюсь, видно, а белого света с тобой так и не увижу!

— Ты что? Не понимаешь, как нужна нефть? Не читала про пластмассы? — сердится Василий. — Или ты считаешь, наплевать на работу, в которой вся моя жизнь...

Здесь наступает предел Вариному терпению. И уже другим, очень спокойным тоном она перебивает мужа:

— Василий, я это слышу шесть лет. Любимая работа — работой, а сын мне дороже. Хочешь жить с нами — уходи из нефтеразведки.

— Опять мешанские разговоры?

— Это не мешанство, Вася, это сама жизнь. Можешь передать наш разговор управляющему трестом. Пусть что-нибудь придумают, если не хотят терять свои «золотые кадры», как тебя на всех собраниях величают.

Во сне заплакал Павлик. Отец подошел к кровати, взял мальчугана на руки и долго ходил с ним из угла в угол. Затем он положил сына обратно в постель и решительно сел за стол, взял бумагу, перо.

«Семилетний план мы, бесспорно, перекроем, — размахисто писал он. — Но для всех нефтеразведчиков надо б поскорее создать...»

Он писал до рассвета.

7. ХОДИЧА-АПА

Старая Ходича-апа была уверена, что все подруги ей завидуют. И больше всех, конечно, старая Фариды, та, что жила через дорогу в новой рубленой избе с голубыми ставнями. У Ходичи-апы дом старый, низкий, окошки маленькие, и все-таки молодой буровой мастер Юдичев поселился не у Фариды, а у нее.

И, конечно, Юдичев о своем выборе не жалел. Ходича будила его на работу исправно и, вынимая из печи сковороду с макаронами, приветливо спрашивала через плечо:

— Илюша, как дела утром?

— А-а, — догадывался Юдичев. — Доброе утро, апа, доброе утро, тетушка!

Иногда он произносил это скороговоркой, думая о чем-то своем. «Нет долго писем от жены, — догадывалась Ходича. — Или на буровой неприятность?» Но спрашивать стеснялась.

Старухи-соседки зачастили к ней в гости. Теперь Ходича самый сведущий человек на всей улице! Они приходили с самого утра. Ходича быстро разогревала самовар, доставала с полки сахар и молоко. Скрестив ноги, женщины усаживались на широкий грубый ковер, пили чай из блюдец и разговаривали.

— Ночью видела сон, — рассказывала Ходича. — Илюша ходил по черной луже. Плохо. Очень плохо такой сон видеть. Думаю, случилось что-то на буровой. И правда, случилось: мотор остановился.

Соседки ахали, качали головами и дули на горячий чай, держа блюдца на растопыренных пальцах.

Старая Фариды, чтоб обратить на себя внимание, громко сказала:

— Во сне по реке плывешь — хорошо. Еще до войны было: мы так плыли. А на другой день нам муж мануфактуру дарил.

Мало ли что приснилось Фариде двадцать лет назад! Но правила беседы требовали выслушать каждого до конца. И все для приличия тоже кивнули.

Ходича на миг поджала губы и постаралась снова захватить инициативу в разговоре:

— Нельзя, чтоб мотор стоял, — со знанием дела сказала она. — Бурить надо. Так Илюша говорил. Еще он говорил: на пятый номер, к Берняеву, усатый геолог приезжал. Пробу брали. Говорит, нефть будет. Пошли им, аллах, удачу!

— Нефть, нефть, — пробурчала Фаридка. — Ищут, ищут, ищут — нет нефти. Вся степь в дырках будет.

— Зачем так говоришь? — замахала Ходича обеими руками. — Ничего не знаешь, а говоришь. Илюша говорил: нефть будет — электрический свет будет, мост построят, радио будет. Все будет!..

Старухи даже перестали прихлебывать чай и долго слушали, переглядываясь и кивая друг другу. Но старая Фаридка привыкла, чтобы последнее слово оставалось за ней.

— Что будет, никто не знает, — прошепелявила она. — Пока электрический свет будет, все умрем.

— Сама хочешь — сама умирай! — перебила ее Ходича. — Илюша сказал: хорошо будет; я говорю: хорошо будет!

— Что у тебя хорошо? — Фаридка резко поставила недопитое блюдечко. — У тебя в доме буровой мужик стоит. Придет с работы — грязь... У меня никого нет — у меня чисто. Сама хочу гостей позвать — сама

кислушку сварю, сама зову. А ты не хочешь — все равно гости идут, к Юдичеву гости идут... Опять грязь...

— Э-э-э! — добродушно засмеялась Ходича. — Натопчут пол — помою. Зато я все знаю. Про домики на колесах знаю. Будут! Про семилетний план знаю. Хорошо! Ты вечером поела и скорей огонь гасишь, а я керосин жгу, сколько надо. Илюша керосин дает. И конфеты Илюша дает. А дорогу проложат — в сельмаге всегда конфеты будут. Бери конфеты.

Старая Фаридка помолчала, затем неожиданно поблагодарила за угощение и ушла, кутаясь в огромный черный платок. Остальные тоже начали прощаться. И хотя они минут через пятнадцать — двадцать встретят Ходичу где-нибудь у проруби на речке или в сельмаге, все-таки каждая крепко-крепко пожала ей руку, как это делают приезжие нефтеразведчики.

Ходича принялась хлопотать по хозяйству. Она взяла ведра пойти по воду. Но услышала шум проезжающей машины и повременила. «Шайтан попутал, — испуганно подумала она. — Чуть-чуть не вышла навстречу грузовику с сухими ведрами. А ему удачи надо».

Когда машина проехала, Ходича отправилась к речке. У проруби она задержалась: долго смотрела из-под маленькой коричневой ладони в сторону буровых вышек, стальные арматуры которых четко вырисовывались на голубом небе.

Там, у автомашины, возились люди. Разгружали цемент...

МЫ КАМНЕРЕЗЫ

ничего лишнего, вычурного. Но у шкатулки был свой «секрет». Грибочки на крышке ее не нарисованы, как кажется с первого взгляда, а врезаны в камень. На светлом, праздничном фоне шкатулки грибы кажутся рельефными, живыми. А на самом-то деле они ни на миллиметр не возвышаются над уровнем крышки.

Нарасхват были на всемирном празднике молодежи уральские камнерезные изделия. А потом довелось им и подняться на самолете в заоблачные выси и преодолеть океанские дали.

Умельцем стать не просто!

Не так уж часто можно услышать от парня или девушки:

— Хочу стать камнерезом!

А между тем, это интересная и редкая профессия — выявлять «душу» камня, заставлять его радовать наш глаз, украшать быт.

Но, чтобы иметь право сказать с гордостью: «Я камнерез!» — нужно положить немало труда и многому научиться. Надо научиться хорошо рисовать: на бумаге легче «схватить» замысел, разработать его детали. Чтобы создать что-то объемное — вазу, коробку, фигуру животного, — нужен навык в лепке. Будущему резчику необходимо знать свойства материала, с которым он работает, — камня.

Нет двух кусков камня, которые в точности походили бы один на другой. Хотя немного да различаются по цвету, по строению, твердости. И эти свойства камнерезу надо умело использовать.

...Учащийся впервые попал в мастерскую. Несложный инструмент — стамеска, но не так-то просто им орудовать... Сначала нескладно получается. То заготовку запорол, а то, глядишь, и палец порезал... Но это ничего — до свадьбы заживет!

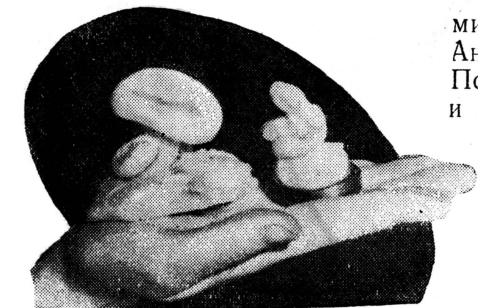
Кунгурский слон в Индии

В конце августа 1957 года в Кунгур прилетела удивительная весть: «Наш слон в Индию попал!»

Необычное сообщение обрадовало, взволновало. Не зря, значит, потрудились воспитанники камнерезной художественной школы. Искусно вырезали они из уральского камня гиганта джунглей.

Но не только слона заметили в Москве среди кунгурских сувениров на Всемиром фестивале молодежи, для которого будущие мастера резьбы по камню с воодушевлением готовили свои подарки. Имели успех и шкатулка с грибочками, и фигура юного летчика, и голуби — символ мира.

Шкатулку с грибочками придумал и сделал Анатолий Трапезников. Получилось как будто бы и незатейливое изделие —

из них за гладко оструганный длинный стол, дадут кусок камня, вручат образец, стамеску — он уже резчик.

Но до славного звания фумельца еще надо пройти большой путь.

На камнерезной фабрике

От школы до камнерезной фабрики — рукой подать. Перешел мост через Ирень, миновал один квартал городской улицы, и ты на месте...

Бывают промахи, разочарования. Недосмотрел, не сообразил, и вот изделие загублено.

Вырезал как-то Володя рыбку из серого камня. Хотелось передать ее в движении — с напружиненным хвостом и растопыренными плавниками. Увлёкся парень — все ближе к замыслу, все яснее контуры изделия. Но неожиданно-негаданно под верхним слоем камня открылось расплывчатое пятно.

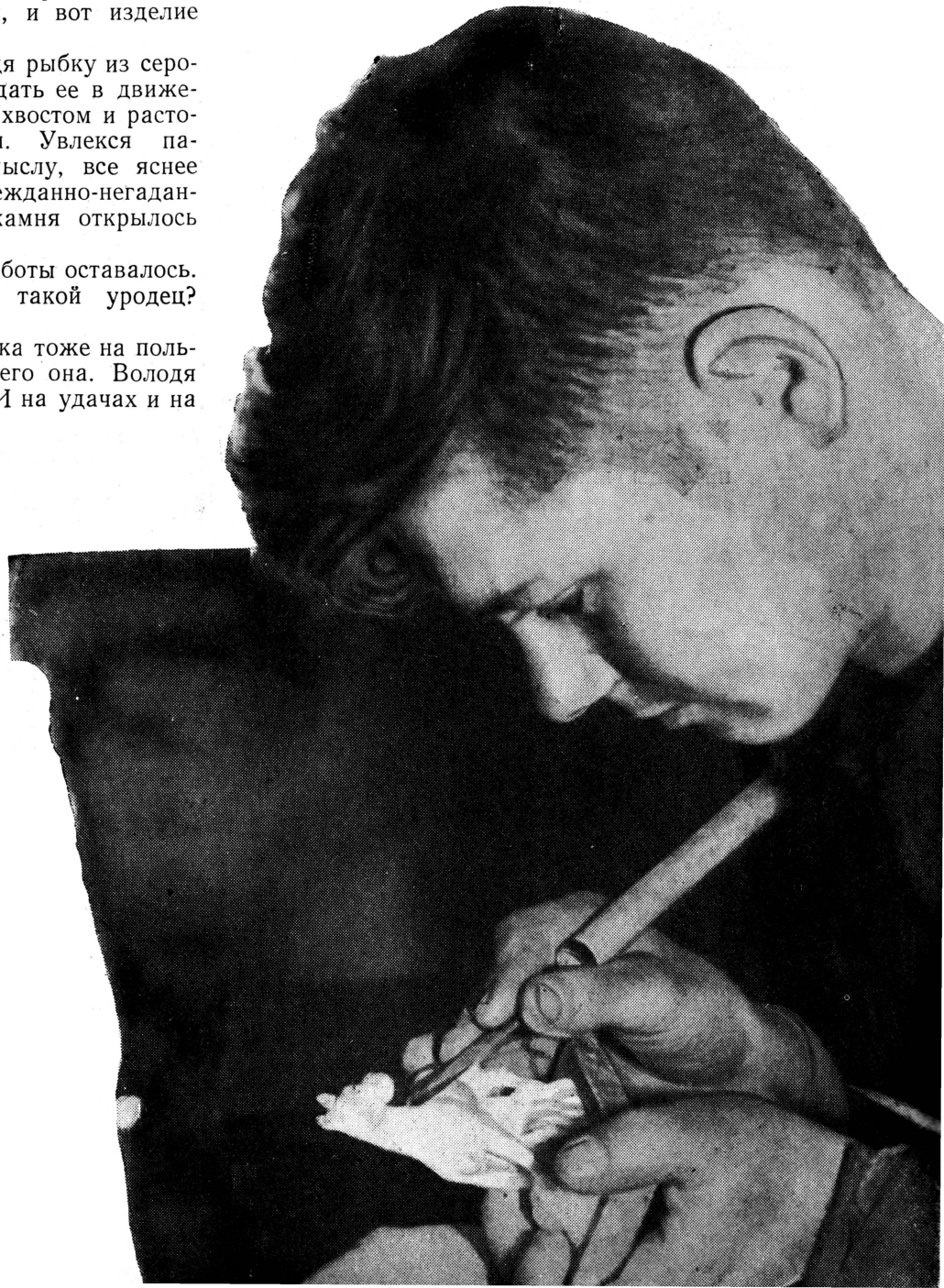
Всего два-три часа работы оставалось. А теперь... Кому нужен такой уродец? Пропал труд!

Нет, не пропал! Ошибка тоже на пользу идет, если понять, отчего она. Володя ведь только еще учится. И на удачах и на ошибках.

— Надо было внимательней камень выбирать! — заметил инструктор.

Не зря говорят в народе: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда». А тут надо суметь рыбку «вытащить» из камня!

Зато через несколько месяцев учебы ребят не узнать. Действуют в мастерской уверенно, как заправские резчики. И изделия получаются ровные, соразмерные, а не грубые и перекошенные, как бывает вначале. Первокурсникам уже иной раз думается: вот посадят любого

А у камня дорога длинная. Иной проедет сотни километров, прежде чем попадет в Кунгур. Да и здесь, на фабрике, ему еще предстоит немало погулять по цехам.

Вот массивные гипсовые глыбы подали на пилораму. Легко, словно куски сыра, разрезаются они. Каких-нибудь полчаса — и неширокие пластины отправляются в дальнейшую разделку и обработку: на лентопильные станки и механические шарошки. В механическом цехе готовят из камня бруски и кубики с выемками, а то и, наоборот, с выступами. Это заготовки будущих изделий.

А после того, как резчики «поколдуют» над камнем, превратят его в художественные поделки, снова на помощь приходят механизмы. Они и шлифуют и полируют готовую продукцию.

«Улица Байдерина, 2»

Адрес этот хорошо известен кунгурским почтальонам. Каждый день сюда, в камнерезную школу, доставляются письма. Пишут родители и друзья учащихся. Не забывают знакомую улицу и бывшие питомцы школы. Шлют о себе весточки

недавние выпускники и те, кто окончил школу много лет назад. В письмах — слова благодарности школе, учителям и воспитателям.

...Сообщает о своих делах Володя Габзулин. Его биография характерна для многих, кто получил здесь путевку в жизнь: детский дом, камнерезная школа, работа на производстве резчиком. Недавно Владимира Габзулина приняли в Кишиневское художественное училище. А выпускник Борис Тунегов — ныне студент Московского художественного института имени Сурикова.

Есть в школе заветный шкаф, шкаф-музей, где собраны образцы лучших работ учащихся.

...Мужественная, крепко сбитая фигура человека с ружьем. Рабочая куртка туго перетянута патронташем. Спокойно волевое лицо. «Солдат революции» — назвал свою скульптуру Юрий Ерофеев. Его работа получила высокую оценку на выставке в Москве.

...Над маленьким поросенком, с поднятым кверху пяточком, склонилась девушка. Озабоченно глядит она на своего подопечного: здоров ли, хорошо ли растет? Таким запечатлела образ колхозной свинарки Алевтина Мушкалова.

Темы труда советских людей все больше и больше привлекают юных камнерезов. Очень выразительны, например, «Кукурузница» Тони Федотовой, также удостоенная чести экспонироваться в Москве, «Монтер» Михаила Шипунова.

Скульптура из камня — это понятно. Но, оказывается, возможна и живопись камнем. Это искусство иначе называется мозаикой.

В школьном музее в Кунгуре хранится своеобразное мозаичное панно. Из сотен разноцветных кусочков мягких гипсов собран живописный портрет Алексея Максимовича Горького. Не один месяц трудился над этим произведением Владимир Эдель.

* * *

Не перечислишь все, что сделали золотые руки юных умельцев. И как хочется потрогать каждое изделие, рассмотреть его поближе! Не случайно и на Всемирной Брюссельской выставке 1958 года около стенда с работами кунгурских умельцев все время толпились восхищенные зрители!

Н. ХАУНЕН
Фото В. ДИАНОВА

Яблони цветут. Фото В. Дьякова.

Б. ЛЯПУНОВ

Рисунки С. КИПРИНА

Рассказ радиста космического ракетоплана

Автор этого научно-фантастического очерка, писатель Борис Валерианович Ляпунов, известен как автор книг «Борьба за скорость», «Открытие мира», «Мечте навстречу» и других.

Очерк «К Луне и вокруг Луны» написан им по просьбе нашего журнала. В рассказе радиста будущего ракетоплана автор попытался заглянуть на несколько лет вперед, представить будни космических путешествий недалекого будущего.

...Никакой я вовсе не герой. На Луне то я ведь не бывал. Не довелось... Другие первыми были — те, кто полетел 25 ноября 197... года на корабле «Луна-1». Помните, как об этом перелете говорил весь мир? Когда подумашь, жутко и страшно становится от восторга: какой беспрецедентный подвиг!.. Люди они, впрочем, самые обыкновенные, на их месте каждый мог бы быть. Не думал я тогда, что и на мою долю выпадет кое-что интересное. Впрочем, мечтать всегда мечтал, а вот о том, что близко до мечты было, куда ближе, чем до Луны, и в голову не приходило...

Много дней мне пришлось наблюдать суровую, совершенно неповторимую красоту Космоса. Никогда она не надоест. Но, не скрою, и там не забудешь про Землю. Она стоит перед внутренним взором всегда. Ради нее ведь и отправились мы в эту бездну, где нет ни верха, ни низа, ни частички воздуха, ни капли воды, ни привычного милого голубого неба... Ради нее запускались первые спутники и ради нее создано то странное на вид сооружение, которое стало неотъемлемой частью космического пейзажа — внеземная станция. Вот на ней-то я и побывал. И не раз.

Для чего мы летали к Луне? С особой целью, и даже не с одной, а с двумя. Первая — надо было посмотреть невидимую сторону лунного шара, заснять ее и занести на карту. А вторая задача — испытать в пути новый

двигатель, ракетный, но не жидкостный и не атомный. Его скорее электрическим можно назвать или электромагнитным. Заряженные частички разгоняются в нем магнитными силами до огромных скоростей. Отдача и движет корабль. Тяга получается, правда, маленькой, но, когда попадешь в свободное от тяжести безвоздушное пространство, большая и не нужна.

Когда я вспоминаю хлопотливые дни подготовки к отлету, мне на память приходит далекое прошлое. Был я тогда мальчишкой и прочитал сообщение об одном необычайном опыте, произведенном в те дни — дни пуска первых спутников. Авиационные инженеры и врачи соорудили кабину будущего космического корабля — тесную, наглухо закрытую, изолированную от всего мира. А в нее поместили «космонавта» — летчика, который должен был провезти в этом подобии лунной ракеты несколько суток. Он питался искусственной пищей, дышал искусственным воздухом. Яркий свет мешал ему чувствовать смену дня и ночи... Испытание он перенес.

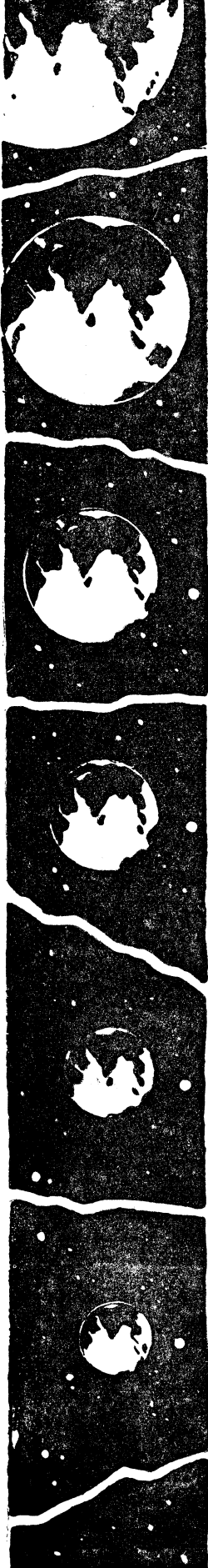
Насколько шагнула вперед с тех пор астронавтика! Мы тренировались не на Земле — в самом Космосе, на станции, и в условиях настоящего полета. Потому не страшна нам оторванность от всего земного и та подлинно космическая обстановка, которую особенно остро ощущает попавший в нее человек.

А уж насчет оторванности... Мне, как радисту, лучше остальных знать. Эфир и здесь не остается молчаливым. Прибывают и улетают «каботажные» корабли, держащие связь с планетой, — у них радиоустановки. Радио связывает с Большой Землей космический остров и маленькие островки, из которых состоит вся станция. Я слышал сигналы автоматических спутников, кружащих, словно маяки, в окрестностях земного шара. Я слышал позывные радиостанции-маяка, оставленного на месте посадки первым лунным кораблем. И помню, как в час нашего отлета я услышал со станции: «В добрый путь!»

...И вот мы летим. Ускорение хотя и невелико, но ощущимо прижимает тело к креслу. Станция с моего места не видна, но, повернув голову, я вижу, как ее яркие огни пропадают один за другим. Мы покинули круговую орбиту, перестали быть спутниками Земли!

Если точно писать, как все тогда было, то выглядит это со стороны просто, словно на очередной тренировке. Трое в комбинезонах пристегнуты к креслам. Глаза неотступно следят за приборами. На одном из них меняются в окошечках цифры: остается набрать еще два километра скорости... полтора... полкилометра... Люди, кажется, только и заняты безмолвным созерцанием приборных досок. На самом же деле идет напряженная работа. Автоматы управляют кораблем. Его путь проложен лучом локатора станции, отправившей нас в далекий путь. Но автомат, каким бы хитроумным и сложно устроенным ни был, все же не человек, с его мозгом, волей, руками. Случись что-нибудь, что не предусматривает даже электронная машина, — и корабль навсегда уйдет в бесконечное странствие по бездонным просторам неба. Таким же «лунолетом», как наш, нельзя рисковать, у него еще многое впереди. И, ощущая лишь биение сердца, я слежу

за пляской цифр, пока не выскакивают заветные красные единички. Одиннадцатая! Это та самая скорость, которая отрывает нас от Земли. Включаю микрофон, и первое сообщение идет на остров.

...Раскрываю бортжурнал, проверяю курс. Товарищи заняты наблюдениями. Изредка перекидываются фразами. Словно и нет никакого полета, словно не мчимся мы к заветной, манящей цели, пролетая каждую секунду одиннадцать с лишним километров.

В рассказах первых астронавтов больше всего говорится о том действительно торжественном моменте, когда они вступили на поверхность Луны, когда они блуждали по лунным горам, спускались в лунные ущелья, и каждый шаг приносил что-нибудь интересное. Меньше всего говорили они о своем полете, и это вполне понятно: будни путешествия не сравнишь с «буднями открытий»! А мне же, наоборот, именно о другом и хочется сказать, потому что... иная у нас задача.

Распорядок дня каждого из нас установлен четко. Что же тут особенного? Но привыкнуть к сплошным суткам, без смены дня и ночи, вернее, устраивать их по собственному желанию, закрывая иллюминатор шторой, — это деталь чисто космического быта. Видеть все время одно и то же черное небо, без малейших перемен — тоже неземная обстановка.

Постоянно впечатляющим осталось зрелище Земли: она незаметно и вместе с тем совершенно ощутимо менялась в размерах, становилась все меньше и меньше. А Луна также неувлимо приближалась и словно разрасталась. Превращения эти хорошо видны на фотоснимках. Я смонтировал потом целую серию: вереница земных шаров выстроилась в ряд — от большого до шарика-крошки...

Когда уже перед концом полета мы взглянули в иллюминаторы, то увидели, что лунный диск занял чуть ли не половину неба, и казалось, он совсем рядом — рукой подать. Эта картина также глубоко врезалась в память — сияющая каким-то зловещим холодным светом огромнейшая Луна...

Вот, видимо, такое зрелище и представлял себе Жюль Верн, посылая к Луне людей в ядре (за неимением ракеты!). Хорошо, что его путешественникам повезло, и они случайно не упали, не разбились и угодили прямехонько в океан — живы и здоровы... Нам на случайность надеяться нельзя... И мы уже снова в креслах, снова включается двигатель, ракета поворачивается, а локатор доносит — мы легли на круговую орбиту на расчетной высоте. Закончен первый этап...

Я, однако, забежал вперед, надо выполнить свое обещание — рассказать о космических буднях. Вы ждете, вероятно, необычайных событий? Метеорит повредил обшивку — тревога, волнения, заделка пробоины?.. Или внезапный выход из строя каких-нибудь ответственных приборов и механизмов — корабль ослеп, его влекут неведомые силы?.. Таинственные, еще неизвестные излучения вредно подействовали на людей — чуть было не свели с ума, искалечили?.. Придется вас разочаровать: такие происшествия остались уделом старинных фантастических романов. Их не было — все предусмотрено заранее...

Луна наплывает стремительно и поворачивается над нами, открывая новые и новые части своего «лица». Есть выражение «поднять карту» — расцветить ее, оживить. Карта Луны «поднялась» перед нашими глазами, и мы жадно вглядывались в знакомые и ставшие близкими очертания сложного лунного рельефа. Мы узнали места, где — теперь с гордостью можно сказать — побывал Человек. Прошли над местом посадки первых астронавтов, и нам даже показалось, будто виден по соседству с огромной скалой памятный знак, оставленный ими...

Но это, конечно, была только иллюзия. Разве увидишь крохотную точку, затерянную среди хаоса гор, ущелий, в беспорядке нагроможденных скал! Зато горы и пропасти мы прекрасно могли рассмотреть с высоты нашего «птичьего» полета.

Наступает долгожданный момент: переход на другое полушарие! Но... все то же проносится внизу: такие же горы, ущелья и скалы. Конечно, этого и следовало ожидать. Мы не разочарованы, хотя хотелось бы чего-то иного.

Впрочем, если вглядеться получше... Такой высокой горы, как будто, нет на той половине Луны? А вот ущелье, оно, слов-

но рваная рана, рассекает целую горную цепь! В непроглядной его темноте нет-нет да сверкнут какие-то отблески и светлые пятна. Белая полоса у подножия горы — уж не иней ли, уцелевший во время долгой (двухнедельной!) лунной ночи? Цирки и кратеры — самых разных размеров...

Скоро неизвестные горные цепи получат свои имена. Из множества сделанных нами снимков вырастет подробная карта Луны.

Оборот за оборотом... Объективы ловят то, что ускользнуло от них в первый раз. И до тех пор, пока не отказываются видеть уставшие глаза, мы смотрим и смотрим на горные вершины, равнины, камни, словно припудренные пылью, на причудливую игру света и тени, без переходов, без полутонов...

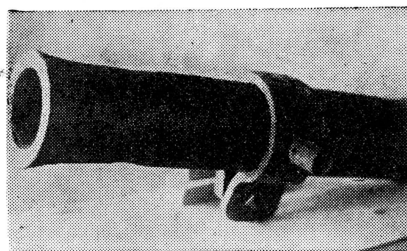
Так наяву пролетели мы по пути, который до нас оставался мечтой Жюль Верна, пославшего своих героев от Земли до Луны и вокруг Луны.

Находка Виктора Кудрявцева

Однажды в Кунгурский краеведческий музей пришел ученик шестого класса школы № 10 Виктор Кудрявцев. Он принес в дар музею старинную пушку. Ее обнаружили при разборе печи-каменки в старой бане.

Пушка эта редкая и очень интересная для музея. Длина пушки — 56 см, а калибр — 40 мм.

Редкая особенность пушки заключается в том, что она выкована из одного куска железа. Возможно, ее изготовили местные кузнецы, еще в XVII веке славившиеся своим мастерством.

Кованые железные пушки в России изготовляли с XIV по XVIII век, следовательно, возраст найденной пушки не менее 200 лет. Интересную находку принес Витя, и музей очень благодарен ему.

А. ЩЕКОЛДИН,
директор
Кунгурского
краеведческого
музея

Русская Пашкова

В мутную декабрьскую ночь 1942 года деревня Андроновка была разбужена канонадой. От каждого взрыва вздрагивала земля. Казалось, что кто-то старательно ухает по ней гигантской дубовой трамбовкой.

Пашка с матерью тревожно прислушиваются к звукам с улицы: к тяжелому лягу танков, тархтенью моторов и нерусским отрывистым крикам. Там фашисты.

В каждой избе, на каждой кровати, на печи лежат люди с открытыми глазами. Не уснуть им в эту самую темную из всех ночей, горькую, холодную и страшно бесконечную ночь.

Пашке кажется, что утро не наступит больше никогда. Или будет особенно холодным и мглистым.

Но оно началось и притом обыкновенно, как много раз в Пашкиной жизни. Постепенно прояснилось небо на востоке, потянул студёный ветерок, выглянул луч солнца, сперва робко, с оглядкой, а потом уверенно заиграл на крышах домов.

Вдоль пустой улицы, вперевалку, вышагивает свежеспеченный полицай Афонька. Идет он от избы к избе, стучит толстой палкой в замерзшие оконные рамы, на ходу хрипло выкрикивая:

— Эй, народ! Выходи на площадь, к кузне, и чтоб мигом!

Из-за ворот и плетней появляются взерошенные люди с вытянутыми лицами и красными от бессонницы глазами.

Андроновы тоже идут. Впереди Пашка, потом мать и дед Ипат. Пашка нагнал своего приятеля Ваньку Мохова. Тот ухватил его за ворот полушубка и таинственно зашептал на ухо:

— Танкиста казнить будут!.. Гляди, народу-то сколько.

* * *

Люди у помоста стоят тихо, не глядя друг на друга и не переговариваясь.

От ветра мерно покачивается веревка на столбе. Лающие крики команды. Солдаты окружили помост. Толпа зашевелилась. Ванька ткнул Пашку локтем в бок.

— Смотри...

Четыре фашиста, покачивая лезвиями штыков, вели человека. Ветер легонько тербил его чуть курчавившиеся русые волосы. Лицо, грязное от масляных пятен и копоти, было хмурым, измученным. И только глубоко запавшие глаза горели.

Руки, вывернутые назад, скручены проволокой. Пашка, как прикованный, смотрел на него.

Хриплый окрик офицера прорезал морозную тишину. Толпа медленно расступилась. Танкист и сопровождающий его офицер поднялись на помост.

Танкист огляделся — старики хмурились, некоторые женщины тихо всхлипывали, дети, цепляясь за матерей, смотрели широко раскрытыми глазами. Дальше, у самой кузницы, около танков, возились солдаты, пытаясь завести моторы. Но потом бросили свое занятие.

К танкисту подошел офицер.

— Русский танкист есть бравый зольдат,— проговорил он.— Мы всегда уважали русский храбрый зольдат... Мы будем выполнять ваш последний просьба.

Танкист посмотрел на него и, криво усмехнувшись, что-то проговорил.

— О, русский удалец хочет перед смертью сплясать... Г-у-ут! Г-у-т!..

Офицер наклонился к солдатам, те замотали головой, как по команде. Один из них вытащил губную гармошку.

— Русскую гармонь надо, а не эту сви-стульку...

Впереди толпы раздался чей-то заискивающий голос, и Пашка увидел у самого помоста рыжую острую бородку бухгалтера. Его только что назначили старостой. Он по-собачьи преданно смотрел офицеру в глаза.

— Господин обер-лейтенант, есть у нас гармошка-то... У Афоньки-полицая, что старший.

— О, гут, живо, живо старший полицай сюда!

Староста крикнул, и от толпы отделилась темная юркая фигура. Офицер самодовольно улыбался, предвкушая интересный номер. Весело поглядел танкисту в лицо. Вот показался, на ходу пробуя мехи, Афонька с баяном. У него по-хмельному широко раздувались ноздри. Толпа расступилась, давая ему дорогу. Афонька взобрался на помост.

— Что угодно господину обер-лейтенанту?— пьяным бодрящимся голосом спросил он, сделав, словно лягавая, стойку.

— Этот бравый русский танкист хочет перед смертью сплясать... русский плясовой. Ты будешь играть. Ферштейст?... Иг-рай, гут... Если нихт... — и обер-лейтенант выразительно шелкнул хлыстом по блестящему голенищу сапога.

Теперь Пашка неотрывно смотрел на танкиста. Тот повернулся к офицеру и медленно проговорил:

— Только где вы видели, чтоб птицу пускали в полет со связанными крыльями?

— О, да! — спохватился фашист и отдал приказание.

Афонька тронул аккорды и пьяно подмигнул танкисту: ну, что ж, мол, давай, дерни перед смертью.

Танкист оборвал оставшийся кусок рукава и со злостью отбросил в сторону. Вызывающе раскинул руки, топнул ногой и рванулся, понесся в лихом переплясе, гулко отбивая каблуками. Игривая мелодия звучала в морозном воздухе, да такая искристая, так и берет за душу. Русская плясовая! Знакомые родные звуки неизъяснимо подействовали на хмуро стоящих внизу людей. Народ зашевелился и, подтя-

нувшись, собрался кучнее. Пашка вытянул шею. А танкист несся уже колесом по кругу, распугивая охрану по углам помоста. В раж вошел Афонька, гремит, заливаётся его баян. Разухабисто звучит над толпой хлесткий перестук каблуков. Кажется, сам черт вселился в танкиста. Солдаты разинули рты. Снова и снова пронесится танкист по кругу, все дальше и дальше пятятся они, уступая место плясуну. Офицер стоит у самого края настила. Другой заход — танкист летит на офицера. Вдруг... Пашка аж от страху зажмурил глаза — танкист со страшной силой хватил сапогом фашистского обер-лейтенанта в живот, и тот повалился с помоста на торчащие штыки своих солдат. Ахнула толпа и загудела. А танкист, разгоряченный пляской, разбежался и, словно подброшенный пружиной, прыгнул чуть не на головы столпившихся людей.

Народ шарахнулся в стороны. Поднялась суматоха. Танкист помчался прямо к крайнему танку. Фашисты опомнились, бросились вслед, засвистели пули. Пашка упал у забора и зарылся в снег.

А танкист уже вскарабкался на башню. Заскреблись, зашелкали пули о броню. Минута — и он спустился в люк. Стукнула крышка. Зарокотал мотор. Застреляли холодные от мороза выхлопные трубы. Повалил синий, едкий дым.

Когда Пашка оправился от испуга, он увидел, что машина стальным метеором несется на фашистов, давит их гусеницами.

— Дави их! Дави! Так им и надо! — со жгучим злорадством закричал Пашка.

А танк, не сбавляя ходу, ломал и мял своей тяжестью помост, который трещал и разваливался под гусеницами. Словно живая, взмахнула петля, и виселица рухнула на землю.

Позабыв обо всем на свете, Пашка кричал и махал кулаками. Ему казалось, что он видит напряженное лицо танкиста, его слипшиеся русые волосы и слышит хлесткие слова:

— Получайте, гады, русскую плясовую!

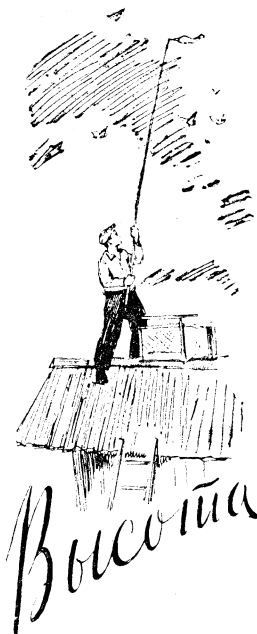
Геннадий КОРОЛЕВ
Рисунки В. БУБЕНЩИКОВА

Урал

Камиль МУСТАФИН

Все достойно изумленья:
горы, небо и цветы,
вдруг мелькнувший рог оленя,
белок рыжие хвосты.
Здесь леса почти как дебри,
а деревья рвутся ввысь.
Здесь встречаются медведи,
из-под листьев смотрит рысь.

Е. ФЕЙЕРАБЕНД

Пока что он лазит на вышку,
А главное будет потом
Но кажется, хочет парнишка
До туч дотянуться шестом.

Валуны согнули спины,
будто в первый день Земли
здесь легли, как исполины,
а подняться не смогли.
Здесь озера под Луною
так и блещут серебром,
а в грозу на них прибои,
как на море штормовом.
Дым гигантов в небе тает.
Трубы, башни, провода...
Индустрия штормовая,
сталью ставшая руда!
Край гранитов, самоцветов,
нашей силы арсенал!
Пусть чудес на свете нету,
но, я знаю,
есть Урал!

А тучи крошатся,
Как льдины
На гребнях весенней реки,
И мчатся
В порыве едином
Под ними его голубки.
И смотрит он
В счастье и муке,
До боли завидуя им.
Раскинуть бы крыльями руки
И с ними лететь головным!
И блещет горячим задором
По солнышку в каждом зрачке...
И вновь почтари-метеоры
Сидят на родимом шестке.
Питомцы его голубятни!
Так жизнь их земная проста,
Но с ними
Ясней и понятней
Великий простор —
Высота.
Обычное детство пилота:
Дощатый заплатанный кров,
Глетушка,
Где пахнет пометом
И свежестью верхних ветров.

ДВОРЕЦ-ЛЕГЕНДА

На одном из возвышенных мест Свердловска, откуда открывается широкая панорама города, стоит красивый старинный дом. Пейзаж Свердловска как-то даже не мыслится без этого здания, мимо которого никто не пройдет равнодушным — ни один гость города, ни один его постоянный житель. Вот уже полтора столетия привлекает он к себе взоры и внимание.

С интересом осматривали дом знаменитый немецкий ученый Гумбольдт, английский геолог Мурчисон, а позднее его земляки — архитектор Аткинсон и пианист Шиф, француз-геолог Вернейль, арабские инженеры Дошури Эль-Шериф и Мухаммед-Али. С восхищением вспоминал о нем Фритьоф Нансен в одной из последних своих книг. Много места уделит дому в своих путевых очерках 1870-х годов Василий Иванович Немирович-Данченко. «Певец Урала», Д. Н. Мамин-Сибиряк описал этот дом в романе «Приваловские миллионы» и не раз упоминал в других произведениях.

Но не только красота здания, вошедшего в историю под именем Харитоновского дома, привлекала к нему всеобщее внимание. Многие видели этот дом. Много рассказов и легенд, порой таинственных и страшных, сложилось о доме, где теперь царит веселье и радость. Это Дворец пионеров города.

Были и небылицы

Сколько вокруг знаменитого дома за полтора столетия накопилось былей и небылиц! Легенды говорят о подземельях, где крепостные невольники чеканили фальшивую монету, о подземных ходах, выходящих в сад и даже на берег городского пруда, о тайных сборищах раскольников-старообрядцев, о баснословных кутежах и оргиях, о замурованных в стенах дома жертвах.

Рассказывают, что хозяева дома некогда задумали позолотить купол своего дворца и будто бы царь запретил это, так как ни у одного царского дворца золотой крыши нет. Даже история строительства дома, имена его архитектора и художника оставались неизвестными, вызвали много догадок и служили основой все новых и новых легенд. Часть этих легенд и рассказов использовал в своих произведениях Мамин-Сибиряк. Вот что он пишет: «...В подземельях дома печатались фальшивые деньги, сбываемые потом дикой глупой «орде». В этих строгих башенках и пустотелых колоннах имелись потайные люки, через которые спускались в глухие подвалы конкуренты «золотого короля» или люди, знавшие очень много, но неумевшие держать язык за зубами. Их приглашали на какое-нибудь пиршество, из-за стола они попадали в подвал».

Но если одним, как, например, Мамину-Сибиряку, легенды и рассказы о доме послужили материалом для художественных произведений, то другие нередко, пересказывая их, выдавали за историческую правду. Художественный вымысел (законный в литературном произведении), а также досужие выдумки очеркистов умножили число легенд и закрепили их в памяти многих как достоверность.

По следам легенд

Что в этих легендах правда и что нет? Такой вопрос интересовал многих.

Пожалуй, первым, кто захотел заглянуть в прошлое Харитоновского дома, был Д. Н. Мамин-Сибиряк. Он познакомился со сторожем дома, древним старичком, живым свидетелем истории здания и его хозяев. Другой старичок, екатеринбургский старожил Погодаев, рассказывал Дмитрию Наркисовичу о Зотовых, Рязановых, Баландиных, Казанцевых, Нуровых — династиях уральских промышленников, о «золотом веке» в истории Екатеринбурга, когда миллионы текли в руки местных богачей, и одуревшие от вина и удачи купцы мыли шампанским лошадей и устилали коврами улицы для потехи и бахвальства.

Рассказывали о том, как целый год справляли «зотовскую свадьбу», породнившую двух

самых крупных магнатов города — Зотова и Рязанова, как «скуплено было и выпито в первый месяц все шампанское, какое только можно было достать в трех соседних губерниях». Рассказывали о ночных оргиях, о пытках крепостных, о людях, замурованных в стены.

Но многое тогда еще не было известно и старожилам. Лишь раскрытые в советские годы архивы помогли дополнить эти рассказы яркими фактами, в свое время тщательно скрытыми от посторонних глаз.

Первым хозяином и строителем дворца был Лев Иванович Расторгуев, вольский купец 1-й гильдии, владелец Кыштымского, Каслинского и Нязе-Петровского заводов. Бывший кабатчик, он нажил крупный капитал в «пьяной конторе» винооткупщика Злобина. Жестокий и жадный, он мертвой купеческой хваткой зажал заводских мастеровых и обрек их на полуголодное существование и нищету. Сердце сжимается от боли, когда читаешь жалобы рабочих на злодея-заводчика. Наконец чаша терпения переполнилась, мастеровые восстали, к ним примкнули крестьяне окрестных сел. Бунт разгорался и вызвал переполох в высших петербургских сферах. Расторгуеву пригрозили, что заводы его отберут в казну. Старый плут не вынес постигших его «испытаний» и в 1823 году помер.

Хозяином дома стал сват Расторгуева — Григорий Федотович Зотов, личность примечательная в летописях уральской старины. Благодаря уму, железной воле и отличному знанию заводского «действия», он быстро прошел путь от кричного мастера до главноуправляющего Верх-Исетскими горными заводами, которые принадлежали корнету А. И. Яковлеву. Заводы при нем стали приносить неслыханный по тем временам трехмиллионный годовой доход.

Но не только ум и знания помогли Зотову. Такого гнета, такой кабалы и жестокости, как при Зотове, рабочие его заводов до этого еще не видели. Женив своего сына Александра на дочери Льва Расторгуева — Екатерине, Зотов прибрал к рукам расторгуевские заводы и стал фактически их полным хозяином, так как другой совладелец — П. Я. Харитонов (муж другой дочери Расторгуева — Марии) в дела не вмешивался и безвыездно жил в своем дворце в Екатеринбурге.

Но Зотов «переусердствовал». На заводах начались рабочие волнения. Зверские истязания и убийства, совершенные по его приказу, также не могли долго оставаться безнаказанными. Началось следствие. Как ни силен был Зотов, замять следствие не удалось. Злодея вынуждены были судить, а вместе с ним, за компанию, и совладельца заводов — Харитонова. Обоим грозила каторга и наказание шпицрутенами. Однако, подкупив кое-кого богатыми взятками, Зотов сумел добиться смехотворно мягкого наказания — простой ссылки в Финляндию. Здесь, в ссылке, он и умер.

С тех пор (1840-е годы) дом долго пустовал. Изредка его сдавали в аренду под квартиры и конторы. Одно время в нем помещалась контора и типография городской газеты. В 1903 году, когда началось дело о продаже харитоновского дома Акционерному обществу Кыштымских горных заводов, весь особняк вместе со службами, садом и прудом был оценен в 30 000 рублей.

Наследников дома нашлось много. Его пришлось разделить... на 112 частей.

Начало дома

Когда же все-таки построен дом?

Дом, оказывается, строился не сразу.

В последней четверти XVIII века жил в Екатеринбурге чиновник в звании губернского секретаря — Семен Алексеевич Исаков, бывший поверенный владельца Богословских заводов Походяшина, человек состоятельный. Имея в Екатеринбурге собственный деревянный дом, он в 1794 году начал строить большой каменный дом с флигелями и службами «на левой стороне Исети, в Нагорной улице».

Не докончив строительства, Исаков умер. Жена его, собираясь переезжать в Пермь, в 1795 году продала «деревянное строение со службами при нем... и при этом доме каменное строение — двухэтажный покой с приготовленными материалами» купцу Расторгуеву за две тысячи рублей. Упомянутый двухэтажный покой и есть угловая часть ныне существующего здания Дворца пионеров. В те же годы была выстроена и другая часть дома — флигель под бельведером (круглой башенкой). Позднее, в 1824 году, их соединили в одно целое, построив среднюю часть (где теперь главный вход во Дворец).

Так выглядел Дворец в 1933 году.

Кто строитель?

Но если дату строительства дома удалось установить сравнительно легко, то труднее оказалось узнать, кто строитель дома, кто автор проекта этого замечательного архитектурного творения.

Покойный доктор А. В. Ляпустин, хороший знаток уральской старины, записал интересную легенду об этом.

Легенда называет строителем дворца некоего француза, который служил хранителем в Эрмитаже. Француз этот окончил Парижскую академию художеств, был учеником знаменитого философа-энциклопедиста Дидро. На Урал он попал случайно, после одной, очень печальной для него встречи с императором Павлом.

В первые дни своего царствования Павел отправился в Эрмитаж. Увидев в одном из зал статую Вольтера, поставленную по приказанию Екатерины, он пришел в ярость:

— Убрать этого мерзавца!

Рассвирепевший Павел потребовал к себе хранителя музея. Тот пришел, трепеща от страха.

— Ты якобинец?

— Да, сударь! — ответил француз, не знавший русского языка.

Этого было достаточно, чтобы по одному слову сумасшедшего тирана несчастный был отправлен в Сибирь в вечную ссылку.

Однако в Екатеринбурге этап выследили служители Расторгуева. На ночевке в селе Косулино они устроили налет, сбезоружили конвой и увели арестантов. Цель была одна — увеличить число рабочих людей на заводах. Когда приказчик Каслинского завода узнал, что среди ссыльных находится архитектор, он распорядился немедленно отправить его в Екатеринбург к Расторгуеву. Тот приказал ему составить план и смету своего будущего дворца.

К сожалению, в легенде есть противоречие с историческими фактами. Царствование Павла закончилось в 1801 году, а, судя по рассказу, действие происходит в 1809 году, потому что Кыштымский и Каслинский заводы были приобретены Расторгуевым именно в этом году.

На днях об этой старой легенде пришлось вспомнить снова.

Не так давно в газете «Вечерний Свердловск» челябинский краевед И. Борисов сообщил об интересной архивной находке.

Борисов ознакомился с перепиской владельца Кыштымских заводов А. А. Зотова (прототип Сергея Привалова в «Приваловских миллионах» с управляющим заводами Деви. В одном из писем Зотов коснулся вопроса о строительстве дворца и его архитекторе

«Вы давно интересуетесь судьбой архитектора в строительстве моего дворца, то есть харитоновского... Со слов моего отца, а он получил эти сведения от моего деда по матери Льва Ивановича Расторгуева и деда по отцу Григория Федотовича Зотова: с начала 1796 года мой дед Лев Иванович решил блеснуть перед екатеринбургской знатью тем, как построить небывалый еще в городе дворец... Денег было уйма, но не было

даровитого зодчего. Из Петербурга отказались приехать. Здесь же, в Екатеринбурге, не имелось... Это затруднение дед мой Лев и поведал начальнику канцелярии пермского губернатора. На это начальник канцелярии ответил, что в тобольской каторжной тюрьме содержится узником один важный государственный преступник и в то же время даровитый зодчий. Если дать кому следует, то в Петербурге могут временно из тобольской каторги узника отчислить в екатеринбургскую тюрьму в ваше распоряжение на стройку дворца... Расторгуев так и сделал. Через шесть месяцев привезли узника в екатеринбургскую тюрьму. До свидания деда с зодчим главный директор тюрьмы предварил моего деда в том, чтобы ни в коем случае не спрашивать фамилии узника. Он умерший считается, только его номер можете знать... Кроме всего, и узник под страхом наказания шпицрутенами 500 ударов не скажет свое имя и, тем более, звания. Встреча моего деда с узником состоялась... Узник сказал: «Сударь, я даровитый архитектор. Для того, чтобы моя фантазия превратилась в действительность, нужны большие деньги. Располагаете ли вы ими?» Мой дед подтвердил. Через 12 лет дворец был готов. Но слово мой дед не сдержал в части досрочного освобождения узника или устройства его побега. Надломленный и обиженный моим дедом узник впал в ипохондрию. По дороге в Тобольск он повесился в тюменской пересыльной тюрьме».

Может быть, это письмо и послужило некогда основой легенды? В нем также много противоречий. Кто напутал и почему — сейчас установить трудно.

Кто же все-таки?

До 1798 года в Екатеринбурге не было штатного архитектора. Первым занял эту должность Иван Николаев. Он обучался «архитектурному художеству» в 1764—1779 годы в Академии художеств, а затем работал архитектором в Колыванской губернии. Встречается его фамилия и в документах начала XIX века, в частности, им подписаны планы и фасады нескольких строений

для Березовского завода (1802 г.). Он, безусловно, принимал какое-то участие в строительстве дома Расторгуева. Документальных доказательств, однако, нет.

Но первоначальные проекты (планы, фасады и сметы) мог составить только местный уездный землемер. Более вероятным следует считать, что фасад и план нового каменного дома для Исакова «сочинил» землемер Петр Горбунов.

А недавно совсем неожиданно удалось установить фамилию еще одного архитектора, непосредственно связанного с делами заводов Расторгуева. Поверенный заводчика в 1816 году выплатил 100 рублей некоему архитектору Малышеву. Может быть, это он и был зодчим дворца?

Возможно, что дальнейшие поиски документов приведут к разгадке, что сделал архитектор Малышев для заводчика Расторгуева?

Три фамилии — три предполагаемых участника в строительстве дома Расторгуева, но кто же подлинный и главный?

На этот вопрос ответа пока нет.

Памятник архитектуры

Замечателен дом и как памятник архитектуры. По словам профессора архитектуры К. Т. Бабыкина, это образец старинной, большой барской усадьбы, с флигелями, домовою церковью (была во флигеле с бельведером), с многочисленными службами, садом с беседками и прудами в нем. Особенно красив выходящий на площадь фасад главного корпуса с колоннами. Величественна колоннада главного флигеля. Стремление к пышному заставило архитектора украсить и северный фасад служб во дворе такой же прекрасной колоннадой. Замечательна архитектура главных ворот. Они решены в характере величественной триумфальной арки. Над средней проезжей частью, украшенной колоннами, смело перекинута арка, увенчанная разорванным фронтоном... Чрезвычайно удачно использованы природны условия места. На горе, наивысшей точке в городе, раскинулась эта огромная усадьба, доминирующая над городом, — подлинный его акрополь¹. Профессор Бабыкин сообщает, что до 1924 года в доме сохранялись два чудесных живописных плафона, исполненные в синевато-серой гамме тонов, по рисунку и по композиции в духе чистейшего ампира. По характеру композиции и по манере исполнения эти плафоны очень близки

¹ Акрополь — возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города.

к живописным плафонам знаменитого дома Найденова в Москве, работы архитектора Жильярди.

Откуда эта близость? В 1923 году Бабыкину удалось познакомиться с большим томом рукописных дневников и заметок одного из владельцев дома — Я. В. Харитонов. В них сообщалось, что плафоны были исполнены «комнатным живописцем» Алексеевым, долгое время работавшим в Москве и сосланным в Тобольск за подделку опекунских билетов. Узнав о его мастерстве, Харитонов, испросил у тобольского губернатора разрешения Алексееву приехать в Екатеринбург. Художник прожил здесь более года, украшая своим искусством комнаты в доме наследниц Льява Ивановича Расторгуева.

Автор дневника сообщал далее: «Алексеев имел такую способность и вкус: по одной своей памяти, без каких-либо рисунков разрисовывал потолки и особенно отлично рисовал разнообразные букеты цветов, составлявших широкую ленту над карнизом огромных комнат. Все время он вел себя безукоризненно трезво, исполняя работы с полным усердием и, конечно, все надеялся, что П. Я. Харитонов, по своему богатству и связям, поможет ему возвратиться на родину...» После окончания работы Алексеев был возвращен в Тобольск, и дальнейшая судьба его неизвестна.

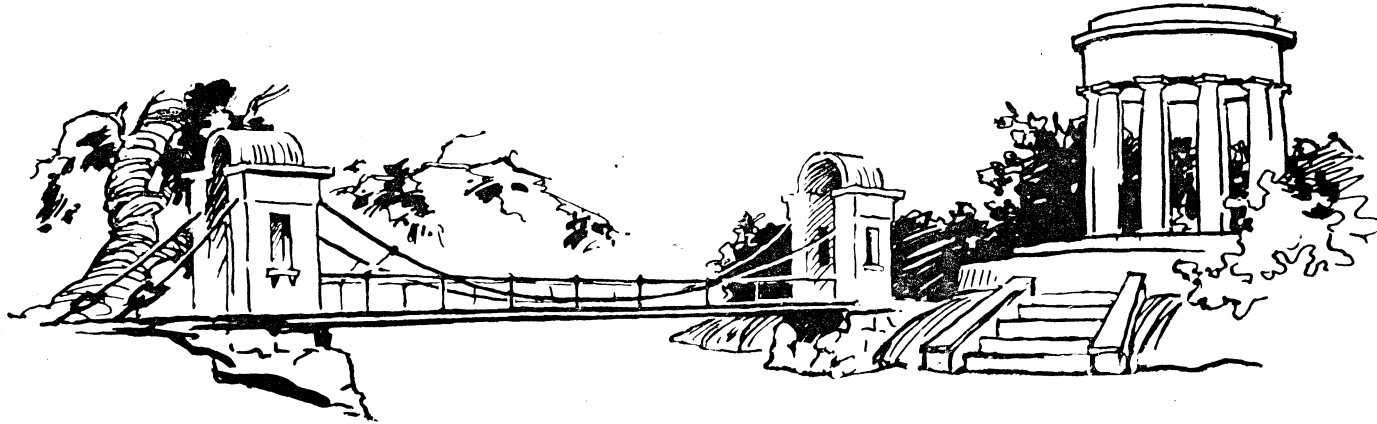
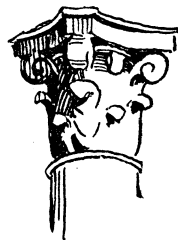
Неизвестна и судьба дневника, из которого выписал эти данные К. Т. Бабыкин. В 1918 году некто П. И. Тарасов прочитал на общем собрании членов Уральского общества любителей естествознания доклад «О дневнике Якова Васильевича Харитонина (1810—1832 гг.)». В 1923 году дневник видел Бабыкин у одного из наследников Харитонина. Но, когда Бабыкин вторично пытался ознакомиться с дневником, он уже не нашел ни дневника, ни владельца его. Был слух, что Харитонов скрылся в старообрядческих скитах Поволжья.

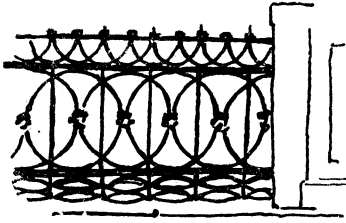
Пропадал, видимо, навсегда интереснейший документ эпохи, который мог бы пролить свет на события далекого прошлого.

Тайна подземелий

Если верить легенде, в доме были подземелья. Была комната с замурованными дверями. Такие тайники могли пригодиться хозяевам дома — Расторгуеву и Харитонову. У них часто бывали люди всякого рода: раскольники, преследуемые властями, беглые, которых выгодно было тайно переправить на заводскую работу.

Но были ли подземелья, тайники и подземные ходы в действительности?

Между прочим, сам Расторгуев в своем «объявлении» (сообщении городским властям) в 1799 году сообщал подробные сведения о подвале, устроенном возле нынешней угловой части дома: «...Подвал внутри длины 7 сажен 2 аршина с четвертью, ширины 11 аршин и 2 вершка, вышины 3 аршина 5 вершков. Стены оного толщины 1½ аршина. Двери одни, во оных полотна створные, на крюках и петлях железных, деревянные, потолок накатной, а на оном для поклажи вещей складены из кирпича кладовые...»

Сейчас на этом месте находится восточная часть здания с портиком. Но на планах и разрезах 1888 года, сохранившихся в Свердловском архиве, этот подвал почему-то уже не обозначен.

Особенно упорно держалась легенда о подземных ходах. В 1935—1937 годах, когда дом капитально реконструировался под будущий Дворец пионеров, ее попытались проверить. Осмотрели ямы и траншеи, вырытые возле дома и под ним для прокладки водопроводных труб и канализации. Но даже каких-либо следов «подземных ходов» не встретилось. Правда, одну траншею (в саду), шедшую от веранды к зданию музея, длиною метров двадцать, можно было принять за старый подземный ход, но дальше оказался обвал, и проверить ее до конца не удалось.

В 1824 году, когда решался вопрос об отдаче сада в аренду, горному офицеру Мануйлову было поручено произвести геологическое обследование местности, так как вблизи находились горные работы Березовской золотых промыслов конторы. Мануйлов тщательно изучил местность, заложил в разных местах 37 шурфов глубиной до 10 аршин и в девяти из них были обнаружены «малые знаки золота», не имевшие промышленного значения. Но к востоку от сада золота оказалось больше

Возможно, что «подземные ходы» — ничто иное, как следы тайных поисков и небольших разработок золота старыми хозяевами дома. А они в свою очередь, вероятно, дали повод к другой легенде — о тайной чеканке монет в подвалах.

Новая судьба старого дома

9 января 1918 года был подписан декрет Совета Народных Комиссаров, которым все имущество Акционерного общества Кыштымского горного округа объявлялось собственностью Российской республики. В число этого имущества входил и харитоновский дом.

В просторные хоромы легендарного дворца вошли молодые рабочие, предки которых проливали пот и кровь на строительстве этого дома, в его тайных подвалах. Это были делегаты первого Уральского областного съезда социалистических Союзов рабочей молодежи. Правда, он был немногочислен — собралось всего 45 человек, но они представляли всю рабочую молодежь Урала. Это был первый в Советской стране областной съезд рабочей молодежи.

Теперь на здании установлена мемориальная доска с обозначением даты знаменательного события. Через сорок лет, в 1958 году, в центре площади был поставлен памятник в честь первых комсомольцев Урала, и сама площадь стала именоваться Комсомольской.

В годы революции здесь размещался отряд Красной гвардии, позднее — эвакуационный пункт детских домов, госпиталь. В 1924 году из Омска перевели сюда Урало-Сибирский коммунистический университет имени В. И. Ленина. Под старинными сводами звучало слово большевистской правды. Университет сменила Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. Людно и шумно стало в старом купеческом доме, а в середине 30-х годов после реконструкции здания его передали пионерам.

Много див у нас на Урале, но чудесный дом на горе всегда будет вызывать восхищение. Несмотря на свой полуторавековой возраст, он живет вместе с нашей боевой юностью. Пионеры приходят в свой Дворец не только развлекаться, но и учиться. Здесь в разнообразных кружках получает толчок их творческая мысль, пробуждается интерес к науке, технике, искусству, любовь к родному краю. Здесь организируются туристские походы, ставятся спектакли, осуществляются смелые замыслы.

Ничего не осталось от того, что напоминало кровавую и подлую купеческую старину. Уже не одно поколение молодежи побывало тут, приобрело ленинскую закалку, чтобы строить новый мир, в котором они, молодые, станут хозяевами.

В очерке использованы материалы писателя К. В. Боголюбова и историка-архивиста А. Г. Козлова.

Рисунки Ю. ЕФИМОВА

Свердловский Дворец пионеров, бывший Харитоновский дом
Линогравюра Г. Новиченко.

Урал наших дней.

Фото Ж. Берланда.

Красные дьяволята

Повесть

П. БЛЯХИН
Рисунки В. ВАСИЛЬЕВА

Юные друзья мои, читатели! Повесть «Красные дьяволята» была написана мною в 1921 году в вагоне-теплушке по дороге из Костромы в Баку. Вместо трех дней, я ехал ровно месяц. На самодельном столике наготове лежал маузер...

Гражданская война подходила к концу, но грабежи и налеты бандитских шаек на поезда и продбазы продолжались. Нам не раз приходилось хвататься за оружие и выскакивать из вагона по тревоге. Поезда часто останавливались: не хватало топлива для паровозов, и пассажиры сами помогали добывать дрова, уголь. Страна изнемогала от голода, разрухи и болезней. Но советский народ терпеливо переносил все невзгоды и героически сражался с остатками интервентов и контрреволюции. Так, вместе со старшим поколением билась за власть Советов и наша молодежь, юноши и девушки, и даже дети-подростки. Сотнями и тысячами шли они добровольцами в ряды Красной Армии, показывая образцы неданной храбрости и любви к Родине.

В 1920 году я не раз встречался с этими орлятами: об их отваге и самоотверженности рассказывали поистине чудеса. О боевых делах и приключениях тройки таких героев, прозванных «красными дьяволятами», я и написал свою первую повесть. Она была издана в Баку в двадцать втором году. Это была одна из первых книг о гражданской войне, кровавый след которой еще не успел остыть. Наши юные читатели горячо приняли книгу, и Ленинский комсомол потребовал ее экранизации.

В 1923 году вышел в свет кинофильм «Красные дьяволята», поставленный в Грузии по моей повести и сценарию режиссером И. Перестиани. Советские зрители, особенно молодежь и дети, встретили фильм с восторгом и немедленно отозвались сотнями писем на имя командарма Первой Конной армии С. М. Буденного с просьбами принять их добровольцами, как «красных дьяволят». Многие просили товарища Буденного сообщить им и точные адреса этой тройки: Мишки-Следопыта, Дуняши-Овода и Ю-ю. В некоторых клубах появились группы «Красных дьяволят»...

Талантливому грузинскому режиссеру хорошо удалось передать самый дух повести и дух эпохи. Но он допустил одно расхождение с книгой и сценарием: вместо китайца Ю-ю, за неимением подходящего в Грузии актера, дал негра Тома Джексона, которого играл цирковой наездник Кандор Бен-Салим. Но я должен напомнить, что в гражданской войне именно китайские добровольцы дрались в рядах Красной Армии с русской контрреволюцией. Китайцы и в ту тяжкую годину были нашими самыми верными друзьями.

В свое время кое-кто упрекал меня в том, что боевые дела и приключения «красных дьяволят» порой кажутся невероятными и непосильными для таких юнцов (16—17 лет). Но вот двадцать лет спустя, в годы Великой Отечественной войны, я опять встретил «дьяволенка» нового поколения — это Вася Бобков. Васе пятнадцать лет. Он в форме солдата. Через плечо автомат. На груди орден Красной Звезды. Вася Бобков — отличный стрелок и храбрый воин. Он не раз ходил в разведку. В бою заменял при случае пулеметчика. Мог быть и хорошим наводчиком орудия. На его счету было двадцать пять убитых гитлеровцев! Ну, разве этот юный вояка не мог быть четвертым дьяволенком в моей повести?! А сколько таких Васей Бобковых было на разных фронтах Великой Отечественной войны!

Правда, в повести были элементы некоторой фантастики и преувеличений. Но они выражали героические настроения нашей молодежи, готовой положить и жизнь свою за дело коммунизма, за счастье народа. Вот почему редакция журнала «Уральский следопыт» решила снова напечатать повесть «Красные дьяволята» без особой коренной переработки, такой, какой она была в те славные годы.

НАБЕГ

Темная южная ночь тихо таяла. Бледнели и гасли звезды. За черной полосой леса розовел восток. Словно огромная чаша горячего борща, курилась туманами жирная украинская земля. Приближалось утро.

Но село Яблонное все еще спало крепким мужицким сном. Спал даже старик-сторож, стоя у дверей церкви с колотушкой под мышкой. Вокруг все было тихо и спокойно, как в доброе старое время. Только неугомонные петухи, как часовые старинной крепости, певуче перекликались из конца в конец беспечного села.

Ой, не спать бы вам в эту ночь, мужики!..

На опушке леса на горячем вороном коне появился маленький всадник в мхнатой папахе, заломленной на затылок. Приподнявшись на стременах, он, как вор, огляделся по сторонам. Хищное лицо его с черными колючими глазками настороженно вытянулось, ноздри раздулись, словно у хорька, почуявшего дичь. Он вдруг выхватил шашку и со свистом рубанул ею воздух:

— Гей, за мной, хлопцы!

Из леса тотчас вылетел отряд конников и, веером рассыпавшись по широкому полю, с ревом и свистом ринулся на село.

Тяжело загудела земля. Стаи испуганных птиц взвились к небу.

Церковный сторож уронил колотушку и в страхе перекрестился:

— Що такэ, матерь божья? Ратуйте, православные!..

Но уже было поздно: стреляя на скаку, лавина всадников с диким воем неслась по улицам злосчастного села. Захваченные врасплох селяне в панике выбегали из хат и тут же падали, сраженные пулями или зарубленные шашками. Бандиты не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей.

— Бей! — бабьим голосом визжал маленький всадник, размахивая шашкой.— Бей, и баста!

Бандиты врывались во дворы и хаты, грабили пожитки, свертывали головы

гусям и курам, угоняли свец и коров. Но, странное дело, хаты кулаков и деревенских богатеев не трогали. Не тронули и дом священника отца Павсикакия.

Вскоре пламя пожарища озарило страшную картину разгрома.

Верный своему долгу, старик-сторож поднялся на колокольню и ударил в набат.

Маленький всадник, видимо, атаман шайки, помчался к церкви. За ним скакал длинный, как жердь, бандит с помятым цилиндром на голове и мрачный рябой детина с обрезом за спиной.

Набат гудел, усиливая тревогу, призывая на помощь...

В церкви уже орудовали грабители: они рвали на части парчовые ризы, обдирали золотые иконы, набивали сумки церковной утварью.

Атаман шайки на всем скаку ворвался во взломанные и распахнутые настезь двери храма.

— Вон, сто чертив вашему батьку! — заорал он, награждая своих соратников ударами плети.— Вон, а то рубать буду!

Ворча и ругаясь, ворвавшиеся бандиты бежали к выходам.

В алтаре из-под престола выскочил перепуганный насмерть священник. С крестом в руках он подбежал к атаману и приложился к его ноге, как к иконе:

— Отец родной... батько наш... дай тебе боже доброго здоровья! Спас дом божий...

— Но-но, нечего мед разливать, — проворчал атаман, поворачивая коня к выходу.— Своих попов мы не трогаем, пригодятся.

Поп чуть не захлебнулся от восторга и преданности:

— Да боже ж мий!.. Да я... да мы...

— Ну, и баста! — стрезал бандит. Шутя хлестнул попа плетью по спине и вылетел из церкви.

Поп почесал ушибленное место, истоиво перекрестился:

— Слава тебе, господи, слава тебе!.. Вот, собака!

Набат внезапно оборвался...

Два бандита с трудом оторвали старика-сторожа от колокола, схватили его за ноги и за руки, бросили с колокольни. Он упал под ноги вороного коня. Конь шархнул в сторону, едва не выбив из седла злого атамана.

Глянув на убитого старика, он расхотался:

— Что, дозвонился, старый пес?

В этот момент к атаману подлетел крайне встревоженный конник:

— Беда, батько, у Совета перепалка! Голова незаможников¹ отстреливается — Ванька Недоля!

Атаман взвыл:

— Живьем, живьем взять! Шкуру спушу!..

Осажденные толпой, отец и сын Недоля стреляли из окон дома. Трое убитых уже валялись у крыльца. Решив, что взять сельсовет штурмом не удастся, бандиты обложили здание соломой и подожгли.

Когда к месту боя прискакал атаман, сельсовет уже был объят пламенем со всех сторон.

Через несколько минут дверь дома распахнулась, и вместе с клубом дыма на крыльцо выскочил могучий старик с винтовкой в правой руке. Левой он поддерживал тяжело раненного сына-матроса.

Шайка встретила их торжествующим ревом, лавой окружив крыльцо.

— Живьем, живьем взять! — завизжал атаман. — Я им покажу Советскую владу!..²

Взяв винтовку за конец ствола и действуя ею, как дубиной, грозный старик двинулся прямо на толпу. Бандиты в страхе расступились на обе стороны.

— Сдавайся, старый черт! — ревели они, пятясь от старика.

¹ Председатель Комитета деревенской бедноты.

² Советская власть.

Матрос тяжело опирался на руку отца, с трудом передвигал ноги. Лицо его было залито кровью.

Первый смельчак, попытавшийся приблизиться к старику, грохнулся на землю с разбитой головой.

Рев усилился, но круг стал шире.

По знаку атамана рябой бандит захватил сзади и прямо с седла ударил в спину старика. Тот упал навзничь, крикнув:

— Да здравствует власть Советов!

Упал и матрос.

Шайка ринулась на беззащитных уже бойцов.

— Назад, хлопцы! — приказал атаман. — Матроса взять в лес, а с отцом я сам поговорю...

Бандиты неохотно расступились. Атаман спрыгнул с седла, подошел к истекающим кровью пленникам. Старик лежал неподвижно, не выпуская из рук винтовку.

— Подох, собака! — зло прошипел атаман. — А то бы я показал тебе незаможных³ селян...

Вдруг откуда-то сверху два камня со свистом пронеслись в воздухе. Один камень больно царапнул щеку атамана, а другой попал в холку вороного коня. В то же время на другом конце села раздались испуганные крики:

— Партизаны! Партизаны!..

Бандиты поспешно вскочили на коней и, стреляя куда попало, понеслись вон из села.

По приказанию атамана рябой бандит поднял матроса на седло и умчался вслед за шайкой в лес.

Вскоре село опустело. На улицах валялись только трупы убитых да бегали взад и вперед перепуганные овцы.

С крыши ближайшего к сельсовету дома проворно спустились двое ребят и с криком бросились к могучему старику, лежавшему посредине дороги у здания сельсовета.

— Ой, батька наш, батька!

ДВЕ МАСКИ

Страна Советов пылала в огне гражданской войны. Со всех сторон к сердцу России, Москве, двигались многочисленные орды контрреволюции. С востока, севера и юга угрожали иностранные интервенты, снабжавшие белые армии оружием и продовольствием. В Крыму засел Врангель, войска которого прорывались на Украину, в район Екатеринославщины.

А здесь, в тылу молодой Красной Армии, бесчинствовали кулацкие шайки, возглавляемые разными батьками и атаманами.

Городские рабочие и деревенская беднота самоотверженно боролись за Советскую власть, помогали Красной Армии и нашим партизанам всем, чем могли. Сотни и тысячи молодых добровольцев пополняли ряды славных бойцов за дело свободы и социализма.

В эти грозные годы, в кольце врагов, советскому народу жилось тяжело, голодно и холодно. После войны промышленность была разрушена, поля не засеяны, хлеба не хватало даже для снабжения Красной Армии. Деревенские кулаки-богатеи прятали свой хлеб и продукты в ямах и потаенных местах, занимались спекуляцией и жестоко грабили городское население, спускавшее за хлеб и картошку последние пожитки.

В те дни, к которым относится действие нашей повести, такое же положение было и в городе Екатеринославе.

В Гуляй-поле и по всей Екатеринославской губернии разгуливали и грабили мирных жителей банды знаменитого на Украине батьки Махно. Действуя в тылу Красной Армии, эти банды приносили неисчислимый вред советскому народу: устраивали еврейские погромы, громили и грабили базы снабжения, убивали советских работников и особенно большевиков и красных партизан. Деревенские богачи и буржуи всячески помогали им в борьбе против Советской власти. Они хотели вернуть старый режим, царя и помещиков.

Был вечер. На густо-красном горизонте тязько громоздились и лезли к зениту грозные тучи. По широкому шляху из Екатеринослава длинной вереницей тянулись мужицкие телеги и тачанки. Они возвращались с большого воскресного базара. На возах громоздились пустые кадушки и макитры, кухонная посуда, граммофонные трубы, зеркала и ведра, столы и стулья — словом, все, что можно было выменять у голодающих горожан за хлеб, молоко и картошку.

Крестьяне явно спешили домой. Не желая остаться в одиночестве, задние возчики усердно нахлестывали и понукали криками своих коней:

— Та ну, швыдче, козурый!

— Гей, Петро! Чи здыхае твоя кобыляка, чи шо?

— Трохым, геть со шляху, чого став, бач, лис близко!..

Грозовые сумерки уже ползли по земле, окутывая дорогу зловещим полумраком.

Подъезжая к лесу, мужики незаметно вытаскивали из-под соломы короткие куцаки¹, иные нащупывали за пазухой револьверы, готовили ножи. Они явно чего-то опасались, со страхом поглядывая на темные овраги и в сторону леса.

Только одна расписная тачанка, запряженная парой коней и нагруженная до отказа разным барахлом, не торопясь катилась в хвосте обоза. На ее задке, увязанное веревками, гулко громыхало старое пианино.

Лениво пошевеливая вожжами, конями правил здоровенный мужичище, с красным заплывшим лицом и толстой золотой цепочкой на рыхлом брюхе.

Рядом, словно курица на яйцах, сидела его жена. С первого взгляда было ясно, что это почтенные и богатые люди.

Вероятно, по случаю выгодной спекуляции мужик изрядно выпил и теперь беспечно насвистывал украинские песенки. Это очень беспокоило его жинку, которая то и дело тыкала «чоловика» кулаком в спину:

— Та ну, красный пес, гони швыдче! Бач, як тэмно?!

— Тэмно? А нехай соби тэмно,— невозмутимо отвечал «красный пес», и не думая торопиться,— мини що: дорогу я знаю, село знаю, ворота знаю — усе знаю. Хиба ж я пьян, чи що? Бач, у мэнэ яка цидуля е?

Пьяный кулак выразительно шлепнул ладонью по пустой кубышке, из которой торчала ручка нагана:

— Хлоп, и в голове дырка!

Жинка разъярилась еще больше:

— Вот дурна дитына! Хиба ж ты не чув, шо тут сам Махно гуляе? Гони, кажу, швыдче!..

— Батько Махно? — живо отозвался мужик.— А нехай соби гуляе, дай ему боже... Вин же на радянску владу идэ, шоб ий кишки повытягло!

И кулак разразился забористой бранью по адресу Советской власти. Наругавшись вдоволь, он вдруг бросил вожжи, смачно шлепнул ручищей по жирной спине своей жинки:

— А хошь, Олена, я для батьки Махно «Боже, царя» спою? Хошь? Ей-богу спою и на музыке натрынькаю...

Мужик повернулся к пианино и лихо забарабанил кулаками по крышке:

— Бо-о-о-же, царя храни, сильный дер...

— Стой!

— Стой!..

— Руки вверх! — внезапно загремело над ухом кулака. И его кони в мгновение ока оказались свернутыми в обочину, а

¹ Куцак — от слова «куцый» — винтовка с обрезанным дулом, обрез.

перед глазами блеснуло черное дуло револьвера.— Оружие и деньги! — грозно крикнул незнакомец, направляя пистолет в лоб кулаку.

В ужасе воздев руки к небу, мужик растерянно забормотал:

— Деньги?.. Яки деньги?..— Но, глянув в лицо грабителя, он вдруг увидел красную маску, разрисованную белыми полосами и черными пятнами.

— О боже ж мий! Нэчиста сила! — взревел суеверный мужик, мешком падая на свою половину.

А перепуганная Олена уже лежала ничком, спрятав голову в большую макитру¹ с остатками сметаны.

У тачанки появился еще один грабитель в такой же страшной маске.

— Да они совсем окачурились от страха, — сказал первый, опуская дуло пистолета.— А ну-ка обыщи их, Овод!

Второй грабитель проворно обшарил воз и кулака:

— Есть оружие, брат Следопыт! — радостно крикнул он, выхватывая из кубышки наган.

— Даешь поход! — отозвался грабитель, названный Следопытом, и тотчас спрыгнул с колеса тачанки.

¹ Большая глиняная квашня,

Две красные маски мгновенно исчезли в ближайшем овраге, а перепуганная чета еще долго лежала на месте, боясь шелхнуть. Наконец мужик осторожно приподнял голову и огляделся по сторонам. Вокруг все было тихо.

— Дэ ж воны? — изумился он, крестясь.— Мабуть, наваждение було, чи оборотень який? Дывысь, Олена!..

И только теперь мужик заметил, что на плечах его «жинки», вместо головы, торчала огромная макитра.

— Олена! Гей, Олена! Та дэ ж твоя дурна голова? Ты сказывалась, чи що?..

Услышав знакомый голос, Олена медленно подняла голову вместе с макитрой. По ее груди и шее стекала сметана.

Мужик невольно расхохотался:

— Бачтэ, яка штука!

Олена с трудом стащила свой нелепый колпак. Но, увидев хохочущего мужа, она побагровела от ярости и с такой силой трахнула его макитрой по голове, что черепки разлетелись во все стороны.

— Жинку чуть не заризалы, а вин регоче, рыжий сатана!

Однако, опомнившись, они оба сразу схватились за вожжи и, нахлестывая коней, понеслись по шляху, прочь от страшного места.

КТО ОНИ?

Глухая ночь спустила на мир свой черный полог. Вдали угрожающе ворчал гром, вспыхивали белые молнии, словно от страха, трепетали вершины дубов...

Но что это?..

Далеко над лесом пролетела красная горящая искра, за ней другая, третья... В темной чаще заиграли языки пламени.

Кто же дерзнул зажечь огонь в этом угрюмом лесу в такую тревожную ночь и так далеко от жилых селений?..

У костра под могучим дубом сидели на корточках уже знакомые нам грабители в страшных масках.

— Слушай, брат Следопыт, — сказал один, подбрасывая сухие сучья в огонь, — для чего ты крикнул: «Оружие и деньги!» — когда нам нужно было только оружие?

Второй засмеялся:

— А так страшнее. Видал, как кулак глаза выкатил? Я думал, он лопнет от страха. Военная хитрость, брат Овод.

— Ну, нет, это он твоего пистолета испугался...

— Да, пистолет лихой, — согласился тот, кого звали Следопытом, и бросил в огонь большой черный «пистолет», дубовый ствол которого походил на детскую пушку.

Овод снял маску. Она оказалась простой красной тряпкой, разукрашенной белыми и ваксой, с двумя дырками для глаз.

— Не пора ли, брат, начать Совет вождей? — спросил он, засовывая револьвер за пояс штанов. — В поход мы, кажись, готовы.

— Ну, что ж, начинать — так начинать, — ответил Следопыт и тоже сорвал с лица маску.

При колеблющемся свете костра теперь уже можно было разглядеть безусые лица двух подростков, ничуть не похожих на лесных грабителей. Юнец, названный Следопытом, был одет в красную рубашку, подпоясан простой веревочкой. Крепкий, широкий в плечах и груди, он казался сильным не по летам. Рыжие волосы буйными вихрами торчали во все стороны, а живые серые глаза смотрели дерзко и весело.

Второй паренек был, видимо, слабее первого, но ловкий и гибкий, как лоза. Черные волосы то и дело сползали на его

высокий, умный лоб, заставляя частенько встряхивать головой. Мягкое красивое лицо и особенно светлая улыбка годились бы скорее для девушки, чем для парня с револьвером за поясом. Одет он был так же, как Следопыт, обут в опорки на босу ногу.

Следопыт, не торопясь, вытащил из-за голенища, видимо, отцовского сапога длинную резиновую кишку с трубкой на конце.

— Для начала выкурим трубку мира, брат Овод, — важно сказал он, набивая трубку чем-то вроде табака.

Овод молча кивнул головой.

Следопыт закурил. Выпустил первый клуб дыма и так закашлялся, что на глазах выступили слезы:

— Тыфу ты, пакость какая! Аж в нос шибануло!

— Ничего не поделаешь, — отозвался Овод, — таков порядок в Совете вождей. Твое слово, брат Следопыт...

Следопыт вытер глаза рукавом рубахи и начал:

— Слушай, брат Овод. Одиннадцать лун тому назад Черный Шакал вырыл томагавк войны, а проклятая Голубая Лисица разоряет наши родные вигвамы и села. Бледнолицые собаки не щадят ни жен, ни детей наших и даже стариков предают лютой смерти у столба пыток. Не пора ли и нам взяться за томагавки? Или мы трусливые бабы, что сидим дома у костров мира? Смерть бледнолицым собакам!

Оратор грозно потряс кулаком в воздухе и передал конец кишки своему приятелю. Тот в свою очередь глотнул дыма и тоже закашлялся.

— Голубая Лисица замучила нашего брата Федю у столба пыток, — сказал он. — Мы должны разыскать ее хоть на

дне моря, заковать в железные цепи и отправить на суд Великого Вождя краснокожих...

— Ой, нет, сначала мы всыпем ему пятьдесят горячих, а потом уж и в цепи, — перебил Следопыт. — Я обещал батьке...

— Можно и так, — согласился Овод. — Значит, завтра в поход?..

— Урра-а, в поход! — подхватил Следопыт и, совсем как мальчишка, перевернулся через голову, ударив каблучками опорок по костру.

Сноп золотых искр взвился к небу, осветив на мгновение и дуб, и полянку, и юных вояк. А затем тьма еще гуще, и ночь чернее.

Так неожиданно закончился Совет вождей... Однако пусть читатель не думает, что все это лишь простая игра юных фантазеров «в индейцев» или еще что-нибудь в таком же роде. Не всякому понятное решение Совета вождей явилось началом таких дел и приключений, что они составят все содержание нашей повести. А впрочем, вернемся немного назад и расскажем, как наши герои задумали свой «поход» и что это был за трюк с красными масками...

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА

Отец наших героев Иван Недоля жил в селе Яблонном на Украине. Все его имение состояло из старой хатенки, покосившейся набок, да худой сивой кобылы. Зимой он ходил на заработки, а летом ковырялся на своем жалком клочке земли и батрачил у деревенских кулаков. В 1914 году он вместе со старшим сыном Федором ушел на войну бить немца. Домой Иван вернулся уже после Октябрьской революции. Он пришел на село в рваной шинели, заметно прихрамывая на левую ногу, но с винтовкой в руках. На его широченной груди сияли два «Егория», а за пазухой лежала пачка большевистских газет и первый декрет Совет-

ской власти о земле и мире. С этого дня Иван стал самым горячим большевистским агитатором на селе.

— Земля — народу! — кричал он на сельских сходках, потрясая винтовкой. — Хлеб — Красной Армии! Смерть белякам и буржуям!..

В разгар гражданской войны на Украине он организовал Комитет незаможных селян¹ и крепко взял в переделку кулаков-мироедов.

Федор попал во флот.

Семья Ивана — жена и двое ребят-близнецов — по-прежнему уютлась в кособокой хатенке. Ребята — Дуняша и Мишка — старались быть похожими на отца и на свой лад помогали ему в борьбе за власть Советов. Гражданская война от старого до малого разбила село на два враждебных лагеря: на кулаков и бедняков, на красных и белых, за Советскую власть и против нее.

Дети бедноты и кулачества тоже разделились на две партии и отчаянно воевали между собою, шли «стенка на стенку».

Мишка и Дуняша чуть не каждый день возвращались домой, покрытые синяками.

Старушка-мать плакала. Отец посмеивался:

— Так-так, хлопцы, значит, вам опять всыпали?

— Всыпали своими боками, — хмуро отвечал Мишка. — Мы им тоже наклюкали, дай боже...

— А кто ж это вас разукрасил так?

— Кулачье разное да Митька Косой — попов сын.

— А вы что? Пятки казали?..

Мишка вспыхивал от обиды:

— Ну, это ты брось, батька, я им такие фонари наставил.

— И я тоже, — подхватывала Дуняша, показывая отцу рваную кофточку, — мы вместе бьем их...

— За что ж вы воюете, хлопцы мои? — продолжал допрашивать отец, делая серьезное лицо.

— А они нас красными дьяволятами обзывают. Ну, мы и... того, в кулаки их...

— А потом они Советскую власть ругают и тебя тоже...

Отец был доволен:

— Молодцы, ребята! За Советскую власть биться надо. И красные дьяво-

¹ Комитет деревенской бедноты.

лята — хорошая кличка, лишь бы не белые...

Мать горестно всплескивала руками:

— Что ж ты делаешь, старый, дети в крови приходят, а он еще нахваливает!

Но «дети» давно уже решили воевать за Советскую власть по-настоящему, с оружием в руках, как взрослые. Под руководством отца они изучали военный строй, ружейные приемы, стрельбу из винтовки и револьвера. К великому удовольствию Ивана, в стрельбе Мишка скоро превзошел своего отца. Из револьвера на десять шагов он попадал в яблоко, а из винтовки почти не знал промаха. Неплохо «рубал» он и старенькой шашкой, одним махом срезая голову «белогвардейцу», слепленному из глины. Но из всех военных дел Мишке больше всего нравилась разведка. Всерьез готовясь к этому делу, он исползал на животе все окрестности села, порвал все свои штаны и рубашки, по голым стволам лазил на вершины самых высоких сосен, часами сидел там, «выслеживая врага» и корректируя воображаемый огонь Красной Армии.

Дерзко поправ обычай своего пола, Дуняша мало в чем уступала своему брату и была с ним неразлучна, как тень.

Ребята помогали и матери по хозяйству: ходили в лес за дровами и хворостом, таскали воду с реки, обрабатывали огород, чистили картошку... Впрочем, кроме картошки, у Недоли ничего и не было. Хлеб пополам с мякиной и лебедой они получали из сельсовета по восьмушке на человека да изредка по фунту муки через Комитет незаможных селян. Однако ребята не унывали. Они свято верили в светлое будущее трудящихся, в окончательную победу Советской власти и всей душой любили Владимира Ильича Ленина, о котором так много рассказывали им отец и брат Федор. Ленин представлялся им, как добрый отец всего трудового народа, как великий вождь и чудо-богатырь земли русской. Недаром между собою они называли его Великим Вождем краснокожих воинов...

У брата и сестры были две страсти: война и книги. Читали они запоем и все, что подвертывалось под руку. Но больше всего любили книги о боевых подвигах и приключениях, о путешествиях за моря и океаны, о героической борьбе краснокожих индейцев Америки с «бледнолицыми собаками» — европейскими завоевателями за свою свободу и независимость.

Любимыми героями Мишки были «последний из могикан» — Ункас и старый охотник — Следопыт. А так как Следопыт был замечательным разведчиком, Мишка присвоил себе и его кличку.

Дуняша долго не могла найти для себя подходящего имени. Но однажды сельский учитель, охотно снабжавший их книгами, подарил Дуняше чудесный роман Войнич «Овод». Ребята прочитали его залпом и были потрясены необыкновенным мужеством и самоотверженностью Овода в борьбе за освобождение Италии от иноземцев-поработителей. На истрепанные страницы, где описывалась трагическая смерть Овода, не раз падали горькие слезы Дуняши, а Мишка отворачивался в сторону, подозрительно посяпывая носом. Как настоящий мужчина, он старался скрывать свою слабость. Чтение этой книги закончилось тем, что Дуняша дала Мишке клятву быть такой же самоотверженной, как Овод, и так же, как он, мужественно встретить смерть, если придется погибнуть в борьбе за власть Советов, за свободу. Мишка торжественно одобрил клятву сестры и тут же назвал ее Оводом.

В сознании ребят современные события и герои гражданской войны так причудливо переплетались с книжными образами, что они уже и сами не знали, где кончается чудесная сказка и вымысел, а где начинается подлинная суровая жизнь. В разговорах между собою они создали даже свой особый язык, заимствованный

у индейцев Фенимора Купера и Майн Рида, понятный только им одним. Красноармейцев они называли краснокожими воинами, белых контрреволюционеров бледнолицыми собаками. Белогвардейский генерал Врангель получил кличку Черного Шакала, бандита Махно окрестили именем злого и коварного апаха — Голубой Лисицей. Знаменитый командарм Первой Конной армии Буденный носил у них имя храброго предводителя одного из индейских племен — Красного Оленя и т. п. А Ленина, как мы уже говорили, иначе и не называли, как Великий Вождь краснокожих воинов: в их представлении это была высшая степень любви и уважения.

Время шло. Гражданская война разгоралась. Ребята продолжали готовиться к боевым делам и уже стали осаждать своего батьку просьбами отпустить их добровольцами в армию краснокожих воинов. Разумеется, они пойдут под начало только самого Красного Оленя, то есть Буденного. В то время слава Первой Конной уже гремела по всей России, заражая сердца молодежи жаждой подвига.

Отец одобрительно посмеивался, но все же советовал ребятам подрасти еще немного, а потом уж...

Дуняша и Мишка ждали этого дня с величайшим нетерпением. Но тут случилось событие, сразу опрокинувшее все их надежды и планы. С фронта неожиданно прибыл старший брат матрос Федор. Он явился на пару недель для заготовок хлеба для Красной Армии. Отец, как председатель Комитета незаможных селян, пришел ему на помощь и при содействии бедноты стал выкачивать у богатеев-кулаков припрятанный хлеб. И вот в тот день, когда продотряд выехал в соседнюю деревню и в Яблонном не осталось вооруженных сил, в село ворвалась уже известная читателю банда и учинила кровавый

разгром. Это была одна из шаек самого злого врага Советской власти — батьки Махно. Тогда они увезли раненого Федора в лес и замучили насмерть.

Получив тяжелую рану в спину, отец наших героев все же оправился и через два месяца встал на ноги. Его хатенка сгорела. Иван Недоля устроил свою семью у знакомого рабочего в городе Екатеринославе, а сам решил уйти к красным партизанам.

Прощаясь с Мишкой, отец сказал:

— Вот что, сынок, если я сам не встечу и не убью Махно, то постарайся разыскать его хоть ты и всыпь ему таких горячих, чтобы он вовек не забыл нашей деревни...

Неизвестно, шутил ли отец, или говорил всерьез, но Мишка гневно блеснул серыми глазами и сурово ответил:

— Не бойся, батька, это ему даром не пройдет. Я найду его хоть на дне моря! Скажи только, сколько ему всыпать?

Отец невольно улыбнулся:

— Да влепи хоть полсотни, и то будет добре.

— И я с Мишкой пойду! — вмешалась Дуняша, бросаясь на шею отцу. — Махно замучил нашего Федю.

Напоминание о смерти сына передернуло старика. Он расцеловал детей и плачущую жену, смахнул с ресницы тяжелую мужицкую слезу и быстро вышел вон, прихватив винтовку.

С тех пор отец, как в воду канул, ни слуху ни духу. Все думали, что он погиб. Только жена не хотела верить и ждала его домой изо дня в день, полная тоски и горя.

По уходе отца ребята решили, что они уже достаточно выросли и вполне готовы для боевых дел (а как же, ведь им уже перевалило за пятнадцать лет!). Одна беда — у них не было оружия. Винтовку и револьвер забрал отец, а старенькая шашка в расчет не принималась. «Не оружие, а бабье веретено», — уверял Мишка. Как же быть? После долгих споров и обсуждений ребята решили отобрать оружие у какого-нибудь кулака или бандита, а потом двинуться в поход. Как и чем закончилась эта попытка, читатель уже знает из предыдущей главы.

Костер на полянке догорал. Ребята сидели под дубом, обсуждая разные детали предстоящей военной кампании.

В первую очередь они решили пробраться в лагерь Красного Оленя — Буденного, недельку — другую повоевать там с бледнолицыми собаками, поработать для практики разведчиками, а потом уж направиться на поиски проклятой Голубой Лисицы, то есть Махно, и разделаться с ней по-своему.

Как видно, ребята затеяли нешуточное дело. Они свято верили, что все пойдет как по маслу и врагам революции не сдобровать! Жаль только, что им не удалось достать пару хороших маузеров, с которыми, по их мнению, можно было победить весь мир: шутка ли — двенадцать пуль в одной обойме! Да вот нехорошо еще, что старуха-мать останется дома. Захиреет с горя.

— Тяжело будет нашей матке-то, — грустно заметил Овод, вытирая полой рубахи заплаканные глаза, — не выдержит она голодухи, зачахнет без нас...

— Не зачахнет, — сурово возразил Следопыт, чувствуя, что и сам вот-вот разрешится. — Экая ты беспонятливая, война-то ведь не кухня, не с горшками драться. Солдаты всегда уходят, а матери остаются...

— Да я что ж, я ничего... Я говорю только, что тяжело будет старухе, — оправдывался Овод, стараясь приободриться.

— Значит, завтра чем свет в поход?

— Уже сегодня, вишь, светает.

— Руку, товарищ!..

Ребята крепко обнялись. А затем дали клятвенное обещание всегда быть вместе, не оставлять друг друга в беде и биться за власть Советов не на жизнь, а на смерть.

Сидя плечом к плечу и продолжая мечтать о будущих подвигах и приключениях на красном фронте, они незаметно задремали.

Костер давно погас...

Ночная тьма поднялась к небу, черные тучи рассеялись, и огненные мечи восходящего солнца торжественно возвестили спящему миру: «Пора вставать, идет утро!..»

У КРАСНОГО ОЛЕНЯ

На берегу извилистой речонки, по оврагам и деревушкам, раскинулся лагерь Конной армии Буденного. После многодневного утомительного марша бойцы и кони отдыхали. Впрочем, этот отдых был

вынужденным: на пути конницы встретились сильные части белогвардейской пехоты, окопавшейся вдоль опушки леса с артиллерией и пулеметами.

Штаб армии расположился в крестьянской хате на окраине села. На крыльце стояли два буденовца с винтовками — это охрана. В штаб то и дело пробегали ординарцы с донесениями или с приказами, выскивали обратно, садились на коней и неслись прочь.

В хате за большим столом, склонившись над полевой картой, сидели сам Буденный и могучий седовласый казак с пышными и длинными усами, похожий на гоголевского Тараса Бульбу.

— Так вы говорите, полковник, что фланг противника — самое слабое место? — спросил Буденный, скосив глаза на старого казака.

— Эге ж, — коротко ответил тот, тряхнув чубом, — ось тут такая низина, по которой можно ударить в конном строю. — Он ткнул пальцем в отметку на карте.

Буденный усмехнулся:

— А вот здесь на холмике стоят «максимки» и могут порезать твоих коней, как коса траву.

Полковник почесал в затылке:

— Ось тут?.. Могут поризать... Як же будэ?

— Ударим в лоб, — решил Буденный, — вот по этой долине.

Полковник удивился:

— В лоб? Ни, так невозможно.

— В лоб! — повторил Буденный, вставая. — Это слишком дерзко, зато неожиданно для врага. А для конницы внезапный удар — половина победы. Ваш полк махнет первым перед рассветом. Еще раз пошлите разведку...

— В лоб — так в лоб, — спокойно согласился полковник и, вынув из-за голенища сапога коротенькую трубку, стал набивать ее махоркой.

В дверь кто-то постучал.

— Войдите! — крикнул Буденный.

Дверь распахнулась, и бравый казак, взяв под козырек, вытянулся в струнку у входа.

— Ты что, Гарбузенко?

— Шпиёнов привели, товарищ командующий.

— Шпионов? Вот кстати. Где ж вы их схватили? — живо спросил Буденный.

— В лесу, около речки.

— А почему вы думаете, что это шпионы?

— Та воны дуже подозрительны: кажут, шукалы Буденного, и такое балакають, що не дай боже. Мабудь, воны пьяны, чи що, — отвечал, переходя на украинский язык, красноармеец.

— Вы обыскали их?

— А то як же!

— Что ж нашли?

— Та во книжку, та наган.

— Хорошо, давайте их сюда.

— Слухаю! — Буденец повернулся на каблуках и, приоткрыв дверь, позвал: — Гей, Петро, тягни их до командира.

В палатку, подталкиваемые сзади, вкатились два старичка с длинными бородами, неопределенного цвета. Один походил на Деда Мороза, слепленного детскими руками: низенький, квадратный, с всклокоченной бородой, немного съехавшей набок; второй был тощий и прямой, как палка. Старички подошли к столу и с любопытством стали оглядывать палатку.

На столе рядом с картой лежал маузер.

При виде оружия квадратный старичок живо толкнул в бок тощего, шепнув вполголоса:

— Гляди-ка, маузер!

— Маузер, — тоже шепотом ответил тот, сделав еще шаг к столу.

Полковник, зорко следивший за каждым движением, быстро схватил маузер и чему-то ухмыльнулся.

Окинув старичков пытливым взглядом, Буденный оперся подбородком на эфес своей сабли и сухо спросил:

— Вы откуда, старики, пожаловали в наши края?

— Мы-то? — переспросил квадратный старичок, оправляя бороденку. — А кому какое дело? Мы ж не таки дурни, чтобы всякому болтать, как и что.

Буденный изумленно вскинул брови:

— Вот это номер! Вас же арестовали около самого штаба!..

— А ну что ж, — отрезал старичок, — мы пробирались к Красному Оленю, а нас и цапнули эти чудаки!..

— Что за вздор, какой олень?

— Красный!..

Тощий старичок дернул квадратного за рукав и на ухо шепнул:

— Они же не знают!..

— И верно! — спохватился квадратный. — Мы, значит, к Буденному шли и вот влопались.

— Ну, так говорите, что вам нужно от него. Я и есть Буденный.

Старички ахнули в один голос:

— Сам Буденный?!

— А ведь похож! Ей-богу он! — обрадовался квадратный, подталкивая вперед тощего. — Ну, валяй, рассказывай, брат Овод, а то я опять накричу что-нибудь.

Тощий старичок подвинулся ближе к Буденному:

— Вы на нас не сердитесь, товарищ Буденный. Мы, вот я и мой братень Следопыт, то есть Мишка, из села Яблонного, а батька наш Иван Недоля ушел в партизаны, брата Федора замучили бандиты Голубой Лисицы, значит Махно, а мы с Мишкой решили вступить добровольцами к вам...

— В ряды краснокожих воинов, — вставил квадратный старичок.

— Не перебивай, пожалуйста, — отмахнулся тощий и продолжал.

— Под вашей командой мы хотим немного попрактиковаться в военных делах...

— Побить бледнолицых собак, — опять не утерпел квадратный, — а потом разыщем проклятую Голубую Лисицу и всыпем ей полсотни горячих. Пусть знает, гадюка, как села жечь! Во!..

— Вы что-нибудь понимаете здесь, полковник? — сердито спросил Буденный. — Красный Олень, бледнолицые собаки, Голубая Лисица... Что за тарабарщина такая?..

Овод хотел уже разъяснить, в чем дело, но тут старый буденовец подошел к старичкам и, вдруг схватив их за бороды, дернул вниз:

— Бачтэ, яка кумидия!

И перед изумленными взорами красных конников и Буденного во всей красе предстали наши герои — Следопыт и Овод. Все прыснуло от смеха, а за ними рассмеялись и ребята.

— Это еще что за фокусы?! — крикнул Буденный.

Ребята сразу притихли, не совсем понимая, почему сердится Красный Олень, когда все получилось так великолепно.

— Никакого тут фокуса нет, — робко возразил Овод, — мы это для отвода глаз прицепили и вот явились к вам...

— А на что вы мне нужны? — отрезал Буденный. — У вас еще молоко на губах не обсохло, а вы воевать задумали.

— Как, на что? — удивился Следопыт, выступая вперед. — А кто вам Голубую Лисицу поймают?..

— И потом, иметь такого разведчика, как Следопыт, вовсе не худо, — поддер-

жал Овод. — Он может проползти на пузе хоть двадцать верст, а шашкой рубает не хуже любого казака.

Мишка сердито фыркнул и задрал голову вверх.

Буденный не выдержал тона:

— Вот забавные хлопцы! Куда ж мы их денем, полковник?

— Принять на службу и отдать под мою команду, — невозмутимо посоветовал старый вояка, — а я их прошупаю.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — согласился Буденный, — только проверь сначала, что это за сорванцы такие.

— Слухаю! Гайда за мной, хлопцы!

— А где ж наше оружие? — спросил Мишка. — Мы его с бою взяли...

— Возвратить! — коротко бросил Буденный, снова наклонясь над картой.

По-военному отдав честь Буденному, ребята вышли вслед за полковником.

Ю-Ю

Был уже вечер, и на голубом небе одна за другой выплывали звезды.

Ребята шли по деревне, полные радости и надежд, — они станут буденовцами! Мишка старался идти в ногу с полковником, который молча посмеивался, наблюдая за юнцами. Мимо них то и дело проносились верховые. Во дворах ржали и фыркали кони. Порой слышался лягз штыка или шашки, окрики патрульных, лихая песня. Там и сям горели костры, вокруг которых сидели на корточках воины в ожидании ужина. Лагерь глухо рокотал и гудел, словно улей гигантских пчел.

По пути ребята увидели несколько хат, снесенных до основания артиллерийским огнем. Только черные остовы труб и печей зловеще торчали среди кучи развалин, производя жуткое впечатление.

У наших героев невольно сжались сердца: вот она где, настоящая-то война! Вот они настоящие красные бойцы и тот самый фронт, куда тянуло их с такой неодолимой силой!

Пройдя развалины, Мишка и Дуняша увидели кучку деревенских ребят. Они шумели и над кем-то громко смеялись. Центром внимания оказался молодой китаец с буденовкой на голове, который старался выбраться из толпы.

— Ходя! Ходя! Косолапый, ходя! — кричали озорники, дергая его за полу длинной шинели. А когда китаец поворачивался, чтобы схватить обидчика, они с

хотом отскакивали прочь. Желтое лицо китайца посерело от гнева. Он яростно метался в куче озорников.

Овод возмущился издевательством над китайцем и тотчас шепнул что-то на ухо Мишке.

— Есть, дать взбучку! — ответил Мишка. И не успел полковник сообразить, в чем дело, как наши приятели с криком «ура» врзались в толпу ребят, раздавая удары направо и налево. От быстроты и неожиданности натиска толпа в испуге разлетелась в разные стороны.

Опрокинув двух-трех озорников, Мишка и Овод подбежали к китайцу и в воинственной позе стали по бокам:

— Прочь, бледнолицые собаки! — крикнул Мишка, выхватывая револьвер. — Не будь я Следопыт, если не влеплю кому-нибудь пулю в лоб! А ну, подходи, кто желает!..

Желающих не оказалось...

— Молодцы, хлопцы! — смеясь, похвалил старый казак. — Быть вам буденовцами! Ведь это кулацкое отродье напало на Ю-ю.

— Рады стараться, товарищ полковник! — по-военному гаркнули ребята.

Прижимая руки к груди, китаец низко кланялся своим заступникам и почтительно лопотал:

— Спасибо, капитана!.. Караша, капитана, моя твоя товалиса!

Он схватил руку Мишки и крепко встряхнул ее в знак дружбы и преданности. Потом резко обернулся вслед убегающим озорникам и, гневно сверкнув черными глазами, погрозил кулаком:

— Твоя шайтан! Моя твоя бить будет!

— Как тебя звать, товарищ? — спросил Овод, в свою очередь пожимая руку китайцу.

— Моя звать Ю-ю, товалиса, Ю-ю...

Из разговора с полковником выяснилось, что Ю-ю давно уже находился в армии Буденного, исполняя различные поручения штаба полка, а иногда бывая и в разведке. До прихода в армию он работал в китайской прачечной в Москве, потом был акробатом в цирке и даже уличным фокусником при старом шарманщике. Гражданская война пробудила в нем страстное желание покинуть свою неблагодарную работу и броситься в огонь кровавых событий. Он смутно понимал, что борьба русских крестьян и рабочих за Советскую власть есть дело всех

угнетенных, и стихийно потянулся к красным, под знамена свободы и революции.

По просьбе наших ребят, полковник согласился устроить их всех вместе и взять под свое особое покровительство. Задорные юнцы сразу полюбили суровому воину, известному среди буденовцев под кличкой Деда. Особенно понравился ему Овод, поразительно похожий на его красавца сына, сложившего голову в борьбе с белобандитами.

Все направились к хате, занимаемой полковником.

— Следуй за нами! — приказал Мишка Ю-ю. — Теперь ты будешь моим оруженосцем.

— Слюхай, капитана! — охотно отозвался Ю-ю, взяв под козырек.

Вскоре все четверо уже сидели за большим столом в хате полковника.

— Ну-с, хлопцы, что ж мы будем делать? — начал полковник, попыхивая трубкой и оглядывая своих гостей.

— Воевать! — решительно отрезал Мишка. — А пока не худо бы поесть досыта...

— Мы уже пять дней одними сухарями пробавлялись, — подтвердил и Овод, стараясь смягчить слишком прямой подход Мишки.

— Добре, хлопцы, добре, можно и поспидать.

И на столе вскоре появился незатейливый солдатский ужин, который голодные ребята мигом уничтожили.

На первый случай судьба им улыбнулась, и все устраивалось так, как мечталось. Было решено, что некоторое время они «попрактикуются» в военном деле, поучатся у опытных красноармейцев, как держать себя в бою, как ходить в разведку, ухаживать за конями и прочее.

На другой день ребятам уже выдали старенькое военное обмундирование и короткие драгунские винтовки. Правда, все это было немножко великовато и смешно топорщилось во все стороны, но юнцы сразу почувствовали себя настоящими боевыми буденовцами, готовыми идти в огонь и в воду. Теперь они были уверены, что обещание, данное отцу, будет скоро выполнено.

Оглядев себя в боевом наряде, Мишка уверенно сказал Оводу:

— Теперь берегись, Голубая Лисица, душу вытрясем! Во!..

— Не говори «гоп», пока не перескочишь! — охладил пыл Мишки более благоразумный Овод. Однако и он не мог предвидеть, что ждет их на пути к заветной цели.

Так началась боевая жизнь юных фантозеров.

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

В суровой, полной опасностей и лишений обстановке время летело незаметно. Прошла неприятная, мокрая, с непролазной грязью осень 1919 года. Прошла и страшная зима, с ее лютыми морозами и почти непрерывными боями против многочисленных полчищ белых, наседавших со всех сторон, проникших до Орла и Воронежа. Это были самые критические дни гражданской войны, когда Конная армия под командованием бывшего унтер-офицера самоучки Буденного и политическим руководством луганского рабочего Ворошилова разгромила два корпуса белых генералов Мамонтова и Шкуро, шесть лучших конных донских и кубанских корпусов генерала Павлова, очистила от белых весь Дон, Кубань, Северный Кавказ, проделала действительно легендарный тысячеверстный переход до Киева, захваченного белополяками, а по пути беспощадно уничтожала бандитские шайки Махно и других «батьков».

Невозможно описать все героические

подвиги Конной армии в эти памятные дни, и нельзя представить себе те бедствия и трудности, которые пришлось ей пережить и преодолеть. Это не столько битвы с врагами, сколько голод и жуткие морозы, паразиты и болезни, невылазная грязь и бездорожье.

Все это видели и наши юные герои. Правда, они заметно похудели и заглубились их лица, руки стали корявыми и жесткими, как лошадиные копыта, но зато они закалились телом и духом, окрепли, возмужали. Теперь они поняли, что война — это не только славные подвиги, но и бесконечно трудное и страшное дело, требующее много сил, ума, железной стойкости и самоотверженной любви к своей Родине. За эти дни все трое не раз участвовали в боях, ходили в разведку с опытными буденовцами, научились прекрасно владеть конями и ухаживать за ними. Их боевые успехи, выносливость и отвага поражали даже старых вояк. А полковник души в них не чаял и всякий раз, когда начинались бои, дрожал за жизнь ребят, словно это были его собственные дети.

Теперь Конная армия проходила по украинской земле, где бесчинствовали банды Махно, и в голове Мишки снова вспыхнула надежда разыскать и поймать Голубую Лисицу. Но перед тем, как отправиться на опасные поиски, ребята решили добиться от полковника самостоятельного поручения, на котором можно было бы проверить свои силы и способности, как разведчиков. Дед долго упирался, но наконец уступил и обещал при первом же случае удовлетворить их желание. Такой «случай» не заставил себя долго ждать.

Однажды полк Деда получил приказ выбить противника из небольшого леса на левом фланге Конной армии. Перед наступлением надо было основательно прошупать позиции белых глубокой разведкой, чтобы нанести удар в наиболее уязвимое место. И вот одновременно с группой опытных разведчиков полковник, скрепя сердце, решил отправить в самостоятельную разведку и нашу тройку.

— Только смотрите, хлопцы, зря не храбритесь, — напутствовал их Дед, — ходите так, чтобы вас даже заяц не слышал. Разнюхайте, где там у них пушки стоят, где пулеметы, да подсчитайте их, а мимоходом гляньте, не прячется ли где белая конница, и живо назад..

Получив боевое задание, друзья по установившемуся обычаю немножко поспорили, как его лучше выполнить. В качестве Следопыта Мишка естественно принял командование первой самостоятельной разведкой, тем более, что он обладал каким-то особенным нюхом и удивительной способностью быстро ориентироваться в обстановке и применяться к местности.

За час до рассвета, в сопровождении неутомимого и преданного Ю-ю, друзья отправились в путь, вооруженные с головы до ног. Кроме винтовок и револьверов, каждый имел по несколько ручных гранат.

Все живое спало крепким предутренним сном. Даже хищные ночные птицы редко нарушали таинственный покой природы, беззвучно пролетая над головами путников и мгновенно исчезая во мраке. Густой туман, словно седые космы старой ведьмы, тянулся по сырой земле и кустарникам, мутной пеленой заволакивал лес, скрывал овраги и рытвины, превращал все вокруг в клубящуюся пустыню, полную загадок и страха. За каждым кустом, в каждой яме и рытвине, казалось, притаился кто-то враждебный, подстерегающий красных разведчиков. Но Следопыт отважно шагал впереди с наганом наготове. Не отставая ни на шаг, за ним шел Овод, а сзади с «карабаем» в руках Скользил, как тень, Ю-ю. Его пояс был весь увешан гранатами.

В таком порядке безо всяких приключений ребята прошли последние караулы и посты нашего расположения и вскоре оказались между двумя неприятельскими армиями.

Пройдя таким же смелым, уверенным шагом еще с полверсты, Мишка вдруг остановился. Овод тотчас ткнулся носом в его затылок, а Ю-ю налетел на Овода.

— Тихо! — приказал Мишка. — Садись!

Ю-ю и Овод тотчас опустили на сырую траву.

Мишка осмотрелся по сторонам, проверил направление и стал искать ориентир, по которому можно было бы двигаться дальше без риска заплутаться.

Вокруг простиралась голая степь, где пересеченная оврагами. Вдали виднелся какой-то темный холм, за ним тянулась полоса леса. Мишка решил идти прямо на этот холм, а оттуда наметить новый ориентир:

— Ложись и следуй за мной! — шепотом скомандовал Мишка.

Все трое припekli к земле и беззвучно, как настоящие пластуны, поползли друг за другом в прежнем порядке.

Время от времени Мишка останавливался, приподнимал голову и острым взглядом озираал окрестности. Видимо, подражая своему герою Следопыту, изредка он падал на траву и, приложив ухо к земле, чутко ловил все звуки и шорохи, стараясь угадать их источник.

Овод в точности копировал Мишку, а Ю-ю просто ложился на живот и терпеливо ждал дальнейшей команды. Он полагал, что его дело — точно и быстро исполнять приказания, а об остальном должен заботиться его бесстрашный «капитан», в таланты которого он верил свято и нерушимо.

Но все было тихо и сумрачно.

Таинственный холм, до которого добрались, наконец, разведчики, оказался большой купой деревьев и кустарника. Дальше чуть виднелся лес, а перед ним предполагалась первая линия обороны противника.

— Передохнем, — тихо скомандовал Мишка, скользнув, как ящерица, в кустарник.

Так же бесшумно за ним прошмыгнули остальные.

Осторожный Мишка тщательно обследовал ближайшие кусты и, наткнувшись на большую яму, решил расположиться в ней.

Разведчики еще не успели занять «позиции», как Мишка, чуть слышно шикнув, припал ухом к земле.

Все притаились в яме, с замиранием сердца ловя звуки. Однако ни Ю-ю, ни Овод не слышали ничего подозрительного. С легким шумом перелетали с ветки на ветку певчие птицы. Где-то далеко трещал коростель, из глубины леса доносилось страстное воркование горлинки.

Через минуту Мишка поднял голову:

— Нишкни, ребята! Я слышу какой-то подозрительный шорох, — он указал в сторону леса, — а потом что-то стукнуло, будто железка о железку задела. На всякий случай приготовьтесь к делу.

Овод и Ю-ю расположились справа и слева от своего командира, положив карабины на край ямы и приготовив гранаты.

Мишка неподвижно лежал на животе, всматриваясь в гущу тумана. Вдруг он проворно схватил карабин и снова скомандовал:

— Готовься к бою! Без команды не стрелять!

Овод прильнул щекой к холодному ложу. Ю-ю, как Будда, сидевший на дне ямы, невозмутимо положил руку на затвор своего «карабая». Ни один мускул не дрогнул на его желтом, словно вылепленном из терракоты, лице. Только в щелках глаз блеснул опасный огонек.

Непонятный шорох приближался к яме. У притаившихся ребят пробегал по коже неприятный холодок, жутью сжималось сердце.

Что бы это значило?

Но вот справа от ямы в трех-четырех шагах от ребят вынырнула из тумана серая фигура солдата с винтовкой в руке. Стараясь не шуметь, солдат быстро полз на животе. За ним тускло блеснул штык, другой, третий...

Разведчики не успели еще сообразить, в чём дело, как все исчезло в тумане, словно это были призраки. И опять стало тихо.

— Как это понимать? — прошептал Овод на ухо Следопыту.

— Очень просто, — зло ответил Мишка, — мы опоздали с наступлением. Бледнолицые собаки предупредили нас. Это прошла первая цепь. Вот так влипли в историю!

Следопыт в затруднении почесал затылок.

Когда создавалось запутанное положение, Овод обычно находился скорее и нередко выручал из беды. Так случилось и на этот раз.

— Вот что, брат Следопыт, — тихо сказал он, — во что бы то ни стало мы должны предупредить наших, предупредить сию же минуту, иначе наш полк разгромят бледнолицые собаки.

Следопыт сердито фыркнул:

— Это и я знаю. Но как предупредить — вот вопрос? Впереди идет цепь, за ней ползет другая, а потом...

— А вот как, — возразил Овод, — я и Ю-ю останемся здесь и, как только вторая цепь пройдет мимо нас, ударим вслед огнем из карабинов и пуганем гранатами... И тут начнется такой тарарам...

— Ну, а дальше что? — нетерпеливо перебил Следопыт.

— Дальше ты сию же секунду поползешь за первой цепью, во время паники проскользнешь к нашим и...

— Есть! — отрезал Следопыт, хватая карабин. — Принимай команду, Овод, и действуй...

И он мгновенно исчез вслед за цепью неприятельских солдат.

Ю-ю хотя и плохо понял, о чем гово-

рили его друзья, но сохранял полное спокойствие, ожидая приказаний нового начальника.

Вскоре с обеих сторон ямы появилась вторая цепь белых.

Овод приказал Ю-ю открыть огонь по левому флангу, а сам ударил по правому.

— Трах-тах-тах!— внезапно прокатился залп из двух карабинов, сразу разорвав тишину и как бы пробудив спящую землю.

— Бах! Б-бах!..

Несколько беляков справа и слева с воем завертели на земле. Вторая цепь, не ожидавшая нападения сзади, в ужасе заметалась в разные стороны, не понимая, кто и откуда стреляет.

Беглым огнем, выпустив по обойме, Овод и Ю-ю засыпали бегущих солдат гранатами.

Услышав пальбу и взрывы позади себя, первая цепь сразу остановилась. Солдаты решили, что обойдены красными с тыла, в панике повернули назад и открыли беспорядочный огонь по второй цепи белых. Те начали отстреливаться, отходить обратно к лесу.

Началась невообразимая паника. В густом тумане и люди и кони бестолково носились взад и вперед, стремительно сталкивались грудь с грудью, топтали и били друг друга, стреляли в упор белые в белых, катались по земле. Там и здесь злобно лязгали штыки, сверкали шашки, слышались предсмертные стоны и крики.

Овод и Ю-ю встречали гранатами бегущих беляков.

Через пару минут обе цепи прокатились обратно к лесу, сея панику в глубине неприятельского расположения.

Овод тотчас сообразил, что путь свободен, и дал знак Ю-ю прекратить пальбу и следовать за собой. Ребята бегом помчались в обратный путь.

Вскоре отряд буденовцев ураганом ударил на белых и окончательно смял их ряды. Потом с шашками наголо ринулась уже целая лава конников.

— Ура!— крикнул Овод.— Следопыт сделал свое дело...

— Караша, капитана!— одобрил и Ю-ю, высоко подбросив вверх свой карабин и ловко поймав его.

Вдали тяжело загромыхали пушки, затрещали пулеметы, и лес опоясался огнем, пылью и дымом.

Буденовцы заняли позиции противника, разбив два полка белых, захватив пленных и богатый обоз.

К полдню боевая тревога улеглась окончательно. Полк начал готовиться к дальнейшему походу. Наши друзья остались целы и невредимы. Только фуражка Следопыта оказалась простреленной в двух местах, да Ю-ю получил пулевую царапину в ногу, на что он плюнул самым пренебрежительным образом.

Старый полковник с восторгом и гордостью рассказал бойцам о первом подвиге юных разведчиков. Буденовцы тотчас разыскали ребят, с криками «ура» подня-

ли на руки и так лихо «качнули», что едва не вытрясли их внутренности.

Вечером ребят позвали в штаб.

Широко улыбаясь, их встретил сам Буденный и каждому в отдельности крепко пожал руку:

— Молодцы, казаки!— и, обращаясь к полковнику, спросил вполголоса:— Чем бы наградить этих орлят?

— А мы награды не требуем,— ответил за всех Овод, вытянув руки по швам,— мы за Советскую власть стараемся, товарищ командующий.

Полковник просиял:

— Бачтэ, яки мои хлопцы?

Похвалив ребят за преданность Советской власти, Буденный многозначительно заметил:

— Но, я полагаю, вы не откажетесь получить по маузеру?

— Вот это дело!— воскликнул Следопыт.— Какой же буденовец откажется от порядочного оружия!

Таким образом, давняя мечта юных вояк осуществилась: все трое получили по маузеру. Впрочем Ю-ю отказался, полагая, что лучше «карабая» оружия не бывает.

Указанные события еще выше подняли авторитет наших героев. Они стали получать задания все более важные и ответственные.

Однажды буденовцы заметили, что их любимая тройка куда-то скрылась. Проходили дни, а ребята все не появлялись. В разведку, что ли, ушли?..

На вопросы любопытных полковник только покачивал головой да хитро ухмылялся:

— Откуда мне знать?

Куда ж в самом деле пропали молодые разведчики?

Над этим вопросом многие ломали головы, но так и не могли разгадать тайну.

ШПИОН

Темной ночью по глухим лесным тропам и дорогам двигались черные фигуры вооруженных всадников. Лишь изредка фыркали боевые кони да поскрипывали на ухабах плохо подмазанные тачанки, нагруженные оружием и съестными припасами. Видимо, чего-то опасаясь, люди говорили и даже переругивались вполголоса, сердито шикали друг на друга.

Отряд остановился в глубине леса и быстро раскинулся лагерем на большой круглой поляне, примыкавшей к обрывистому оврагу.

Вокруг, словно на страже, стояли могучие дубы. Посредине поляны возникла холщовая палатка для командира. Всадники спешили и расположились прямо на земле, под кустами и деревьями. Костров не зажигали.

У входа в палатку стояли двое с шашкой наголо.

— Слышь, Перепечко,— полушепотом заговорил один, обращаясь к соседу,— сегодня наш батько зол, як черт.

— Будешь зол, коли половина войска зарублена красными, — отозвался Перепечко.

— Балакають, шо у нас измена появилась, або шпийн який.

— Мабудь, и так. Вони так швидко налетели, что сам батько еле ноги унис...

— Тс-с-с! Вот он идет!..

Мимо часовых с толстым портфелем в руке быстрыми семенящими шажками прошел маленький человек в черной мохнатой папаше, сдвинутой на лоб. Вслед за ним, согнувшись вдвое, полез в палатку длинноногий, как аист, бандит с цилиндром на голове.

Войдя в палатку, батька сердито швырнул портфель под ноги часового, стоявшего около черного знамени:

— Стеречь, как маму! Иначе — душа вон, и баста!

Часовой ловко подхватил портфель, сунул его в железный сундук и снова вытянулся у знамени с шашкой на плече.

Бандит в измятом цилиндре проворно сел за походный стол и тотчас вынул карандаш и толстую записную книжку:

— Я слушаю, батько, диктуйте...

— Пшел к чертям! — огрызнулся батька, шагая взад и вперед по палатке с плетью в руке. — Ты, скотина, мой адъютант, и не видишь, что у тебя делается под носом.

— А что у меня там делается, батько? — испуганно спросил «адъютант», шмыгнув пальцем по верхней губе.

— А то, что в нашем войске засел шпион, сто чертив твоему батьку!..

— Шпион?! — всполошился адъютант. — Быть того не может! У нас хлопцы все на подбор...

— Цыть, когда я говорю! — прикрикнул Махно, бросая на стол скомканную бумажку. — Накануне разгрома у меня пропала важная депеша, а на ее месте я нашел вот эту чепуху.

Адъютант проворно развернул бумажку и прочитал вполголоса: «Берегись, коварная Лисица! Твой лохматый скальп скоро украсит вигвам Великого Вождя краснокожих воинов. Мы тебе покажем, как села жечь, бандитская морда! За красных дьяволят — Следопыт».

— Что за дьявольщина такая! — развел руками адъютант. — Значит, за нами в самом деле кто-то следит и доносит красным о каждом движении. А ты уверен, батько, вон в том казачке, что охраняет нашу казну? — кивнув в сторону часового, прошептал адъютант на ухо атаману.

— Цыть, Голопуз! — оборвал его Махно. — Этот мальчишка — сын убитого красными старшины и предан нам, как собака....

— Молчу, молчу! — осекся Голопуз, захлопывая рот ладонью. — Я ж только соображаю...

Махно остановился посредине палатки и, по-наполеоновски сложив на груди руки, приказал:

— Пиши, адъютант!

Голопуз поспешно схватил карандаш.

— Слухаю, батько.

«Атаману Чернякову от батьки Махно братский привет, — начал диктовать злой атаман, ощупывая свои карманы. — Слухай, Черняк: живо собирай свое войско и ровно к пяти часам утра будь у Чертова дуба да хорошенько схвайся. Ударим сразу с двух сторон!..»

— Однако где ж его донесение? — оборвал вдруг себя Махно, продолжая обшаривать карманы... — Ах, вот оно! Ишь ты, забыл, куда засунул.

Махно выхватил из заднего кармана брюк маленькую бумажку и вдруг побледнел, в ужасе выкатив глаза.

— Эт-то что такое?.. Эт-то ж не то?!

Трясущимися руками он расправил бумажку и вполголоса прочитал: «Сегодня ночью атаман Черняк будет разбит красными. На днях получишь хорошую баню и ты, проклятая Лисица, не будь я — Следопыт»...

— Опять он — сатана бесхвостый! — неистово заорал взбешенный бандит. — Шкуру спуцу! Засеку насмерть, и баста!

И Махно так хватил плетью по столу, что Голопуз подскочил, как ужаленный, выронив из рук карандаш и тетрадку.

— Как попала ко мне в карман эта пакость?! Я вас научу охранять своего атамана, прохвосты! Вон, глиста поганая!..

Голопуз ринулся к выходу. Махно толкнул его ногой в спину и сам выскочил из палатки.

Когда палатка опустела, казачок осторожно шагнул к выходу и, чуть-чуть приподняв уголок полотнища, выглянул наружу.

Вокруг было спокойно. Часовые стояли на месте.

Двигаясь, как тень, казачок вернулся к знамени, проворно открыл железный сундук и, вынув портфель Махно, сунул его в свою сумку:

— Теперь пора тикать. Кажется, этот длинный журавль пронюхал, чем я пахну.

Схватив бумажку, казачок быстро набросал записку: «До скорого свиданья, грозный атаман. Как ни вертись, а от нас не уйдешь, грабитель. По поручению Следопыта — Овод-Мельниченко».

Заранее радуясь предстоящему бешенству бандита, Овод свернул записку треугольником и положил в железный сундук — пусть повеселится!

Костры давно уже погасли. Часовые сладко дремали. Весь лагерь спал крепким сном.

Бесшумно шагая между спящими бандитами, Овод благополучно пересек поляну и по узкой тропке направился в глубину леса. Здесь он без труда нашел тачанку атамана и, смело подойдя к караульному, сказал:

— Слушай, Сероштан, оседлай живее пару лучших коней, батька требует.

— Чего там седлать, — лениво отозвался казак, — два коня у нас всегда наготове, вон они под дубом стоят.

Бандит хорошо знал махновского казачка и, ничего не подозревая, неторопливо отвязал коней и передал их Оводу:

— Бери и тикай!

Овод мигом вскочил в седло, взял вто-

рого коня за повод и шагом поехал в сторону лагеря. Зная пароль, он без особого риска миновал последнюю стражу и вскоре исчез в лесной глуши...

Сероштан между тем возвратился к тачанке, раза два зевнул, позавидовал тем, кто спал, и предался воспоминаниям двухнедельной давности, когда в каком-то небольшом городишке местный фотограф, строгий старик с рыжей бородой, запечатлел на карточке его сероштановскую физиономию...

Но как Овод очутился в «казачках» у самого Махно, вот вопрос? К сожалению, сейчас уже нет времени для ответа. Оводу дорога каждая секунда. Его вот-вот могут хватить и, конечно, пошлют погоню...

Продолжение следует

ЯРОСЛАВ ГАШЕК НА УРАЛЕ

1

30 апреля 1958 года все прогрессивное человечество отмечало 75-летие со дня рождения выдающегося чешского писателя-сатирика Ярослава Гашека, автора романа «Похождения бравого солдата Швейка». В этот день в газете «Советская Башкирия» появилась небольшая заметка. Она называлась «Фронтвые друзья Ярослава Гашека». В ней старые уфимцы, типографские работники Иван Григорьевич Мурашов и Иван Яковлевич Агапитов, поделились своими воспоминаниями о совместной работе с Я. Гашеком в Башкирии во время гражданской войны в армейской типографии. Они также рассказали, что в Уфе писатель полюбил наладчицу типографии Шуру Львову, на которой впоследствии женился и уехал с ней в Чехословакию. «Из газеты «Советская Россия» от 11 июня 1957 года,— сообщали они,— мы с большим интересом узнали, что Александра Гавриловна и сейчас в добром здравии живет в Чехословакии».

Через несколько дней, ранним майским утром, когда работа еще только начиналась, в редакцию «Советской Башкирии» пришла старушка и, сильно волнуясь, сказала:

— Помогите мне найти мою сестру.

Этой просьбе никто не удивился. Ведь за последнее время многие нашли своих родственников с помощью газеты.

— Когда вы ее потеряли? Где?

Старушка неожиданно заплакала и, ни слова не говоря, подала номер газеты, где была напечатана заметка о Гашеке.

— Вот тут написано про мою сестру. Мне нужен ее адрес.

Через минуту все стало ясно. Татьяна Ивановна Зюзина, так звали пришедшую,— родная сестра А. Г. Львовой по матери. Вот уже почти сорок лет, то есть с того времени, как Шура уехала за границу, она не имела о ней никаких известий.

— Я уже считала ее давно погибшей. И вдруг... эта заметка.

В этот же день удалось выяснить адрес чехословацкого журналиста Зденека Штястного, который сообщал в советской печати о жене Гашека. В Прагу были отправлены два письма на его имя: от редакции и от Татьяны Ивановны.

Ответа долго ждать не пришлось. Зденек Штястный сообщал, что А. Г. Львова-Гашекова жива, хорошо помнит Уфу, своих родственников. В письмо была вложена фотография Гашека и Шуры 1922 года.

Может быть, на этом все и кончилось, если бы еще не одно обстоятельство.

Вскоре после получения первого письма из Чехословакии в редакцию пришел капитан Советской Армии.

— Моя фамилия Нефедов,— отрекомендовался он.— Я к вам по поручению своей тещи.

У многих на лицах появилась невольная улыбка. Но пришедший серьезно продолжал:

— Она сама больна сейчас и не могла прийти. Просила меня узнать адрес жены Ярослава Гашека.

— А ей, собственно, зачем это?

— Видите ли, она сестра Шуры Львовой.

— Сестра?! А как ее имя, отчество, фамилия?

— Зоя Васильевна Молева.

— Позвольте. Какая же она сестра, двоюродная или троюродная?

— Это лучше у нее спросить, я не знаю. Она работает заведующей учебной части школы № 24. Сейчас дома.

После разговора с З. В. Молевой все сомнения и неясности отошли в сторону. Оказывается, Шура родилась в одной семье, а когда ей было 3 года, во время Всероссийской переписи населения в 1897 году, из-за голода и нищеты ее отдали на воспитание в другую. Так вот Татьяна Ивановна — родная сестра, а Зоя Васильевна — сестра по семье, где с малых лет жила и воспитывалась Шура. Из этой семьи она уехала в Чехословакию.

Вскоре в газете «Советская Башкирия» была напечатана статья З. Штястного о некоторых фактах личной жизни Гашека в Уфе, о его отношениях с Шурой.

Статья вызвала живые отклики у читателей. В редакцию приходили письма, раздавались телефонные звонки... Все хотели узнать, не нашлось ли что-либо нового о Гашеке.

Как-то однажды сотрудника газеты встретил на улице комсомольский активист Ирик Гайнетдинов.

— Вы разыскиваете тех, кто был знаком с Гашеком? У нас в артели «Новый быт» работал до недавнего времени один из них. Хороший приятель писателя.

— Кто? Где он сейчас?

— Ганцеров Степан. Недавно на пенсию ушел. И снова в «Советской Башкирии» — воспоминания: «Встречи с Ярославом Гашеком».

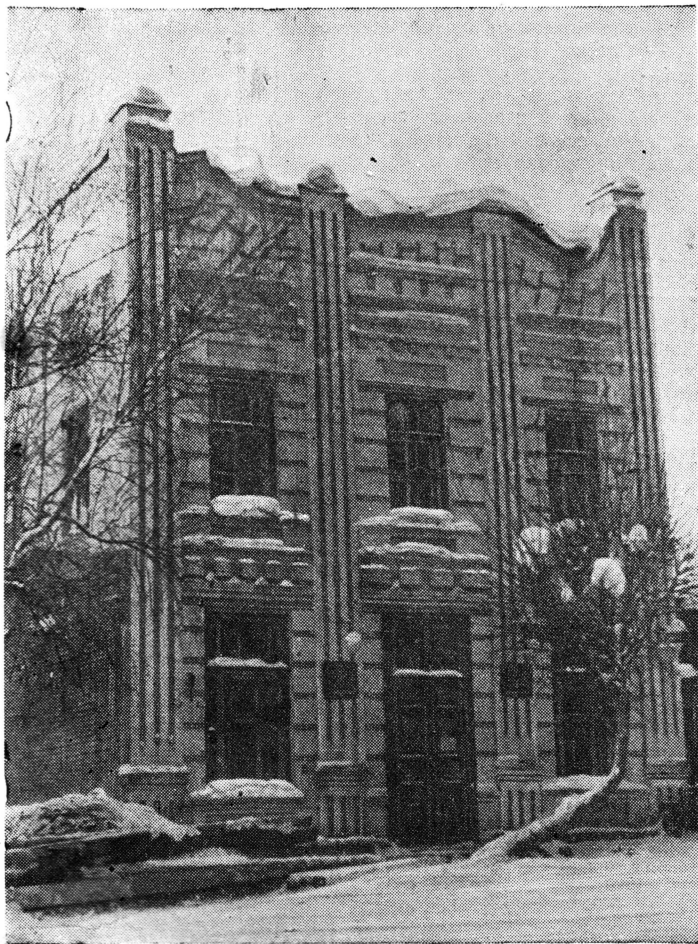
Просматривая подшивки газет «Наш путь», «Красный стрелок», которые печатались в типографии, где заведующим был Гашек, удалось выяснить, что чешский писатель жил не только в Уфе, но и в городе Белебее (БАСССР) и в некоторых других населенных пунктах бывшей Уфимской губернии.

Так, шаг за шагом, день за днем все ясней и отчетливей вырисовывалась картина жизни и кипучей деятельности Гашека на территории нынешней Башкирии.

2

... Революционный военный Совет и политический отдел Пятой армии решили издавать большую ежедневную газету для красноармейцев и жителей прифронтовой полосы. В первых числах января 1919 года, сразу же после занятия Уфы

здание в Уфе, где в 1919 году помещалась типография, которой заведовал Ярослав Гашек.

красными войсками, в политотдел явился по вызову один из комиссаров 26-й стрелковой дивизии 23-летний коммунист Василий Сорокин. Несмотря на молодость, за его плечами был большой и трудный жизненный путь.

— Вот какое дело, — сказал ему начальник политотдела, питерский рабочий-металлист Иван Дмитриевич Чугурин. — Поручаем тебе редактирование новой газеты. Подбери людей, найди типографию. Понадобится помощь — окажем. Только дело это серьезное и решить его надо как можно скорее. Время, сам понимаешь, военное, оно не терпит отсрочки.

— Сразу же прошу помощь, — четко заявил Сорокин. — Нужен опытный человек для руководства типографией.

Иван Дмитриевич немного подумал, а потом, улыбнувшись, ответил:

— Видишь, начинаю сдерживать свое слово. Есть такой. Чешский журналист Гашек. Кажется, подойдет, да и сам просится на работу в печать. Говорит, руки чешутся...

Вскоре в редакцию газеты «Наш путь» явился высокий, плотный, несколько грузный, но подвижный военный, лет 35. Шелкнув каблуками, он доложил Сорокину с чуть заметным иностранным выговором:

— Ярослав Гашек. Назначен политотделом Пятой армии заведовать типографией газеты «Наш путь», — и подал записку от И. Д. Чугурина.

Сорокин вспомнил разговор в политотделе, дружески пригласил садиться. Сразу же завязалась непринужденная товарищеская беседа. Гашек подробно рассказал о себе, о том, что он чех, бывший военнопленный, коммунист, давно занимается журналистской деятельностью.

— Это очень хорошо! — обрадовался молодой редактор. — Значит, и в нашей газете вы не откажетесь сотрудничать?

И. Д. Чугурин не ошибся, когда говорил о Гашеке, что у того давно чешутся руки. И в самом деле, долгие месяцы Ярослав Романович был оторван от газетной работы. До прибытия в Уфу он много сил и упорства положил на организацию Советской власти в Бугульме, где занимал должность помощника коменданта города. И вот, наконец, в Уфе снова можно отдаться любимому делу!

Как-то, еще в первые дни работы, Гашек пришел к Сорокину. Уточнив порядок верстки очередного номера газеты, он подал редактору несколько листков, написанных мелким, но разборчивым почерком.

— Посмотрите. Если подойдет, прошу напечатать.

Сорокин стал читать вслух, а автор скромно присел у стола и внимательно слушал.

«Говорят, что большевики заняли Казань. Наш владыка епископ Андрей приказал соблюдать трехмесячный пост. Завтра будем кушать по три раза в день картошку с конопляным маслом. Да здравствует Учредительное собрание! Чешский офицер Паличка, который у нас на квартире, взял у меня займы две тысячи рублей...»

Это был первый гашековский фельетон, написанный в Уфе, — «Из дневника уфимского буржуа». Когда во время чтения Сорокин останавливался и предлагал внести какую-либо поправку, Гашек молча кивал головой. Иногда, вместо кивка, он шуточно восклицал: «Наздар!».

«Болтовня о взятии Казани красными, — продолжал чтение — действительно, отли-

Ярослав Гашек (X) среди политотдела 5-й Армии.

чается от прежней именно тем, что у нее есть известная объективная почва. Наши очистили Казань потому, что, как секретно сообщил мне чешский офицер Паличка, в Казань прибыло два миллиона германских солдат. Со всех купцов и купчих, которые красным попали в Казани в плен, содрали шкуру и печатают на ней приказы Чрезвычайной следственной комиссии. Говорят, что придут беженцы из Казани. Надо спрятать сахар из магазина, чтобы немножко повисить цену. У нашей братии из Казани денег много. Да здравствует Учредительное собрание!

...Говорят, что большевиками занят Симбирск. Наши взорвали мост через Волгу. При постройке этого моста дядя мой заработал пятьсот тысяч рублей. Чешские офицеры говорят, что падение Симбирска — ерунда и что это все — в стратегическом плане. Офицер Паличко украл у меня золотой портсигар. Да здравствует Учредительное собрание!

Сорокин несколько раз громко смеялся. Вместе с ним улыбался и сам автор. По всему было видно, что ему тоже нравится написанное.

— Только вот что, — прервал чтение Сорокин. — Не смягчить ли нам го место, где вы приводите в «дневнике» слова зарвавшегося Паличка о фантастическом прибытии в Казань двух миллионов... немцев? Не слишком ли это?

— А как же в гоголевском «Ревизоре»? — возразил Гашек. — Тридцать пять тысяч одних курьеров? Арбуз в семьсот рублей? Суп в кастрюльке, доставленный из Парижа?... Почему же Паличка не может подражать Хлестакову?

Автор так настойчиво доказывал, что редактор согласился и начал читать снова.

«Сегодня прибыла в Уфу первая партия беженцев из Казани и Симбирска. По дороге их по ошибке раздели оренбургские казаки. Была горжественная встреча. Я выпил две бутылки коньяку и написал заявление на дворника, что он большевик. Дворника отправили в тюрьму.

...В газетах напечатано, что большевики в Симбирске отняли у всех богачей детей и отдали их на воспитание китайцам. Во всех церквях молитвы. Владыка просит всех православных христиан строго соблюдать пост, так как большевики продвигаются на Самару.

— Что ж, — сказал, улыбаясь, Сорокин, когда кончил читать фельетон, — славайте в набор!

...В типографии печаталась застрашенная газета «Наш путь». Как всегда, рабочие-печатники и на этот раз стали просматривать свежий номер, еще пахнувший типографской краской.

— Смотри смотри, — сказал один из них, молодой парень, показывая газеты, — наш-то заведующий и писатель еще! Глянь, фельетон-то какой отмахал. «Из дневника уфимского буржуа», — прочитал юноша.

Вокруг него столпились люди. Мерно стучала плоская типографская машина, то и дело появлялись новые экземпляры газет, на которых стояла дата «14 января 1919 г.» Рабочие внимательно слушали читающего.

«...Слушал вчера немного ветчины, а вечером пришла телеграмма, что пала Самара. Одного члена

комитета Учредительного собрания отправили в сумасшедший дом прямо из общественного клуба, где он говорил, что падение Самары — чепуха. Беженцы прибывают. Рассказывают, что большевики всех поголовно режут, а головы буржуев нагружают на специальные поезда и отправляют в Москву, где их бальзамируют и хранят в кладовых»

— Ловко он это их, ядрена вошь!

— Стойте! Не перебивайте. Читайте далее!

«...Вчера опять отправили в сумасшедший дом одного из правых эсеров. Звал на базаре баб идти громить Москву и записываться в русско-чешский полк. Мой офицер Паличка взял у меня взаймы новых две тысячи рублей, которые обещал вернуть, когда Народная армия обратно возьмет Казань. Думаю, что этих денег никогда не увижу».

В группе слушавших то и дело раздавались смех, возгласы одобрения. Рабочие прониклись еще большим уважением к своему заведующему, которого они искренно любили. Да и было за что! Каждый раз приходил он в типографию рано утром, беседовал с ними, рассказывал о фронтовых новостях. Частенько во время разговора вдруг вынет блокнот и делает какие-то наброски.

Как-то однажды принес материал и сказал: — Срочный. Надо быстро набрать и выпустить с ним газету к шести часам вечера.

Наборщики начали отказываться.

Не сможем сделать, не успеем.

— Надо успеть. У меня вон тоже полно работы, но я ничего, не жалею: это нужно для революции. Разгромим врага, установим советский порядок, тогда и легче станет.

Первый уфимский фельетон Гашека зачитывался в воинских частях, как говорится, до дыр. Красноармейцы от души хохотали над «философскими» раздумьями уфимского буржуа. Особенно нравились записи из «Дневника», где шла речь о подготовке к отступлению из Уфы.

«...Вчера я читал в газетах, что ради освобож-

деня России от большевиков и ее пробуждения к новой жизни надо эвакуировать Уфу. Сегодня на Центральной улице увидел настоящего француза с отороженными ушами. Он продавал в кофейне по два рубля открытки со своей фотографией и подписью «Капитан Легале». Братья чехословаки отдыхают немножко от побед и торгуют на базаре спичками, папиросами и самогонкой.

...Карательный отряд колчаковцев реквизировал у меня пару лошадей, двадцать пудов сахару, сто ящиков спичек и взял в солдаты моих приказчиков. Большевики заняли Чимшу. Из французов остались в Уфе только два молодца, которые выступают в цирке. Нашего владыку, епископа Андрея, видели на вокзале у коменданта станции. Он очень интересовался, когда идет поезд на Челябинск. Мне тоже надо сходить на вокзал».

Дружба с типографскими рабочими после появления фельетона стала еще крепче.

Как-то однажды, во время обеденного перерыва, к молодому наборщику Степану Ганчерову подошел его друг, тоже наборщик Андрей Сокуров.

— Ты хотел с Гашеком познакомиться. Смотри, вон он идет.

В наборный цех в сопровождении метранпажа входил Ярослав Гашек в шинели, на голове — шлем. Сбоку висел револьвер.

Степан поднялся с табурета и, обрадовавшись тому, что увидел писателя, неожиданно для себя громко рассмеялся.

Гашек заметил это, подошел и, поздоровавшись, спросил:

— Над чем вы это так весело смеетесь?

— Над тем буржуем, у которого белогвардейцы дочь украли, часы и восемь тысяч денег, товарищ Гашек. Здорово вы его разделали, — вывернулся Ганчеров.

— Вот хорошо. Спаеибо. Я со своей стороны очень рад, что угодил вам, — сказал Гашек приветливо, и глаза его лукаво улыбались.

3.

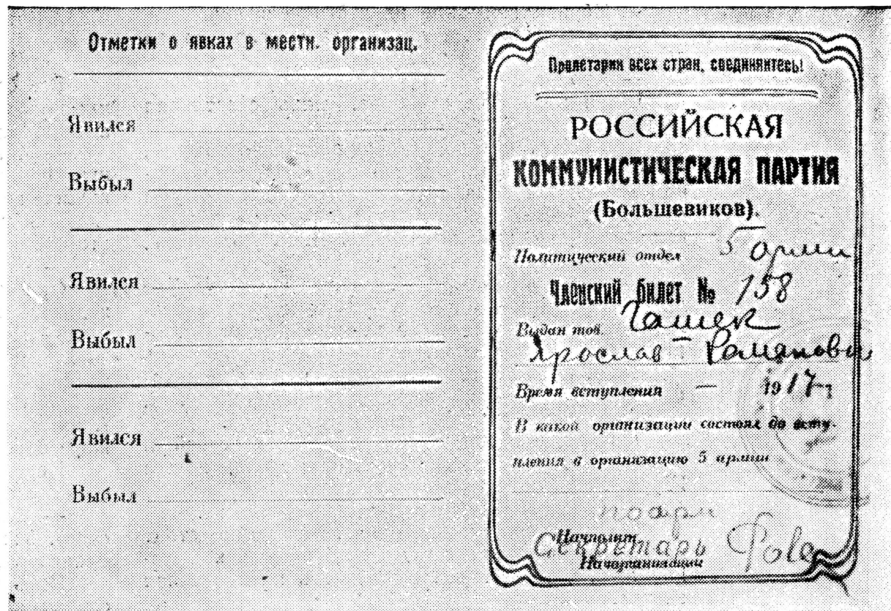
В немногие десятки минут перерыва между работой Гашек обычно собирал вокруг себя группу рабочих и с большой теплотой рассказывал о Чехословакии, о своей прекрасной «Злата Праге».

— Хотя я родился и в Праге, — говорил он, — но второй своей родиной считаю Советскую Россию. Здесь я по-настоящему понял, как нужно жить, за что и с кем бороться. Ведь в Москве год назад, в марте восемнадцатого, я стал коммунистом.

— А прежде, там, у себя на родине, вы разве не были в партии? — спросил один из слушавших.

— Был, — со вздохом ответил Гашек — да только даже вспоминать об этом не хочется. Была такая там у нас партия «Организация независимых социалистов (анархо коммунистов)». Вот в нее-то я еще в 1905 году и вступил. Молод был, наивен...

¹ Ныне улица Ленина.

Партбилет Ярослава Гашека.

Мечтая о мирной жизни, писатель говорил: — Вот закончится война, и я обязательно женюсь на русской девушке.

— Бросьте шутить, — по простоте душевной возразил наборщик Иван Агапитов, — домой вернетесь и забудете об этом.

— Поживем — увидим, — хитро сощуриив свои маленькие темные глазки, отвечал Гашек.

Может быть, никто и не запомнил этих слов, если бы не один случай...

Политотдел Пятой армии устроил собрание в Новом клубе. Доклад на нем делал Гашек.

Среди тех, кто, затаив дыхание, слушал выступавшего, была 24-летняя накладчица типографии Шура Львова. Эта простая русская девушка, всегда веселая, неунывающая, трудолюбивая, снискала искреннюю любовь и уважение у всех работников типографии.

«Наша Шулочка» — так тепло и нежно называли они ее между собой.

И в самом деле, в ней было столько обаяния, сердечной простоты, чуткости к товарищам, что, пожалуй, трудно представить другое отношение к ней. Шура, как никто, умела с улыбкой переносить невзгоды военных лет.

Глубоко взволновала девушку речь Гашека, которого она видела и слышала впервые. Его горячие, страстные слова о всемирной революции, о Советской власти, о том, что, наконец, в России настала счастливая жизнь для простых людей, нашли в ее сердце живой отклик.

Долго она не могла забыть этого вечера.

Как-то вскоре в обеденный перерыв в типографию, где она работала, пришла к ней младшая сестра Лида, ученица двухклассного Мариинского училища. Шура только что закончила работу, вытирала руки бумагой.

В это время в двери показался человек в военной форме. Густые темно-каштановые волосы спадали на виски. Шура дернула сестру и тихо проговорила:

— Обрати внимание на этого человека.
Лида взглянула, затем, когда он скрылся за другой дверью, спросила:

— Кто это?

Шура ничего не ответила, лишь счастливая улыбка появилась на ее лице.

Обо всем Лида догадалась несколько позднее. Стоял холодный зимний вечер. В одноэтажном маленьком домике ждали возвращения Шуры с работы. «Что-то долго нет, уж не стряслось ли какой беды? — думала ее мать Анна Андреевна, то и дело подходя к окну.

Горела коптилка, еле освещая комнату. Две девочки-ученицы — Лида и Зоя — сидели за столом, готовили уроки и не подозревали, что творится в душе у матери.

Тихо. Лишь изредка слышны шаги красноармейцев, находящихся в караульном помещении, расположенном по соседству с квартирой.

Но вот, наконец, стукнула дверь из сеней, и в комнату, раскрасневшаяся от мороза, вошла Шура. Мать облегченно вздохнула.

— Слава богу! А я уж так измучилась...

Но что это? Шура не одна... Позади нее стоит какой-то красноармеец в длинной шинели и меховой шапке, на которой выделялась пятиконечная звезда.

Лида так и ахнула: да ведь это тот самый, на которого сестра показывала в типографии...

Шура поцеловала мать и девочек, а затем застенчиво, словно стыдясь чего-то, проговорила:

— Мама, познакомьтесь, это Ярослав Романович Гашек. Мой друг. — А затем тихо добавила: — Я люблю его и выхожу за него замуж...

4

Удивительно даже, как успевал Гашек выполнять столько дел! Он был неутомим, его энергии хватало бы на добрый десяток людей. Писатель участвует в организации спектакля-концерта на русском, венгерском, немецком, еврейском и турецком языках, проходившего в Новом клубе, читает лекцию на русском языке: «Лига народов, или III Интернационал».

А. Г. Гашекова-Львова при жизни писателя.

Все ближе и лучше узнавали Гашека товарищи по работе и проникались к нему уважением, а порой их отношения становились дружескими.

— А не сделать ли нам получасовую декретную передышку? — частенько после решения текущих дел предлагал Гашек редактору газеты. Сорокин уже хорошо знал, что на языке Ярослава это означало обеденный перерыв.

— Что же, пожалуй, можно.

Они отправлялись в ближайшее кафе, что находилось на Александровской улице¹.

— Пражских сосисок, — заказывал Гашек.

Хозяин заведения, частник, уже привык к неизменным шуткам постоянного посетителя и каждый раз подавал одно и то же дежурное блюдо. А затем шло высшее лакомство того времени — кофе со свежей булкой.

Нередко за стаканом кофе обсуждались темы, сюжеты будущих материалов Гашека.

— Вот хочу написать об эсерах, их «творчестве». Уж очень они глупыми выглядят в своих брошюрах, инструкциях.

Вскоре в газете появляется интересная и острая статья «Творчество эсеров», которая заканчивалась так:

«Учредилка эсеров не пережила морскую бурю. Спаслось несколько человек, которые совсем голые вылезли на берег, пали на колени и сказали: «Боже, не позволяй нам больше осуждать, чего мы не знаем и не понимаем».

Порой во время обеда друзей посещала муза, и они с увлечением сочиняли экспромты. Как-то Сорокин написал на обороте меню:

*Ты чех из Праги. Журналист.
Политбоец. Фельетонист.
Рубаха парень и товарищ.
Твое оружие остро,—
Не штык, не сабля, лишь перо,
Но ты врагов смертельно ранишь!
И пусть сосиски горячи —
Не время складывать мечи,
За кофе лопать булки с маком...
Ах, Ярослав, перо точи,
Не налегай на калачи,
Пока Колчак не свистнет раком...*

Ярослав весело и заразительно хохотал. Потом попросил у буфетчика огромный нож и начал «точить» огрызок карандаша. На минуту задумался и написал:

*Пишу я прозой, не стихами,
Не пахну тонкими духами —
Газетной краскою пропах...².*

— Ну-с, разрядка мозгам окончена. Пошли, — встал Гашек, когда были съедены «сосиски», выпито кофе и выкурено несколько папирос.

5

Вскоре, после перехода Шуры на новое местожительство, к ней пришла в гости Лида. Она постучала в дверь небольшого одноэтажного домика на улице Гоголя³. Ей открыла Шура, одетая в черную юбку и беленькую блузку. Лида хорошо

¹ Ныне улица Карла Маркса.

² Конец гашековского экспромта В. В. Сорокин, к сожалению, не запомнил.

³ Этот дом сохранился и до настоящего времени.

знала этот скромный наряд, он был единственной праздничной одеждой старшей сестры. «Хорошо,—подумала Лида,—значит, у нее все в порядке, раз так одета».

Комнатка, в которую вошли сестры, была очень маленькая. Здесь стояли кровать, небольшой столик, два стула и шкаф с книгами. На окне — белая занавеска. Вот и вся обстановка. Но в комнате было уютно, хорошо. Особенно это ему помогало множество книг.

Лида подошла к шкафу и стала читать корешки на книгах: Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, М. Е. Салтыков-Щедрин. Выделялись несколько томиков в голубом переплете произведений А. П. Чехова.

— Шурочка, дай, пожалуйста, почитать Чехова. Очень хочется.

Шура согласилась:

— Только на неделю, не больше. Береги их. Ярослав очень не любит растрепанных и грязных книг.

Лида, радостная, обещала точно в срок вернуть книги. Но обещания своего не выполнила. Через несколько дней Уфу снова заняли белогвардейцы.

В начале марта Колчак бросил на Уфимское направление значительные силы отборных войск, вооруженных с ног до головы. Им противостояли сильно поредевшие части Пятой армии. Нашему командованию стала ясна бесполезность продолжения сопротивления и, чтобы сохранить людей, решили временно оставить Уфу. Как ни горько, ни больно было расставаться, но этого требовала военная обстановка.

Началась эвакуация. Из учреждений выносили и грузили на сани ящики. То и дело по улицам проскакивали на разгоряченных конях востовые.

В это утро, как обычно, на работу шли два закадычных друга — наборщики Андрей Сокуров и Степан Ганцеров.

— Смотри-ка, Андрей,—показал Степан на сани, груженные различным оборудованием,— что это?

— Похоже на эвакуацию,— заметил Андрей. Друзья спросили у проходившего военного, и тот ответил:

— Временно оставляем Уфу.

Что делать, как быть? В городе оставаться нельзя, ведь всем известно, что Сокуров и Ганцеров — организаторы комсомола в Старой Уфе, активные пропагандисты. Друзья договорились, не заходя в типографию, идти сразу в политотдел.

Здесь они столкнулись с Ярославом Гашеком.

— Вот хорошо, что встретил,— обрадовался Гашек, даже не спросив, зачем те пришли. А затем строго и твердо: — Вы мне как раз очень нужны. Сейчас же идите в типографию и помогите упаковать отобранный шрифт для пополнения походной типографии. Захватите одну печатную машину. Все это надо быстро перебросить на станцию. Посылаю вас, чтобы ускорить отправку. Обеспечьте транспортом. Для этого мобилизуйте свободные крестьянские подводы на базаре. Операцию провести без шума. С крестьянами будьте вежливы.

— Есть, операцию произвести без шума,— подражая тону Гашека, повторил Ганцеров.

— Ну, и перец,— улыбнулся Ярослав.— Торопитесь. Дорога каждая минута. Где живете?

А. Г. Гашекова-Львова в 1958 году, Прага.

— В Старой Уфе.

— Домой не заходите. Мы оставляем город ненадолго. Напишите записки. Отдайте своим товарищам, они передадут родным. Все. Выполняйте.

— Есть выполнять! — ответили в один голос Ганцеров и Сокуров и помчались в типографию.

Утро 13 марта выглядело туманным, пасмурным. Для типографских работников последняя ночь в Уфе была очень напряженной. Номер газеты «Наш путь» был сдан в печать около четырех утра. Гашек все время находился в типографии, следил за работой, подбадривал печатников, то и дело шутил с ними.

Когда весь тираж газеты был напечатан, его передали оставшимся в Уфе верным людям для того, чтобы газета и в этот день попала к уфимцам.

Совсем близко начали рваться снаряды. У ворот типографии, не обращая внимания на артиллерийскую канонаду, возле нагруженных типографским оборудованием саней стояли Гашек и Сорокин. Они проверяли, все ли взято.

На рассвете работники редакции и типографии распрощались с оставшимися в городе печатниками.

— До скорого свидания,— говорили те уходящим.— Будем ждать вас, дорогие друзья!

Последние группы красноармейцев покидали город. К ним и присоединились работники редакции и типографии. Тут же был и Ярослав Гашек с карабином за плечами и наганом за поясом. Рядом с ним шагала Шура.

Когда белогвардейцы входили днем 13 марта в Уфу, повсюду шустрые подростки, продавцы газет, громко кричали:

— Читайте газету «Наш путь»! Спешите купить последний номер! Самый свежий, утренний выпуск! Спешите, спешите, только сегодня!

Станислав АНТОНОВ.

БЕРЕЗОВСКИЕ ИСТОРИКИ

Уже несколько лет существует в Березовском историко-краеведческий кружок. Его членов — школьников знают многие жители города. Они тепло называют их «наши юные историки».

Много интересного из истории своего города узнали ребята. Так, Валерий Овенкин, Эдик Волобуев, Лида Анисимова и Аля Прохорова изучали улицу Октябрьскую. Из материалов Свердловского областного краеведческого музея они установили, что улица стала застроиваться в 1756 году и была в Березовском второй по счету. Строили ее преимущественно рудокопы-кандальники. После шестнадцатичасового изнурительного труда в горе шахтер рубил на своем участке лес и готовил сруб. На улице долгое время торчали пни. Поэтому, хотя улица и называлась по документам Верхнегорушечной, но в народе ее прозвали Пеньковской.

Ребята узнали, что во время гражданской войны 20 юношей ушли с этой улицы на фронт добровольцами. Один из них, Григорий Казанцев, за мужество и отвагу был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Эдик Волобуев сфотографировал дом Кисельниковых, из которого вступили в рабочий отряд сразу три брата. В доме № 17 ребята встретили пенсионера Ивана Александровича Исакова, который служил в Первом уральском плuku.

Интересных людей на улице Октябрьской оказалось много. Кружковцы познакомились здесь даже с организатором первого в городе пионерского отряда Сергеем Александровичем Дуровым, ныне подполковником в отставке. Пионерский отряд он создал в 1924 году. А Мария Петровна Решетова организовала в Березовском первые детские ясли.

В честь 40-летия Великого Октября кружковцы организовали поход. Они прошли по местам боев гражданской войны, в которых принимали участие березовчане. Бои в 1918 году были

Это пригодится в походе

Часто в походах бывает: попадет в руки интересный с виду камень, а что это — полезная порода или обыкновенный булыжник — не знаешь.

Вот тут-то и пригодятся знания, которые можно почерпнуть из интересной серии книжечек, выпущенной Госгеолтехиздатом¹.

И. З. КОРИН «КАК ИСКАТЬ РУДЫ НИКЕЛЯ». Никелевые руды образуются в разных условиях, в различной природной обстановке. Поэтому поисковикам необходимо знать, как произошли никелевые руды. Автор книжки подробно рассказывает об этом. Например, никель никогда не встречается в породах, содержащих зерна кварца.

Книжечка подсказывает, как выбрать район поисков, как определить породы, содержащие ни-

кель, как подсчитать запас руд в обнаруженном месторождении, как подобрать образцы руд, составить карту-схему, объяснительную записку.

П. Н. МАРКОВ «КАК ИСКАТЬ МЕСТОРОЖДЕНИЯ СЛЮД».

Слюда — распространенный минерал. Листочки слюды есть в граните, чешуйки ее можно почти всегда встретить в кварцевом песке. Неопытные люди часто принимают их за золото. Но слюда, хотя и не золото, все же очень нужное сырье. Это природный электроизоляционный материал. В промышленности используются только крупные пластины, поэтому наиболее ценны месторождения, которые содержат крупные пластины слюды.

Рядом с белой слюдой — мусковитом — в природе часто встречаются кристаллы дымчатого кварца и шестигранные вытянутые кристаллы зеленовато-желтого берилла. Мимо них проходить нельзя. Это признаки, по которым можно найти слюду.

В книжечке рассказывается, какими приемами пользоваться при поисках слюдяных жил, как выбрать маршрут, на что в пути обращать внимание, как исследовать кристаллы слюды: определить

¹ Их можно выписать, запросив по адресу: Москва, К-305, улица Разина, 22. Торгово-сбытовая база Госгеолтехиздата. Стоят они от 40 коп. до 1 руб. 60 коп.

под Верхней Пышмой. Вот туда-то и направились юные краеведы. С кружковцами вышли из Березовского ветераны-пенсионеры Василий Семенович Бисеров и Иван Александрович Золотников. В Верхней Пышме ребята посетили братскую могилу, слушали воспоминания участников боев Бисерова и Золотникова. В Верхней Пышме они навестили родственников Константина Даниловича Косых — первого председателя городского Совета в Березовском. О его судьбе долго никто не знал, пока однажды Ира Рублева не зашла к пенсионерке Марии Ивановне Клевакиной. Она оказалась родственницей Косых. Дала нужные адреса: адрес сына Константина Даниловича — Бориса и адрес Якова Васильевича Коновалова — родственника. Яков Васильевич посоветовал съездить в Свердловск к Наталье Георгиевне Врублевской.

Вот что узнали от нее ребята.

В день отступления из города в 1918 году березовские большевики получили задание организовать подполье, которое возглавил Константин Данилович Косых. В Березовском председателя Совета узнал бы сразу любой встречный, поэтому Косых жил в Екатеринбурге у Врублевских.

Колчаковцы свирепствовали. Однажды Константин Данилович приехал ночью по делам на Гореловский кордон. Здесь случайно заметили его родственники Чикунев и Михаил Косых. А через два дня квартиру Врублевских окружили. Константина Даниловича жестоко пытали, но

он не проронил ни слова, не выдал никого из своих товарищей.

Березовский в прошлом известен как город кандалников, и ребятам очень хотелось найти настоящие кандалы. Прошлой осенью в городе решили надстроить школу № 33, расположенную в старинном здании, а из полуподвального помещения сделать школьные мастерские. И вот, когда рабочие стали копать около здания землю, на небольшой глубине один из них случайно обнаружил кандалы.

А. СМИРНЫХ, г. Березовский

размер, расщепляемость, трещиноватость. Даны схемы различных слюдоносных жил.

Ю. Л. ЧЕРНОСВИТОВ «КАК ИСКАТЬ МЕСТОРОЖДЕНИЯ ГЛИН». Автор ставит много познавательных вопросов и очень живо и интересно отвечает на них: что такое глина, как она образуется в природе, каковы ее свойства, где применяется глина, можно ли из плохой глины сделать хорошую, где и как искать глину, как испытать ее качества и взять пробу.

Глина бывает почти всех цветов. Особенно ценится белая глина, поэтому ее нужно искать в первую очередь. Цвет облегчает поиски. Но нередко белую глину путают с мелом и чистыми кварцевыми песками. Различать их учит книжка.

Г. Г. ГУДАЛИН «КАК ИСКАТЬ МЕДНЫЕ РУДЫ». Ученые предполагают, что на Урале открывают еще не одно месторождение меди. Особенно перспективен в этом отношении Южный Урал, где большие участки сложены вулканическими породами. Именно в них залегают медные руды. Обнаружить в рудах содержание меди трудно. Для этого проводят исследование химических свойств непосредственно в поле. В книжке дается подробное описание, как это сделать.

Плохо, однако, что автор излагает интересные вопросы очень сухо, часто злоупотребляет специальными терминами, что затрудняет чтение и понимание текста.

Е. А. РАДКЕВИЧ «КАК ИСКАТЬ ОЛОВО». Считается, что на Урале нет месторождений олова, но в некоторых районах находят минералы, содержащие его.

А вдруг да кому-нибудь из наших юных следопытов удастся найти первое на Урале месторождение олова! Для тех, кто увлечется этой задачей, и написана книжка Радкевича.

У нас на Урале олово рекомендуется искать шлиховым методом: отмучивать речной песок с помощью лотка или ковша и таким образом получать тяжелый остаток — шлих, в котором можно обнаружить признаки оловянных руд.

* * *

Туристам - следопытам следует познакомиться с этой серией книжечек, сделать их своими спутниками-помощниками в важном деле — открытии новых месторождений полезных ископаемых.

Е. К.

Крылатое слово Урала

Когда собираешься в поход, хлопот не оберешься: все надо предусмотреть, ничего не забыть. Не даром говорится:

«Уговорись на этом берегу, тогда плыви за реку»,

«станешь торопиться, из рук все повалится»,

«взять можно раз, а выкинуть всегда».

А взрослые смотрят на ребячьи сборы да посмеиваются:

«Не торопись, коза, в лес, все волки твои будут».

А если им кажется, что слишком уж долго затянулись приготовления, еще и добавят: *«Одна нога здесь, другая там, а сама завтра».*

«Ничего,— так же задорно отвечают им ребята,— крут бережок, да рыбка хороша, поработаешь до поту и поешь в охоту».

Меткое народное словцо, поговорка, пословица, рожденные житейским опытом, украшают нашу речь: делают ее яркой, выразительной, меткой. Они подбодряют или осудят, предостерегут или обласкают, высмеют или прозвучат мудрым наставлением.

Писатели, ученые-фольклористы изучают народную речь, собирают крупицы языкового богатства народа, чтобы они стали достоянием всех.

Уральский краевед В. П. Бирюков почти полвека собирает слова, пословицы, поговорки, загадки, бытующие на Урале. Из них составилась целая книга. «Крылатое слово Урала» назвал ее автор. Скоро она будет издана в Свердловском издательстве. Приведем из нее некоторые пословицы, поговорки и загадки.

Пословицы и поговорки

Осень — перемен восемь.

Откуда гроза, оттуда и ведро.

Хвали день к вечеру.

Красна ягодка, да на вкус горька.

С Нестером шестеро и без Нестера шестеро.

Расти большой, да не будь лапшой.

Был бы хлеб, а зубы сыщутся.

Сколько воду не варить, все вода будет.

Кукушка не ястреб, неуч не мастер.

Не удержался за гриву, за хвост не удержишься.

Тпрутька-то есть, да нутьки-то нету.

Загадки

Лежу — ниже земли, встану — до неба достану. (тгодоЦ)

Поем-поем да и в ясельцы.

(чнэорнэ-жоЦ)

На лавке пятак, не сдвинешь никак. (рхънэ еэдЦ)

Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлобыстун. (рводоУ)

Четыре четыреки, две растопырки, сзоди вертун, сама ворчун. (рхэдоУ)

У двух матерей по пяти сыновей, годами парные, именами разные.

(ххънд пн янчврЦ)

А какие вы знаете пословицы, поговорки, загадки? Присылайте их «Уральскому следопыту», указав, где, когда и от кого слышали. Пополним «языковую копилку» Урала!

В. АРТЮШИНА

Первая РЫБАЛКА

РАССКАЗ

П. ГАГАРИН
Рисунки В. ЖАБСКОГО

Сергей прикатил на берег Урала, бросил велосипед на землю — лежи, отдыхай! — а сам, сдернув с головы кепку, залюбовался природой. Кругом степь, воздух — не надышишься. И такая тишина! «Что такое? — удивился Сергей. — В воздухе должны жаворонки петь, на земле — кузнечики стрекотать, а тут ни гу-гу. То ли рано еще, то ли меня увидели — перепугались...»

Рукавом вытер лоб, откинул чубик, снова надел кепку, прикрыв глаза козырьком, потому что уже всходило солнце. Оно выставило свой медный лоб из-за края земли, осмотрело степь, подмигнуло Сергею: здорово, мол, рыбак, — и смело начало подниматься, становясь все ярче и ярче.

«Денек — что надо», — радуясь, сказал себе Сережа и подошел к самой реке, чтобы посмотреть, где тут крупная рыба водится.

Прямо перед ним был плес. Широкий, вода в нем тихая, гладкая, ходит этак вокруг, важничая... Ниже плеса дно реки каменистое, оно взгорбилось, будто пытаясь преградить путь реке, да где там! Вода торопливо, ползком перебиралась по камням, бежала дальше, но за перекатом, не успев взять разгон, упиралась в высокий, обрывистый берег. Останавливалась в раздумье, а потом круто поворачивала на

юг, обходила возвышенность и, извиваясь от радости, убегала в маревую даль.

«На этом повороте глубина, видать, страшная — подумал Сергей, — тут, наверное, и рыба табунами пасется. Но берег уж очень высокий, неудобно крупных вытаскивать. Нет, лучше здесь: берег пологий, песочек. А может, повыше пойти — кусты, подмывина... Интересно, а куда бы подались они?...»

Они — это одноклассники, заядлые рыбаки. Особенно Федька Кузин. Черноволосый коротыш. Вчера Сергей с ним даже поругался. На перемене Федька авторитетно заявил:

— Ребята, клев уже начался, поехали завтра...

— Тоже мне, знаток, «клев начался», — съехидничал Сергей.

— Дá, начался. Поедем с нами, посмотришь, научим крупных вытаскивать. Вот таких...

— Я и сам не хуже тебя сумею. Всех бы учил, профессор...

— Уж тебя-то поучу, хвастунишка.

Только звонок прервал их перебранку.

...Сергей привязал леску к удилищу, потом достал из рюкзака книжку «Как ловить рыбу удочкой», которую сегодня читал почти всю ночь, пробежал еще раз глазами по разделу «Насадка», скатал хлебный шарик, насадил его на крючок и швырнул на самую середину реки: «Пусть попробуют городской булки»...

Первая рыбалка, подумать только!

Сидел, смотрел, не мигая, и видел только поплавок, и слышал только свое сердце — оно стучало так, что в ушах отдавалось. А поплавок, похожий на стручок красного перца, плавал спокойно, не дрогнув. Вода неторопливо кружила его по плесу: то поднесет к самой песчаной косе, то вынесет на середину реки.

От напряжения в глазах даже зарябило. Сергей перевел взгляд в степь, увидел жаворонка. Тот поет и часто-часто машет крылышками. «Ах ты, музыкант...»

И опять сидел, как под гипнозом, и размышлял: «Хоть бы раз клюнуло, один раз... Вот если бы окунь... Или шуку бы, вот такую!»

Распрявился, размял онемевшие ноги, прохаживаясь по берегу: два шага туда, два обратно, а сам все смотрит на стручок. И вдруг этот стручок начал вздрагивать, как будто его снизу цыпленок стал долбить: тюк-тюк, тюк-тюк... Потом стручок р-раз! — нырнул вглубь, но словно обжегся и мгновенно выскочил из воды. Сердце Сережи перестало биться. «Так, так, — шептал он, — а ну, хвати еще, хвати... — А поплавок снова тюк-тюк... — Да смелее, смелее, хватай, ничего не будет...»

Вот стручок повело, повело, леска натянулась и пошла ко дну. Тут Сергей рванул удилище, оно взвизгнуло, какая-то рыба вылетела из воды, ожгла его взгляд блеском серебра и... булькнула в воду.

Сергей, еще плохо понимая, что произошло, медленно опустился на песок и, крупно дыша, ошалело смотрел на воду. «Первая наклевка, и вот...»

Снова взял книгу, полистал ее, отбросил и стал подновлять насадку. Руки дрожали, мякиш крошился и никак не хотел оставаться на острие крючка. Только после долгих мучений, обливаясь потом, Сергей насадил комочек мякиша и снова закинул.

«Теперь меня не проведешь... Я уж так не рвану, шалишь... Но что это — вода стала темна, как нефть?..»

Поднял голову — туча! Черная, огромная, она двигалась с севера на юг, постепенно закрывая весь небосвод. Ползла медленно, тяжело, еле-еле неся свой груз. Где-то глухо, но сердито проорчало, потом дробно перекаатилось, словно под землей бойкая телега промчалась по деревянному настилу. И снова все стихло. Жаворонок прервал песню и стриганул вниз. Повеяло прохладой. Огненная стрела чиркнула по грозовой туче и вонзилась в землю. Снова прогрехотало, теперь уже ближе и страшнее.

Сергей встал, осмотрелся...

Даже ветер, дремавший в эту жару

где-то в луговой ложине, засуетился, зашумел. А когда гром снова потрянул планету, ветер рванулся, с перепугу подхватил с земли газету с запасными удочками, поднял их, но, опомнившись, тут же бросил и понесся прочь. Газета поплыла по плесу, как игрушечный парусник, поддразнивая Сергея, а удочки молча пошли ко дну.

«Ах, подлец, такие удочки!... Теперь рыбы засмеют...»

Край тучи тем временем, угрюмо клубясь, повис над Сергеем, явно угрожая: уходи, уходи! Туча даже бросила несколько капель дождя. Они редкие, но как свинцовые: упадет — дырка в песке.

Сергей бросился к велосипеду, достал из сумочки гаечный ключ и побежал к крутому берегу. Грунт в этом месте не очень крепкий — потому-то здесь река и врезалась так глубоко в землю.

Ключом начал кромсать берег, как бык копытом. Земля фонтаном летела в воду. Ниша становилась все глубже и глубже. Вот уже маленький навес образовался, но только маленький.

«Эх, если бы с ребятами... Целую пещеру бы...» — подумал Сергей, продолжая потеть.

А дождь все напирал, напирал, а потом вдруг сыпанул по реке горохом. Сергей разогнулся, чтобы ключ на траву бросить, а ему по лицу как сечанет этим горохом — никакая шкура не выдержит.

Сел в нишу, прижался спиной к земле — сухо, тепло. Только вот на колени крыши не хватает, да голова за потолок задевает. Земля крупинками сыплется за ворот, щекочет. Но это уж ерунда, можно и не шевелиться.

Сидел и радовался, что догадался окопаться, скрыться от воды небесной. Дождь еще больше озлился и так начал лупцевать землю, что она загудела, а вода в реке фонтанчиками запрыгала. Над Уралом стоял монотонный шепотливый шум.

Под этот шум Сергей задремал — ночью ведь почти совсем не спал, осваивал теорию рыбной ловли. И вот теперь он, закрыв глаза, спокойно, сладко посапывал. Прохладно, воздух чистый, густой. Хорошо! Совсем заснуть можно...

Вдруг... ему показалось, что земля под ним зашевелилась. «Что это, засыпаю совсем или... Да нет, это ерунда», — успокаивал он себя. Но земля продолжала шевелиться. Вот она тронулась, пошла-пошла и — не успел он открыть глаза — бух в воду: огромный кусок берега перенес Сергея в реку...

Он вынырнул, всхлипывая, выплевывая воду, и давай карабкаться на крутой, словно мыльный, берег. «И руки некому подать. Эх!»

Вылез, посмотрел на себя: по рукам, ногам, по всей одежде сползала грязь. Сергей махнул рукой — теперь уж все равно! — и поплелся к удочке.

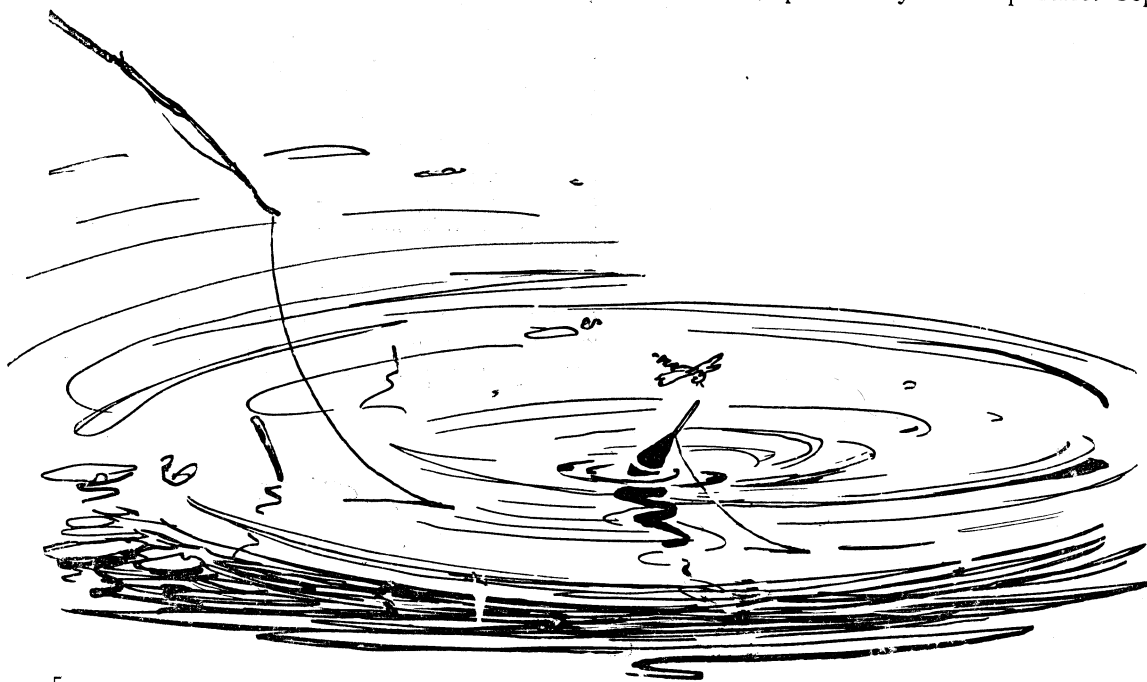
Подошел, взглянул, а стручка не видно. «Что такое?» Потянул — рыбина сидит. Сергей и не знал, что чебак клюет во время дождя. Пока сидел под берегом, чебак обглодал весь хлеб и до крючка добрался.

Сергей обвернул чебака мокрой травой, снова закинул удочку. И чудеса! — не успевал закидывать. Чебаки, как будто сроду не едали белой булки, — рвут, хватают. В драку с ними пескари вступили. А Сергею это на руку: он мечет их через себя — на берег, на берег. Некоторые срываются с крючка, но уж по инерции летят и шлепаются на землю. Большинство не крупные правда, этак с хорошую блесну, но все же рыба!

Он торжествовал. Но недолго. Дождь начал переставать, и клев пропал. Прямо горе!

...Стручок долго плавал спокойно, словно от усталости. Но вот зашевелился, ожил, его дернули, но по-новому — не торопясь, деликатно. «Эге, тут что-то не то...»

Присел рыбак, не дышит. Дождь совсем перестал, и плес сразу остеклился. Поплавок еще раз мотнуло и спрятало. Сер-

гей натянул лесу, и сразу в воде кто-то завозился. Леса мотается из стороны в сторону, режет воду, взвизгивает, но заметно ползет из воды. Поплавок уже бесполезно болтается в воздухе, вынырнули грузила, всплеск, второй, мелькнула рыба морда, булькнуло, и снова леса полезла вглубь. «Нет-нет, братец, не уйдешь... Я тебя сейчас... Не уйдешь...»

Когда до отмели осталось с метр, Сергей напряг все силы и — р-раз! Лещ, словно баранья ляжка, брык на песок. Сергей бросился на него, как вратарь, и придавил своей грудью. «Теперь не уйдешь, голубчик... Не уйдешь. Вот бы Федьку сюда, воображуля... Еще тебя поучу!..»

Приподнялся, посмотрел на леща — он, бедный, лежит пластом и весь в песке. Зевает, вроде крикнуть хочет: «А-а-а...» — и не может. «Ну, красавец, надо помыть тебя, вон, как вывозился».

Осторожно взял леща и давай мыть. А он, черт, лежит спокойно на ладони и глаза закрыл, так делают маленькие поросята, когда их чешут. Но потом, видимо, поднабрался сил, напружинился да хвостом как лягнет Сережку по носу и — был таков.

Сергей снова плашмя упал на песок. Только теперь уж под его грудью ничего не трепыхалось...

Перед вечером он смотал удочки и — домой. Сетку с рыбой повесил на руль. Сначала вез рыбу в мокрой траве, а потом подумал: «Увидят ребята, еще просмеют, скажут, тра-

вы наловил...» Остановился, выбросил всю траву.

Теперь уже видно: в сетке блестит самая настоящая рыба. Никто не станет пальцем показывать и гоготать... А приятно чувствовать себя заправским рыбаком!

Скоро Сергей выбрался со своими рыбными трофеями на ровную степную дорогу. Пыль дождем пририта, и грязи нет: изголодавшаяся земля всю воду выпила. Травка в степи еще сильнее зазеленела. Вон у самой дороги стадо коров. Два пастуха ходят, покрикивают.

Сергей ехал, гордо откинувшись назад, мурлыкал песню и все время косил глаза на руль, словно опасаясь, не согнулся бы он под тяжестью рыбы. На него смотрели пастухи, поглядывали и коровы. Одна толстопузая пеструшка так устала, что и траву перестала жевать. Сергею даже показалось, что коровы смеиваются. Тогда он перестал петь, навалился на руль, в сердцах так разогнал машину, что за ушами свист поднялся. Так бы, может, и мчался до дома, но вдруг переднее колесо подпрыгнуло, стрельнуло и глухо застучало по дороге. «Прокол», — мелькнула мысль. Остановился, посмотрел — точно! Какая-то четвероногая растяпа потеряла свою старую подкову, а в ней острым концом торчал ржавый гвоздь...

Положил велосипед на землю, осмотрелся вокруг — ни души. Плюнул и полез в сумку.

Но заклеить камеру не удалось: клей два года лежал, засох...

— Приехал! — громко произнес Сергей и далеко за дорогу швырнул не нужную теперь баночку с клеем. Слышно было, как она стукнулась о камень.

Он долго сидел на дороге, обхватив голову, а потом взял машину за рога и повел. Шел устало, город приближался медленно, и также неторопливо тянулись горькие, назойливые мысли. Он думал о том, что у Федьки и его компании наверняка есть клей (они уж с опытом!), что и улов у них, видимо, не такой и что одному, наверное, везде плохо...

КАК РАЗВЕДЫВАЮТ ПОГОДУ

Летом 1922 года свердловчане прочли в газете неожиданное сообщение — первый опубликованный в местной печати прогноз погоды. Прогноз оправдался, свердловчане были приятно удивлены. А теперь уже все привыкли к этим пяти строчкам на последней странице газеты.

Как рождаются эти пять строчек?

4000 сообщений

В Уральском управлении гидрометслужбы четыре автоматических телеграфных аппарата. Днем и ночью тысячи телеграмм со всех концов земного шара рассказывают о погоде. Человеку несведущему понять содержание их невозможно. Они написаны особым языком синоптиков — инженеров погоды.

Вот одна из телеграмм:

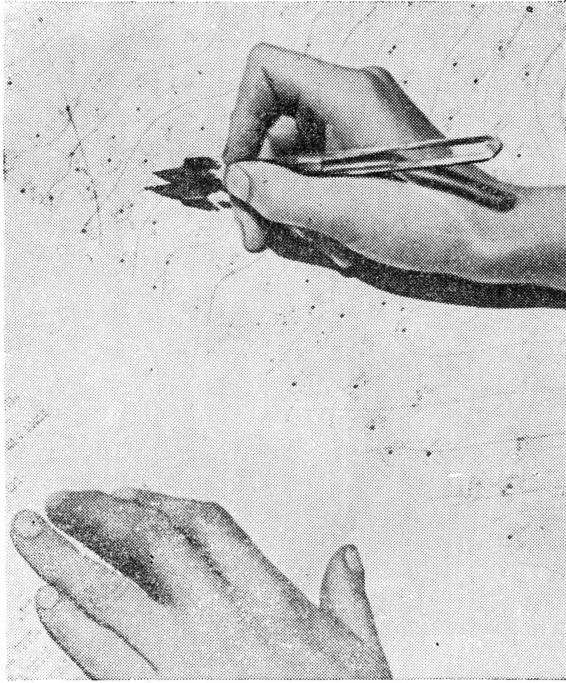
3204 02801 93 444 42 894 00 900 97 208 70 094.

Это значит: «Облачности нет. Ветер северо-западный. Скорость его — один метр в секунду. Видимость — 500 метров. Туман. Давление воздуха — 428 миллибар. Температура — 44 градуса.

Облачность на высоте определить невозможно из-за тумана. Точка росы — 47. Давление воздуха за последние три часа наблюдения поднялось на 0,8 миллибара. Осадков нет. Минимальная температура — 44 градуса».

Если сообщения о погоде передавать не шифром, не хватит времени, чтобы прочитать их все. Таких сообщений только свердловское Бюро погоды получает около четырех тысяч. Синоптику для прогноза надо знать погоду на огромных пространствах, следить непрерывно за ее поведением одновременно в самых различных точках земли, от Арктики до тропиков. Кроме того, он должен знать, что делается на всех «этажах» атмосферы до двадцати километров над землей. Поэтому инженеры, изучающие погоду, и называются синоптиками, то есть «одновременно обзревающими».

Но, если бы инженер-синоптик мог прочитать и запомнить все эти четыре-

Работает техник-наноситель.

пять тысяч сообщений, он безнадежно запутался бы в них. И тут приходит на помощь карта погоды.

Фотография погоды

Она начинается на севере Землей Франца-Иосифа и Шпицбергенем, на востоке охватывает всю Западную Сибирь, на юге ограничивается севером Африки, а на западе включает почти весь Атлантический океан и Гренландию. Огромная территория наблюдений необходима для определения погоды на один день в Свердловске! И отовсюду метеорологические станции посылают сведения.

Сначала карта попадает к техникам-наносителям. Три девушки, вооруженные ручками с двумя перьями — для красных и черных чернил, очень быстро наносят специальными значками и цифрами сведения о погоде, переданные в телеграммах.

Затем карта переходит к дежурному инженеру-синоптику. Вот сейчас прогноз на завтра составляет Людмила Дмитриевна Пряхина. Прежде всего ей необходимо выяснить, какие воздушные потоки, теплые или холодные, в каком направлении и с какой скоростью идут над этой огромной территорией.

Людмила Дмитриевна отыскивает на карте области ливневых облаков и дож-

дей. Отмечает их зеленым карандашом. Районы туманов заштриховывает желтым.

Надо также знать, что происходит с воздушными потоками на высоте. Поэтому через каждые шесть часов составляются специальные карты и разрезы атмосферы. По ним можно определеннее судить, что будет происходить с погодой на земле.

Воздушные потоки, холодные и теплые, постоянно борются между собой. Границы их соприкосновения синоптики образно называют фронтами. Когда проходит такой тысячекилометровый фронт, погода резко меняется: дует ветер, повышается или понижается температура, выпадает дождь или снег.

В своей борьбе воздушные потоки образуют гигантские вихри — циклоны радиусом в тысячи километров. В этом вихре холодный воздух вытесняет теплый, поднимая его в верхние слои атмосферы. Там теплый воздух охлаждается — небо покрывается тучами. А иногда бывает и

Заметки краеведа

ПЕРВЫЕ ФЕНОЛОГИ НА УРАЛЕ

Все мы с детства с каким-то особенным светлым чувством приветствуем первых скворцов — вестников весны. А спустя полгода с грустью смотрим на осенний листопад, предвещающий близость зимы. Эти явления природы нельзя не увидеть.

Более наблюдательные люди замечают другие, менее заметные явления природы, записывают, изучают и систематизируют их. Это фенологи.

Мысль о необходимости вести наблюдения над природой впервые высказал Петр I. В 1721 году он писал А. Д. Меншикову: «Когда деревья станут раскидываться, тогда велите прислать нам листочки оных, понедельно наклеивши на бумагу, с подписанием чисел, дабы узнать, где ранее началась весна».

На Урале наблюдения над природой начались с изучения судоходных рек. Одна из первых сохранившихся записей относится к 1780 году. Она отмечает, когда вскрылась и когда замерзла река Чусовая — важнейший путь сплава сырья и продукции уральской промышленности.

Отрывочные записи встречаются в дневниках путешественников конца

так: начинается дождь, капли дождя подбрасываются мощным восходящим потоком и застывают, потом снова падают и подбрасываются. И так несколько раз. Тогда выпадает крупный град.

В центре циклона всегда низкое давление, поэтому он обозначается на карте буквой «Н». В области высокого давления, которую называют антициклоном и отмечают буквой «В», воздушные потоки как бы опускаются сверху, плавно растекаясь по земле. Они более спокойны, несут с собой ясную погоду: зимой мороз, а летом жару.

Людмила Дмитриевна соединяет черной линией — изобарой — отмеченные на карте пункты одинакового давления. Линия замыкается в большой неровный круг. По мере понижения давления в большом круге проводятся несколько меньших, и, наконец, выявляется центр низкого давления. Это центр циклона. Точно так же линии, идущие по мере повышения давления,

XVIII века — Лепехина, Гмелина, Палласа, в книге Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии», изданной в начале XIX века.

Приблизительно в это же время на Урале появляются первые фенологи-любители. Их наблюдениями интересуются и за границей. Например, Мангеймское метеорологическое общество в Германии в своих отчетах за 1790—1796 годы опубликовало любительские наблюдения фенологов Пышминского завода.

В XIX веке добровольцев-фенологов становится все больше. В самых различных уголках Урала простые крестьяне, сельские учителя, мелкие служащие старательно ведут систематические наблюдения над природой края.

Уральское общество любителей естествознания в Екатеринбурге в помощь им опубликовало инструкцию О. Е. Клера «О наблюдениях над периодическими явлениями природы». Вскоре у Общества образовался большой актив корреспондентов.

Часть наблюдений фенологов-любителей систематизировал и опубликовал в 1880 году М. В. Малахов, а другая часть, содержащая главным образом наблюдения за растениями, была переслана петербургскому профессору Д. Н. Кайгородову. Долгое время этот ценный материал считался утерянным и только в 1947 году был обнаружен в научном архиве Географического общества Союза ССР в Ленинграде. Сейчас он хранится в Свердловском областном архиве.

Л. М. ХАНДРОСС

указывают антициклон. Черный пунктир показывает одинаковое изменение давления за три часа. Синим карандашом отмечается очаг наибольшего роста давления, красным — очаг наибольшего падения. Они помогут определить, как будет изменяться в дальнейшем барическое поле.

Людмила Дмитриевна заканчивает анализ. Погода как бы сфотографирована в какой-то определенный момент.

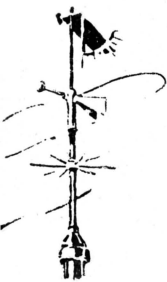
Рождение прогноза

Но погода меняется беспрерывно. Карта же фиксирует ее через каждые три часа. А за это время сколько происходит перемен! И для того, чтобы сделать разведку в будущее, необходимо обратиться к прошедшему.

Людмила Дмитриевна просматривает вчерашние карты и видит, в каком направлении и с какой скоростью идут циклоны и антициклоны, видит движение теплых и холодных фронтов. Она уже может предполагать, где они окажутся и какую погоду принесут. Людмила Дмитриевна составляет новую карту — «карту будущего положения». В заранее определенных направлениях перемещаются фронты; по-другому располагаются циклоны и антициклоны, появляются новые очаги гроз, меняют направление ветры.

Синоптики обсуждают прогноз.

А в это же время второй инженер-синоптик М. А. Тарнопольская составляет карты будущего положения на высотах. Она же методом специальных расчетов проверяет выводы дежурного синоптика.

Итак, предположим, где-то около Свердловска проходит теплый фронт. Он придет к нам ночью и принесет с собой ветер, потепление, дождь и грозу.

Но сильный ли будет ветер? Насколько потеплеет и будет ли гроза?

Перед фронтом — холодно. За фронтом — тепло. Разница температур большая — в 6—7 градусов. Центр циклона в 300 километрах от Свердловска. Это близко. Значит, теплый воздух, столкнувшись с холодным, будет охлаждаться, быстро образует низкие облака, выплеснется на землю дождем. И поэтому Людмила Дмитриевна «проектирует» дождь.

Температуру воздуха точно предсказать очень трудно. Она зависит и от почвы, и от смены времени суток, и от географической широты местности. У синоптиков есть графики температуры, основанные на многолетнем опыте наблюдений за погодой. И вот Людмила Дмитриевна, учитывая все эти обстоятельства, определяет будущую минимальную и максимальную температуру суток. Зная расстояние между центрами низкого и высокого давления, она высчитывает силу ветра.

Надо уточнить

Прогноз составлен. Теперь он обсуждается коллективом синоптиков. Среди них — старейшие работники Галина Ива-

новна Иовлева, Вера Филипповна Поспелова, Леонид Александрович Федоров, молодой инженер Анатолий Григорьевич Тарнопольский и начальник Бюро погоды Зиновий Захарович Халевицкий. Нередко они спорят, поправляют друг друга, наконец, приходят к единому решению, и только после этого очередной прогноз погоды передается в печать, на радио.

Но работа дежурного синоптика еще не кончена. Приходят новые сообщения, прогноз становится более точным. А иногда вдруг поступает телеграмма с предупреждением: «ШТОРМ!» На Свердловск надвигается гроза. И Людмила Дмитриевна немедленно посылает штормовые предупреждения тем, кому они особенно нужны. Ночью новый дежурный инженер снова уточняет дневной прогноз.

Опытные синоптики Капитолина Федоровна Строгина и Антонина Дмитриевна Уласевич, изучающие уральскую погоду уже много лет, делают глубокую разведку в будущее: долгосрочные прогнозы. Суть их работы в том, чтобы выявить основное состояние погоды на ближайшие несколько дней. Надо определить: если в Свердловск пришел антициклон, то будет ли он усиливаться, то есть надолго ли сохранится ясная погода, или он будет разрушаться, тогда как погода изменится.

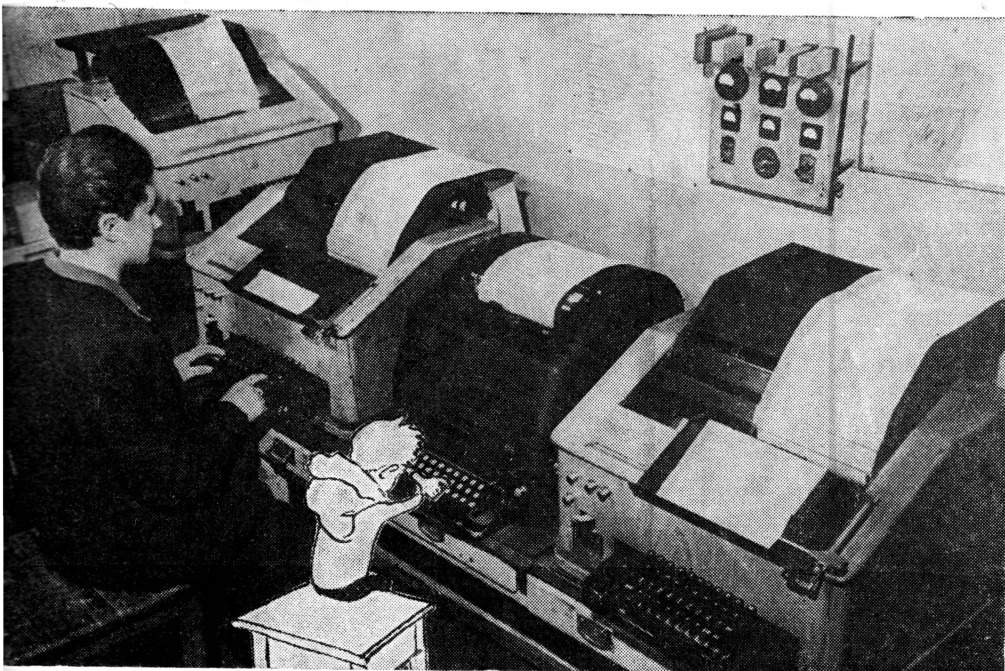
Вот нынче Капитолина Федоровна Строгина удивила уральцев неожиданным прогнозом: она предсказала в начале марта теплую ясную погоду на 8 дней. И действительно, под теплым солнцем осели сугробы, потекли ручьи, на крышах повисли сосульки, люди заговорили о весне.

Бывает и так

К сожалению, погода очень недисциплинирована и своенравна. Трудно бывает предусмотреть ее капризы.

Все помнят декабрьские морозы прошлого года. Перед их наступлением в Свердловске стояла теплая погода с температурой 2—4 градуса мороза. Дежурный синоптик предполагал, что и на следующий день она сохранится, потому что с юга двигался циклон и сво-

Г. Неустров передает синоптическую сводку.

ими вихревыми потоками выносил на Свердловск теплый воздух. В это время из Арктики наступал большой антициклон. Его прибытия в Свердловск ждали дня через два. Но циклон с юга неожиданно быстро прошел за Урал и соприкоснулся краем своим с головными потоками арктического воздуха. Пошел снег, началась метель. Температура упала до 19—20 градусов мороза, а ночью — до 40—45. Прогноз не оправдался. Вот почему синоптик никогда не бывает спокоен за свои выводы.

В середине прошлого века английский капитан Роберт Фицрой помещал свои прогнозы в газете под заголовком «Вероятность». Теперь бюро погоды ручается за правильность 70—80 прогнозов из 100. Но все-таки, если спросить у синоптика, что его больше всего огорчает, он без запинки ответит: невозможность все предусмотреть и предсказать.

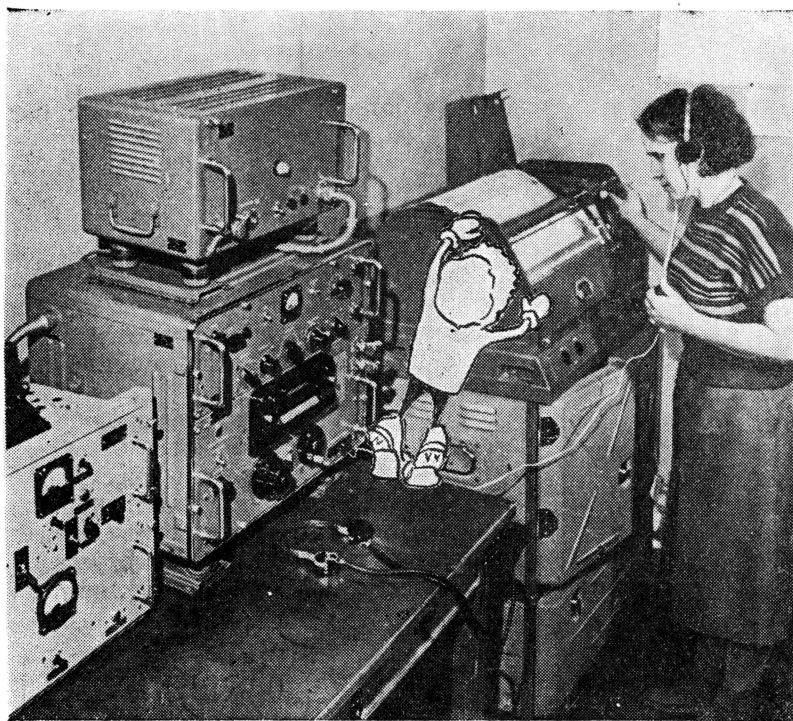
Но бывает и иначе. Начальник свердловского Бюро погоды Зиновий Захарович Халевицкий рассказывал такой случай. Гидрометеорологическое бюро в Кургане предупредило о разливе Тобола. Уровень воды должен был подняться очень высоко — на 10—11 метров. И, хотя наводнение действительно было очень сильным, заранее предупрежденные люди не пострадали. А начальник гидрометбюро Константин Михайлович Бзердеревский был просто рад. И, когда ему сообщили, что его квартиру может затопить, он ответил: «Пускай топит. Зато прогноз оправдался!»

А как это важно!

А как это важно, чтобы прогноз оправдался!

Кто не видел на аэродромах ворчливых пассажиров, сетующих на опоздание самолета из-за того, что «нет погоды»? Люди торопятся по своим делам и помнят только о делах. А синоптики думают о их жизни. Это они предупредили летчиков о том, что на пути самолета — снежная буря.

И не только летчиков. Еще раньше по их сигналу приготовились встречать выюгу железнодорожники. На опасные участки путей вышли мощные снегоочистители, чтобы обеспечить бесперебойное движение поездов. Ведь задержка одного состава ведет к общему нарушению графика движения. Своевременный прогноз помо-

Принимают фотокарту из Москвы.

гает железнодорожникам победить самых страшных своих врагов — метели, снегопады, заносы.

И хлеборобы теперь уже не полагаются на приметы. Специальная агрометслужба еще в декабре, если выпало мало снега, бьет тревогу: земля может остаться без влаги, значит, под угрозой урожай. Тогда на поля выходят тысячи колхозников, чтобы задержать снег. На косогорах они устраивают снежные валы, на ровных полях покрывают снег навозом, торфом, чтобы весной он таял медленнее.

Помогают метеорологи охранять леса от пожаров. У лесников есть даже пословица: «Из одного дерева можно сделать миллион спичек, а одной спичкой — сжечь миллион деревьев». Потушить пожар очень трудно. Гораздо легче его предупредить. Леонид Александрович Федоров с гордостью рассказывает о том, что именно уральские синоптики стали впервые ставить прогнозы горимости леса. Они объявляют о начале пожароопасного сезона задолго до его наступления. Лес заранее начинают очищать от хлама, лесники чаще обходят свои участки, патрулируют самолеты.

«Или был, например, — вспоминает Леонид Александрович, — такой случай. Несколько лет назад в наших лесах поселились страшные вредители — бабочки-монашенки. Уничтожить их можно химиче-

ской обработкой деревьев с самолетов в период выхода гусениц. Но тогда вместе с вредителями погибли и полезные насекомые, и птицы, и даже животные. Это самая крайняя мера, но иного выхода лесоводы не видели. В последний момент они обратились в Бюро погоды. Синоптики отсоветовали проводить химическую обработку. Они сказали, что ожидаются заморозки и вредители погибнут. Так и произошло».

В наше время трудно назвать область жизни, которая бы обходилась без помощи метеорологии. Синоптики участвуют в постройке заводов и прокладывании дорог; в создании новых морей и в спортивных соревнованиях; в запуске искусственных спутников Земли и космической ракеты.

Разведка продолжается

Когда-то метеорология начиналась с догадок. Сейчас она стала на прочную научную основу. На помощь приходит новая техника. Центральный институт прогнозов пробует посылать по фототелеграфу карты погоды (уральского района). Они значительно сократят труд синоптиков. Пока это только опыт, но за ним — будущее. Установлена прямая связь со многими городами. Архангельск подро-

но сообщает о Севере, Куйбышев — о Западе, о погоде Центральной Сибири рассказывает Новосибирск.

Сейчас можно рассчитать погоду путем математических уравнений с помощью специальных формул, а в дальнейшем это будут делать электронные счетные машины.

На службу синоптикам пришли новые приборы. Шары-пилоты — радиозонды — уже не новость. В верхние слои атмосферы запускаются метеорологические ракеты. Радиолокатор безошибочно указывает очаги гроз. На смену старому ветерану — флюгеру пришел электрический анеморумбометр. Теперь синоптик наблюдает ветер, не выходя из комнаты. В труднейших условиях Заполярья, высоко в горах, работают автоматические метеостанции. Там нет ни одного человека. Аппараты сами посылают сведения в эфир.

1 января 1960 года уральские метеорологи будут отмечать славный юбилей — 125 лет ежедневных наблюдений за погодой в Екатеринбурге-Свердловске.

Люди уже не боятся погоды. Они научились предвидеть ее и бороться с ней. Теперь они мечтают подчинить погоду воле человеческого разума. И эта мечта начинает осуществляться.

И. КОЛОСНИЦЫНА
Фото И. Тюфякова

Блокнот любознательных

СКОЛЬКО ВИЛЬВ?

На Урале известно четыре реки с одинаковым именем — Вильва. Одна из них — левый приток реки Усьвы, другая — приток реки Косьвы, третья — впадает в Яйву, четвертая — в Инь-еу. Есть еще Глухая Вильва — приток реки Язьвы.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

На Северном Урале есть река Аах, приток реки Конды в верхнем ее течении. Она течет по низменной болотистой равнине и поэтому отличается тихим течением. Но весной более мощные и быстрые правые притоки Конды дают такую массу воды, что она поднимается вверх по Ааху.

ПЯТЬ

УРАЛЬСКИХ БЕРЕЗ

На Урале растет пять видов берез: бородавчатая, пушистая, кустарниковая, карликовая и береза Кузьмищева. Наиболее распространены первых два вида. Бородавчатая отличается от пушистой тем, что у первой много тонких, свисающих вниз веток. В народе ее называют «плакучей». Береза Кузьмищева — низкорослая, с корявым стволом. Она растет близ границы с тундрой и в высокогорных областях Урала. Кустарниковая больше встречается на болотах, а карликовая — в тундре. Карликовую березу едят олени.

А какие березы растут у вас?

ТРАКТОР БЕЗ ТРАКТОРИСТА

Молодой тракторист Иртышского совхоза Павлодарской области Иван Логинов придумал приспособление, с помощью которого трактор пашет сам, без всякого участия тракториста.

В борозду опускается «электрический глаз» — фотоэлемент. Он строго следит за глубиной вспашки, за правильностью движения машины. Стоит только трактору немного отклониться в сторону, как автомат немедленно возвращает его на «курс».

А если перед трактором вдруг появится препятствие, например, корова? И этот случай предусмотрел изобретатель: другой фотоэлемент, установленный впереди машины, немедленно остановит ее.

Памятники насекомым

Е. БАЦЫЛЕВ

«С глубокой признательностью хлопковому долгоносику за то, что он был причиной благосостояния, воздвигли этот памятник жители города Энтерпрайза штата Алабамы» — такова надпись на пьедестале необычного памятника, что изображен на рисунке.

Долгие годы фермеры штата Алабамы (США) занимались возделыванием одного лишь хлопчатника. Он был единственным источником их существования. Но однажды, лет 50 назад, на хлопковые плантации напал очень опасный и прожорливый вредитель — мексиканский хлопковый долгоносик. Это жук овальной формы, коричнево-смоляного цвета, он покрыт грубым, бледно-желтоватым пушком, имеет длинный, тонкий и блестящий хоботок.

В течение первого года «нашествия» жуки уничтожили в Алабаме 14 000 коробочек хлопка. На следующий год эта цифра увеличилась. Несмотря на всякие химические меры борьбы, долгоносик причинял колоссальные убытки. Фермеры были в отчаянии и отказались от возделывания хлопчатника. Но чем-то нужно же было существовать? Тогда фермеры активно переключились

на разведение молочного скота и овощных культур.

Маленький мексиканский хлопковый долгоносик «заставил» фермеров Энтерпрайза выращивать новые для их местности кормовые травы, картофель, сахарный тростник, кукурузу, земляной орех, разводить скот. Это оказалось выгоднее хлопководства. Земляной орех давал такие урожаи, что вскоре здесь был построен самый большой в мире завод орехового масла. Наступило благополучие. И тогда-то один из фермеров подал мысль: прославить хлопкового долгоносика, который помог им заменить убыточное хлопководство более выгодными занятиями.

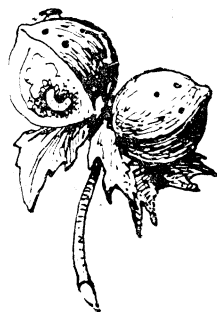
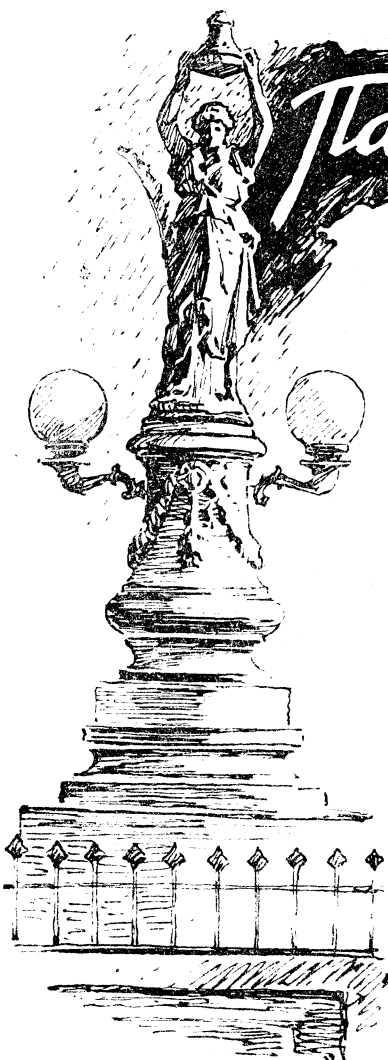
Памятник построили на добровольные сборы благодарных жи-

телей города. Он сооружен на главной улице и окружен бассейном.

Есть и еще один памятник, воздвигнутый вредителю полей. Он в Австралии. Примерно в 1838 году один из австралийских фермеров привез из Аргентины кактус, у которого были колючие, но съедобные плоды и очень красивые цветы. Растение использовали в качестве живой изгороди. Но радость фермеров была непродолжительной, так как кактус скоро превратился в весьма вредный и злостный сорняк: неизменно быстро размножаясь, он стал заполнять все сельскохозяйственные угодья. Он достигал размеров дерева и не давал произрастать полезным сельскохозяйственным культурам. Быстро расселению кактуса и захвату им все новых и новых земель способствовали ветер, вода и птицы, разносившие всюду его семена. Кактус беспощадно уничтожали тракторами, но — увы! — результаты были плачевными.

И вот тут-то на помощь пришла сама природа. Узнали, что кактус у себя на родине, в Южной Америке, погибает от бабочки, которую называют кактоблестис. Привезли ее и высадили на кактус 2750 миллионов ее личинок. Бабочка быстро прижилась и в течение 10 лет уничтожила значительную часть злостного сорняка.

Тогда-то жители небольшого городка Бунарга в австралийском штате Квинсленд впервые в мире построили памятник вредному насекомому, спасшему фермеров от разорения и бед.

ГОРОДА нашего края

Первые жители Ирбита появились на высоком берегу реки Ирбит в 1631 году. Сюда из северных районов России приплыли на лодках 33 крестьянские семьи.

Прадедушка уральских заводов — железодельный завод — возник на реке Нице, несколько выше Ирбитской слободы в том же году. Работали на нем крестьяне. Каждая семья обязана была добыть руду, выжечь древесный уголь и сделать за девять месяцев 400 пудов железа. Завод прекратил существование в конце XVIII века из-за недостатка руд.

ИРБИТ

Цифры, факты

Самая долголетняя в России ярмарка была в Ирбите. Она возникла в XVII веке и просуществовала около 300 лет. Это вторая по величине ярмарка после Нижегородской. Здесь происходил товарообмен между Уралом и Сибирью, Европой и Азией. Сюда приезжали купцы из Бухары и Китая.

Сто тысяч человек съезжались иногда на Ирбитскую ярмарку, в то время как все постоянное население города в конце прошлого века составляло всего лишь шесть тысяч жителей.

Общий вид Гостиного двора Ирбитской ярмарки в XIX веке.

«Зеркалом пушнины» называли Ирбит. На ярмарку свозили с севера Урала и Сибири тысячи шкур соболей, горностаев, песцов. Сюда приезжали лондонские и лейпцигские купцы. Целые обозы пушнины шли из Ирбита на Лейпцигскую ярмарку.

Первая общественная школа была открыта в городе в конце XVIII века. Губернатор послал в нее двух учителей — певчих из своего хора: сержанта Ивана Иванова и рядового Пимена Лебедева. Один вел пение, а другой — все остальные предметы. Позднее школа стала называться малым народным училищем, в первом классе которого занимались пятнадцать человек, во втором — девять. И даже в 1884 году на весь Ирбит и уезд училось всего 407 мальчиков и ни одной девочки.

Каменная Сретенская церковь — ныне котельная автоприцепного завода. Построили ее в начале XIX века на болотистом грунте, без специального фундамента. Рабочие разобрали церковь по кирпичу, на том же месте вырыли большой котлован, в дно забили тысячи свай и в 1830 году воздвигли новое здание, которое стоит и сейчас.

Н. Г. Гарин-Михайловский — известный русский писатель — был по специальности инженер-путеец. Он руководил изысканиями железной дороги между станциями Ирбит и Богданович.

Отец писателя Александра Фадеева, А. И. Фадеев, был членом народнического кружка учителей в Ирбите. За пропаганду вольнолюбивых идей его уволили с «волчьим» билетом, без права работы в школах.

Слесарей, токарей, кузнецов для Уралмаша готовила школа-завод, созданная в Ирбите в 1930 году. Первый выпуск в 1931 году — 335 человек. Все едут на строительство гиганта уральской индустрии. Впоследствии школа-завод превратилась в завод автоприцепов. Сейчас ирбитские автоприцепы идут на целинные земли, в Китай, Афганистан, Вьетнам.

Кирпич для строек первой пятилетки давал диатомитовый¹ комбинат. Позднее комбинат стал выпускать небьющееся

¹ Диатомит — горная порода, применяемая для производства стекла и теплоизоляционных материалов.

стекло на автобусы, автомашины, троллейбусы, тракторы Челябинского тракторного завода и на кабины экскаваторов Уралмашзавода.

Только в Ирбите на химико-фармацевтическом заводе выпускается папаверин — ценнейшее лекарство для лечения гипертонии. Раньше его привозили из-за границы.

Все мельницы от Волги до Тихого океана обеспечивает недавно созданный в городе жерновой завод.

Выпуск 150-тысячного мотоцикла отметил в 1958 году коллектив мотоциклетного завода. Он возник в 1941 году на

Союзе. Возрос выпуск машин, выросли люди. И. Н. Илясов прошел путь от кочегара до начальника бюро технической информации, Виноградский — от рабочего до начальника смены.

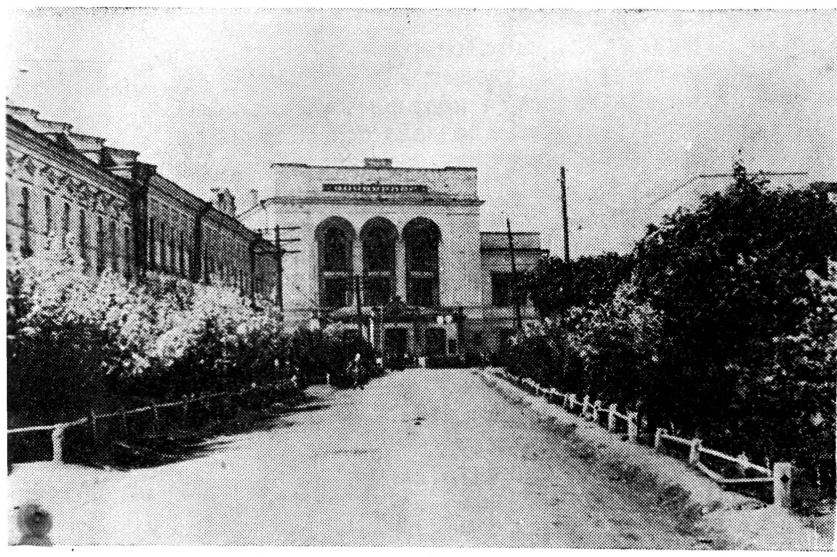
Городом мотоциклов называют Ирбит. Больше тысячи семей имеют здесь эту машину, каждый пятый — права. В городе находится единственный в стране мотоциклетный техникум, который готовит кадры для завода.

Я. ГЕРШТЕИН

Городской драматический театр имени А. Н. Островского.

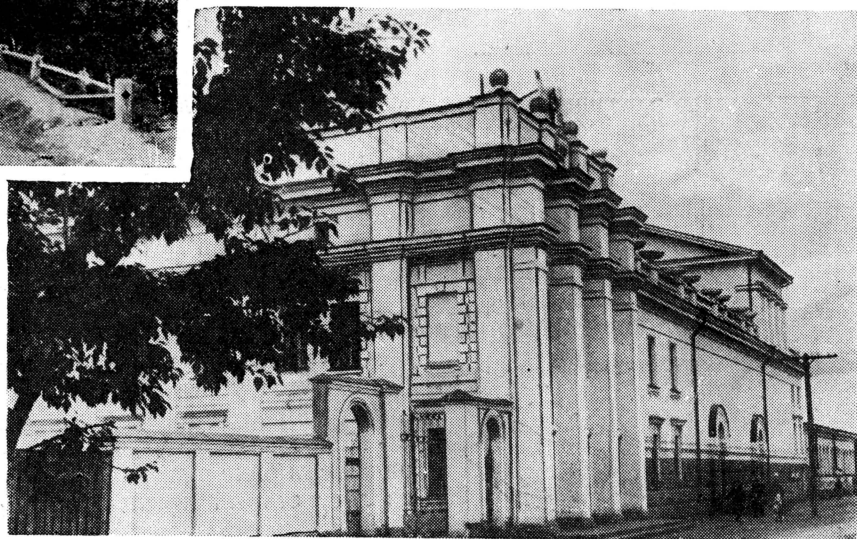

Старый въезд в город Ирбит.

Универмаг, бывший ярмарочный Пассаж.

базе московского завода. Первой электростанцией был здесь двигатель с электромотором всего лишь в десять киловатт. Первой котельной был паровоз. Постепенно завод стал крупнейшим в Советском

В лесном краю

Владимир АСТАФЬЕВ

ДУРАКИ

Избушка наша стояла у самого леса, а в обрывистый берег реки мы вкопали баню. Над самой баней — огромная листвення, а к ней березка притулилась. Мы не трогали эти деревья. Они наподобие маяка для парходов были.

И вот рано утром, в конце августа, выхожу я из избушки. Бело кругом от инея. Лес оцепенел, притих. Осень здесь рано начинается. Слышу — тэк-тэк-тэк, тэк-тэк...

Глухарь токует. Робко, правда, по-осеннему, но токует. Глянул — на лиственни ходит по суку, крылья распустил здоровенный бородатый глухарь. Я в избушку за ружьем. Дед ружье у меня отобрал.

— Что за корысть — старика ухлопать? Птицы мало тебе, что ли?

Птицы в Заполярье, особенно в эту пору, много, и, конечно, дед был прав. Зачем старого глухаря губить? Мясо у него жесткое, как дерево.

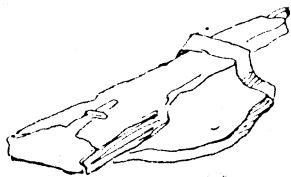
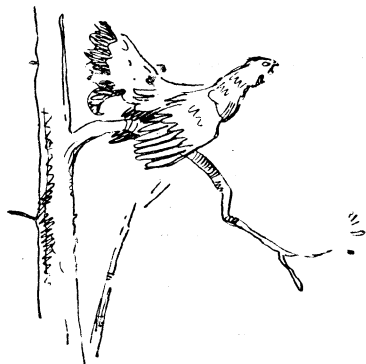
И вот каждое утро, на заре, к бане выходил из лесу старый песель-

ник. Он не прилетал, а именно приходил и вспархивал на нижний сук лиственни. Посидит, посидит, осмотрится и словно бы ненароком, уронит: «Тэк». Послушает, как получилось, и повторит: «Тэк-тэк». А потом разойдется, разойдется. Глядит на зарю и напеваает. Крылья раскинет, перья у него на затылке дыбом поднимаются — топчется, хорохорится.

Может быть, чувствовал старик, что до весны не дотянет и спешил сыграть свою любовную песню.

Однажды к нам из города приехали ягодники и охотники. Рано утром выстрел прокатился по лесу, расколол тишину. Черным комом грохнулся с лиственни наш певец. Упал, забился и затих, вытянув мохнатые лапы. И только хвост еще медленно расправлялся в громадный веер. Дед из избушки выскочил, поднял за крыло глухаря и сказал дрогнувшим голосом:

— Эх, дураки. Последнюю песню убили.

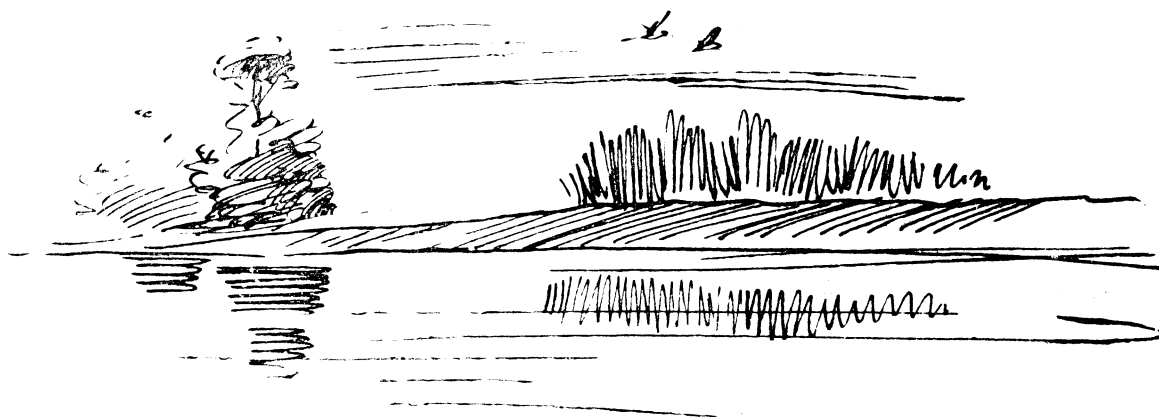
УТРО, КАКОГО В ГОРОДЕ НЕ БЫВАЕТ

Городского человека чаще всего по утрам будит какой-нибудь шум: звон будильника, голос гудка, грохот колес, сигналы автомашин, а то и гром посуды, уроненной ненароком стряпухами на кухне... Нечасто нам приходится просыпаться от тишины. Да-да, от тишины!

Вот, как это бывает, или, точнее, как было в то утро.

Сон неуверенно и медленно уходил от меня. Организм привык к тому, чтобы его

тоже смотрит во все глаза, смотрит и слушает. Я бегу по траве к берегу, оставляя за собой темные полосы. Сапоги мои блестят от росы. Забретаю в воду. Из прибрежной осоки заволокло полночь. Сонный окунишка запутался в траве, забился и в панике выкинулся на кочку. Он растопырился всеми колючками, готовый защищать свою маленькую жизнь. Но ни-

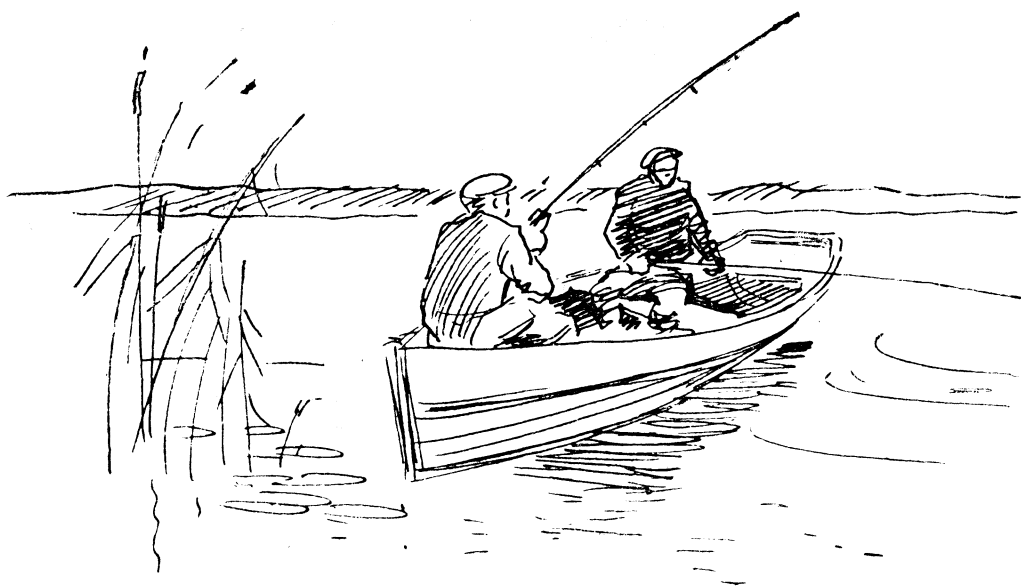
что-то взбудоражило и разом стряхнуло сон. А тут тишина. Тишина и прохлада. Устав ждать, я неуверенно открыл глаза и увидел над головой зеленый куст ивы, усыпанный светлыми искорками росы. Трава, цветы опились за ночь влагой, томо поникли их стебли и головки. Они тоже отдыхали, благоговейно ожидая солнца. Я приподнялся, сел. Над водой, словно полосы снежной поземки, летели клочья тумана. Задевая прозрачными крыльями кусты, туман застревал в них, густел, окуривая зелень как бы седым дымком. На плесе плавали мелкие хлопья пены. Казалось, что за ночь кто-то набросал на воду множество белых ромашек.

Молчали птицы, молчали кузнечики, даже рыба спала и не играла на плесе. Сон и туман окутали все вокруг.

Однако рыбаку спать в такое утро — непростительный грех. Я хочу толкнуть товарища, но он уже разомкнул веки и

кто на него не нападал, и он бочком-бочком соскользнул в воду, да как помчится по самому верху, прочерчивая зеркальную гладь воды воинственно поднятым гребешком.

И вот мы снова на середине плеса, немножко вялые со сна. Делаем первые забросы. Лодку кружит и медленно несет тихое течение. Я подматываю блесну. На тройнике усами висит трава, блесна не играет. Отцепляю траву и замахваюсь для второго заброса, но слышу тихое: «Ша!» Товарищ глазами показывает мне под склонившийся над водой черемушник, где расходятся плавные круги. Я вглядываюсь пристальней и вижу перочку утокрякв. Селезень, утративший свою весеннюю красоту и изрядно отощавший, безо всякой опаски кормится, то и дело погружая в воду голову. А утка окунется, почавкает и тут же сторожко озирается, покрякивая.

Лодка у самого куста. Утка заметила ее черный силуэт, выдвигающийся из тумана, отчетливо крикнула и побежала по воде возле стенки осоки. Селезень бестолково огляделся и, видимо, не совсем уразумев, в чем дело, ринулся за ней.

Утиная парочка взметнулась над черемушником и ушла вглубь, на лесные озера. Долго проводжали мы взглядом удаляющихся птиц. А когда они скрылись из виду, оглянулись и увидели, как уходит утро. Солнце, выглянув из-за леса, золотило воду на плесе. Яркие лучи его острыми ножами резали клочья тумана на мелкие части и сплавляли их вниз по реке, туда, где шумел перекат.

Зазвенели сотни птичьих голосов. А под самым берегом окуни начали охоту. И рыба мелочь, спасаясь от них, раз за разом выбрасывалась на поверхность, сверкая в воздухе, как горсть серебряных монет.

Нет, такого утра в городе не бывает.

ДВЕНАДЦАТЬ ПАТРОНОВ И НИ ОДНОЙ ГАГАРЫ

Живет в наших краях птица-гагара. По виду она напоминает утку, но только голова у нее узенькая, туловище клином, а лапы возле самого хвоста. Ходит по суше гагара совсем плохо и потому гнездо делает возле самой воды, чтобы в случае опасности сразу же нырнуть.

До войны наша семья жила неподалеку от Игарки, на берегу Енисея. Дед мой и отец заготавливали дрова для пароходов (тогда еще некоторые пароходы отапливались дровами). И вот неподалеку от нашей избушки поселились на озере две гагары. Жили там и другие птицы, но никакого беспокойства нам не причиняли. А эти, ну, просто извели. На озере сидят, стонут жалобно, будто где лесиной ребен-

ка придавило; летят — кричат так, словно ржавой пилой крепкий сук пилят. Дед мой был человек беспокойный, спал вообще плохо, а тут еще гагары его донимали. Вовсе дед сна лишился. Ругается.

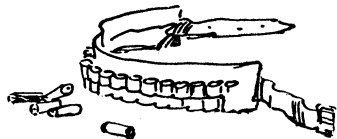
Я говорю:

— Застрели, дедушка, гагар.

Он на меня глянул одним своим глазом и усмехнулся:

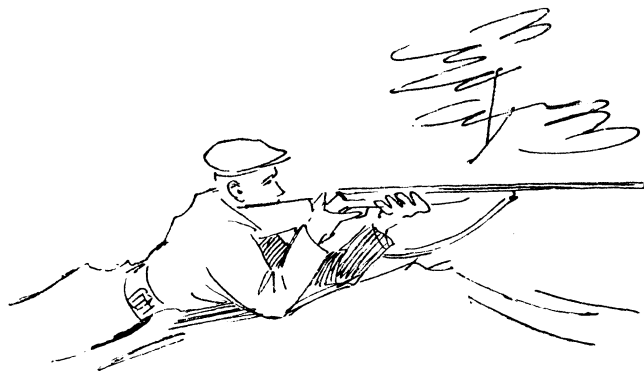
— Больно приткай. Попробуй сам застрели, а я, брат, не берусь за это дело.

Ну, думаю, если ты не берешься, так я возьмусь. Снял со стены патронташ, ружье прихватил и подался на озеро. Утки, какие были на озере, поднялись и улетели, а гагары плавали и внимания на меня не обращали. Подождал я, когда они сплывутся вместе, трахнул из ружья — гагар как не бывало. Только круги по озе-

ру расплываются. Стало быть, поторопился, промазал. Жду. Одна гагара вынырнула под самым моим носом. Бух я ее вторично. Нет гагары, исчезла. Гляжу, другая гагара вынырнула. Я по ней стукнул, и она занырнула.

Зло меня взяло. Как, думаю, так, рядом плавают птицы, и я попасть не могу! Раньше стрелял уток запросто, а тут мажу. Ну, уж сейчас не буду торопиться, прицельюсь, как следует. Гагары же стали из воды показывать одни лишь головки. Высунут головку, вдохнут воздуху и кувырк в воду. А я по ним палю, я палю. Гляжу — на воде перья плавают, а птицы как ни в чем ни бывало ныряют.

Было у меня двенадцать патронов, все выстрелил. Если бы еще двенадцать было, я бы и те сжег, в такой азарт вошел.

Прибрел я домой, расстроенный, ружье бросил. Дед за патроны меня побранил крепко, а потом успокоился и сказал:

— Дурья башка! Не берет ведь гагару дробь-то.

— Как не берет?

— А так. У тебя в патронах «пятерка» — на уток заряжена, а гагару перваком, первым номером, значит, стреляют. У нее перо очень плотное, да кожа такая, что пятерка не просекает. Этой дробью нужно попасть в голову. А голова-то у нее, видел, какая?! Меньше бутылочной пробки. Да и добудешь гагару, так ни к чему. Надо ее варить три дня в русской печке, а потом собакам выбросить. Мясо у нее гольной рыбой пахнет. Правда, шкурка ценная...

И тут дед рассказал мне, что гагару отеребить невозможно. Ее обдирают, как белку. Потом шкурки гагары выделывают и шьют из них чулки. Говорят, самые теплые и прочные чулки из гагарьих шкурок получаются...

ЧИТАЙТЕ В № 7 «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»:

«Свинцовый залп» — рассказ Мих. Зуева-Ордынца из времен гражданской войны в Сибири;

«Конец Колчака» — из архива писателя И. Новокшенова;

«Последние дни последнего царя» — очерк старой коммунистки Т. И. Наумовой-Теуминой;

«Как освободили Екатеринбург» — воспоминания генерал-майора А. Гундорина, бывшего начальника артиллерии 28-й стрелковой дивизии;

«Красные дьяволята» — продолжение приключенческой повести П. Бляхина;

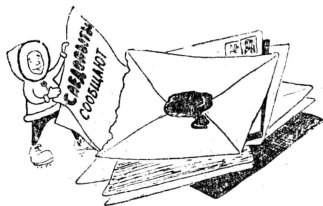
«Герои Урала» — очерк полковника Е. Тимофеева о комдиве С. Востречове;

«Коммунары «Рассвета» — воспоминания Ф. Булатова,

«Несознательная публика» — рассказ А. Показаньева из жизни молодых рабочих;

«В гостях у юбиляра» — очерк о заводе «Уралэлектроаппарат»,

«Домашние лоси» — статья кандидата биологических наук Е. Кнорре.

Кошка сердится

Здравствуй, дорогая редакция!
Вам пишет ученик 24-й школы
5-го «В» класса. У нас дома есть
злая кошка. Я долго пытался
сфотографировать ее, злую, но

она двигалась и получалась плохо. Однажды она опять разозлилась и встала в нужную позу. Я быстро сфотографировал ее и снимок посылаю вам.

Вова ФОМИЧЕВ,
г. Ижевск

Памятник французскому путешественнику в Фергане

На городском кладбище в Фергане (Узбекская ССР) под вековой сенью развесистых карагачей высится надербоный обелиск.

Массивный крест увит венками ажурных металлических листьев с белыми искусственными розами, сделанными из фарфора.

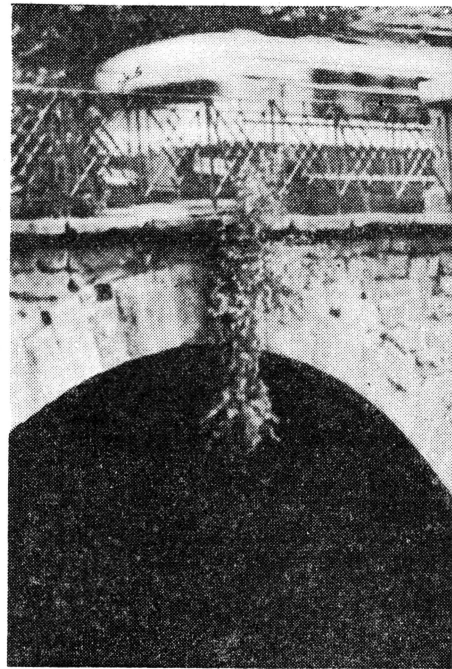

Здесь 11 мая 1892 года был похоронен известный французский путешественник, исследователь Средней Азии Жозеф Мартин. Памятник хорошо сохранился, четко видна надпись на французском языке.

С ранней весны до поздней осени на могиле французского ученого лежат свежие цветы.

На снимках: 1. Общий вид памятника Ж. Мартину. 2. Надпись на памятнике Ж. Мартину.

Фото и текст Л. СЕЛЬСКОГО

Висячая березна

Как-то березовое семечко ветер занес в щель моста по улице Декабристов. Оно нашло питательную среду и превратилось в висячую березку.

Ф. БУЛАТОВ,
г. Свердловск

Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (зам. главного редактора), Ю. Койнов, Ю. Курочкин (редактор отдела науки, техники и краеведения), Л. Сорокин, Л. Неверов (редактор отдела прозы и поэзии), Г. Перебатов, Кл. Рождественская, В. Шустов. Обложка художника Е. Гилевой.

Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24. Тел. Д1-22-40. Рукописи не возвращаются. Художественный редактор Я. Черников. Технический редактор Т. Меньщикова. Корректор О. Булгакова.

Подписано к печати 13/VI 1959 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,5 бум. л. — 8, 2 печ. л. Уч.-изд. л. 10,15. НС13509. Тираж 50000. Заказ 134. Цена 3 руб.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

Обложка и вкладка опечатаны в Свердловской хромолитографии.

На зорьке.

Фото П. Владимирова.

